

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
«ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

№ 2 (22)

Издается с 2009 года
Выходит 4 раза в год

Москва
2017

VESTNIK
MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES
PHILOSOPHICAL SCIENCES

№ 2 (22)

Published since 2009
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

Агранат Д.Л.

доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бессонов Б.Н.

главный редактор

профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Бирич И.А.

заместитель главного редактора

профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Сухорукова О.А.

ответственный секретарь

доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат исторических наук, доцент

Гогиберидзе Г.М.

профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор

Жукоцкая А.В.

профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, доктор философских наук, профессор

Мамедова Н.М.

профессор кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор философских наук, профессор

Мелкумян В.М.

доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат экономических наук, доцент

Чёренькая С.В.

ответственный секретарь

доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления ГАОУ ВО МГПУ, кандидат философских наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2074-7829

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора

Задачи номера	8

Наши юбиляры

От редколлегии	10
<i>Чесноков Г.Д.</i> Философия в постсоветской России.....	12
<i>Иванюшкин А.Я.</i> Создаст ли современная наука «эликсир бессмертия»? <i>Размышления по поводу книги Е. Кокуриной «Бессмертные»</i>	26

К столетию Русской революции

<i>Жукоцкая А.В.</i> Философы-изгнанники о трагедии и уроках Русской революции.....	37

К 2400-летию Аристотеля

<i>Бессонов Б.Н.</i> Аристотель — универсальный мыслитель Античности	49
<i>Шлемова Н.А.</i> Аристотель. Критика платонизма	60
<i>Моисеева Н.А., Шипилов А.Г.</i> Воплощение аристотелевской концепции дружбы и верности (на примере отношений с Александром)	64
<i>Туйцын Ю.В.</i> Социальные функции труда в философии Аристотеля	73
<i>Бирич И.А.</i> Педагогический потенциал текстов Аристотеля.....	82
<i>Мирзоян А.В.</i> Взгляды Аристотеля на идеальный город.....	91

Философия образования

<i>Иванеев С.В.</i> Категория «субъект образования» в логике социокультурного процесса.....	95

Научная жизнь

Материалы круглого стола «Современный университет в условиях рынка»	104
<i>Твердынин Н.М.</i> Высшая школа и проблемы рыночных отношений	105
<i>Чёрненькая С.В.</i> Российский университет в условиях глобализации и рынка	110
Обсуждение выступлений участниками круглого стола (А.В. Жукоцкая, В.М. Кондратьев, Л.В. Королева, В.М. Мелкумян).....	113

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Философские науки», 2017, № 2 (22).....	118

Требования к оформлению статей.....	122

CONTENTS

Word of Editor in Chief

Objectives of the Issue.....	8

Our Anniversaries

From the Editorial Board.....	10
<i>Chesnokov G.D.</i> Philosophy in Post-Soviet Russia.....	12
<i>Ivanyushykin A.Ya.</i> Will Modern Science Create the “Elixir of Immortality”? <i>Reflections on E. Kokurina’s Book “Immortals”</i>	26

To the Centenary of the Russian Revolution

<i>Zhukotskaya A.V.</i> The Philosophers-Exiles about the Tragedy and Lessons of the Russian Revolution.....	37

To the 2400th Anniversary of Aristotle

<i>Bessonov B.N.</i> Aristotle is the Universal Thinker of Antiquity	49
<i>Shlemova N.A.</i> Aristotle. Criticism of Platonism.....	60
<i>Moiseeva N.A., Shipilov A.G.</i> The Embodiment of the Aristotelian Concept of Friendship and Faithfulness (on the Example of Relations with King Alexander the Great).....	64
<i>Tuytsyn Yu.V.</i> Social Functions of Labour in the Philosophy of Aristotle	73
<i>Birich I.A.</i> Pedagogical Potential of the Texts of Aristotle.....	82
<i>Mirzoyan A.V.</i> Aristotle’s Views on the Ideal City	91

Philosophy of Education

<i>Ivaneev S.V.</i> The Category of “Subject of Education” in the Logic of the Socio-Cultural Process	95

The Scientific Life

Materials of the Round Table «Modern University in the Market Conditions»	104
<i>Tverdynin N.M.</i> Higher School and the Problems of Market Relations	105
<i>Chernenkaya S.V.</i> A Russian University in the Conditions of Globalization and the Market.....	110
Discussion of Speeches by Round Table Participants (A.V. Zhukotskaya, V.M. Kondratiev, L.V. Koroleva, V.M. Melkumyan)	113

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Philosophical Sciences», 2017, № 2 (22)	118

Style Sheet	122

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЗАДАЧИ НОМЕРА

В разделе «Наши юбиляры» публикуются статьи наших замечательных коллег профессора Г.Д. Чеснокова и профессора А.Я. Иванюшкина.

Г.Д. Чесноков, сравнивая состояние преподавания курса философии в постсоветской России с состоянием и уровнем философского образования в Советском Союзе, приходит к выводу, что уровень философской подготовки студентов российских вузов за минувшие 25 лет неуклонно падал и достиг крайне низкого уровня, что, естественно, сказывается на интеллектуальном и нравственном облике учащихся.

А.Я. Иванюшкин подготовил статью-размышление по поводу книги Е. Кокуркиной «Бессмертные». Автор дает краткий обзор научных достижений в области современной биогеронтологии и в связи с этими достижениями раскрывает особенности постнеклассической науки как технауки, в которой «Лаборатория» становится своеобразной «социальной машиной», производящей всё новые и новые технологии.

Мы продолжаем публикацию статей, посвященных столетию русской революции. Профессор А.В. Жукоцкая анализирует взгляды философов

русского зарубежья (Н. Бердяева, С. Франка, И. Ильина, П. Струве и др.) на истоки, сущность и последствия русской революции XX в. Подчеркивается, что объединяющим началом в их понимании революции является ее восприятие как безусловно трагического, катастрофического события русской истории.

В 2016 г., который по решению ЮНЕСКО был объявлен Годом Аристотеля, философское сообщество отметило 2400-летие великого древнегреческого мыслителя. В данном номере дана подборка серии статей, в которых рассматриваются идеи великого мыслителя в различных областях человеческого познания: натурфилософии, метафизики, теории познания, логики, этики, политики, риторики, теории искусства и др., в которых Аристотель оставил свой глубокий след, что явственно и сегодня. И хотя мыслитель жил почти две с половиной тысячи лет назад, наше обращение к нему будет продолжаться бесконечно, он всегда будет нашим собеседником и мудрым наставником.

К настоящему времени читателей «Вестника философии» возвращает наша постоянная рубрика «Философия

образования». Кандидат юридических наук С.В. Иванеев в своей статье подчеркивает, что образование должно быть не только способом формирования у новых поколений профессиональных знаний и умений, но и быть основой раскрытия для современников подлинности (т. е. объективности) бытия общества и связанного с ним социального и культурного образа жизни человека. На основе образования человек должен реализовать себя как личность именно в контексте своей включенности в социум и культуру.

Тему образования продолжает рубрика «Научная жизнь». В ней осуществлен обзор материалов круглого стола общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук

«Образование в условиях рынка». Участники круглого стола — А.В. Жукоцкая, В.М. Кондратьев, Л.В. Королева, В.М. Мелкумян, Н.М. Твердынин, С.В. Чёрненькая — говорили о том, что перевод высшего образования на рельсы рыночной экономики не только наносит огромный ущерб философии и всем другим гуманитарным наукам, полезность которых невозможно измерить экономической меркой, но и существенно деформирует лицо самого университета, ибо его главной задачей является формирование личности человека, обладающей наряду с профессиональными знаниями и деловыми навыками высокими интеллектуальными и нравственными качествами.

Б.Н. Бессонов

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

От редколлегии

В текущем году общеуниверситетская кафедра философии и социальных наук МГПУ отмечает два замечательных юбилея: профессору кафедры Александру Яковлевичу Иванюшкину исполнилось 75 лет, а профессору Григорию Дмитриевичу Чеснокову — 80 лет. А.Я. Иванюшкин и Г.Д. Чесноков — выдающиеся отечественные ученые, замечательные педагоги и воспитатели, глубоко порядочные, интеллигентные люди.

А.Я. Иванюшкин родился 13 февраля 1942 г. в Караганде в советской трудовой семье. После окончания Карагандинского медицинского института в 1965 г. работал преподавателем кафедры философии и политэкономии в этом же институте, в 1968–1970 гг. являлся заместителем директора Мещерского медицинского училища (Московская область). В 1973–2008 гг. Александр Яковлевич работал на кафедре философии АМН СССР (РАМН) — сначала старшим преподавателем, затем доцентом и с 2001 г. — профессором. Защитил в 1974 г. в НИИ судебной психиатрии им. В.П. Сербского диссертацию на соискание учёной степени кандидата медицинских наук, а в 1990 г. в Институте философии РАН СССР докторскую диссертацию на тему «Философские основания биомедицинской этики». С 2008 г. и по настоящее время работает профессором нашей кафедры.

Докторская диссертация А.Я. Иванюшкина стала первой в России философской докторской диссертацией по биоэтике. С 2006 г. А.Я. Иванюшкин является членом Российского комитета по биоэтике при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. В качестве научного консультанта отдела социальной педиатрии Научного центра здоровья детей (НЦЗД) он участвовал в разработке важнейших научных программ, например «Концепции Государственной политики Российской Федерации в области охраны здоровья детей» и др. Особенно важный вклад внес А.Я. Иванюшкин в разработку такого направления социальной педиатрии, как легитимизация в Российской Федерации нового критерия смерти («смерть мозга»). А.Я. Иванюшкин является автором более 100 научных трудов. Под его руководством защищены две кандидатские философские диссертации. Заслуги А.Я. Иванюшкина признаны Отечеством, ему присвоено звание «Отличник здравоохранения СССР» (1987 г.).

Г.Д. Чесноков родился на Урале 1 июня 1937 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург) в семье молодых специалистов-гуманитариев. Мать, *Фрида Савельевна Гинзбург*, — кандидат исторических наук, специалист по истории горнозаводского Урала. Отец, *Дмитрий Иванович Чесноков*, — крупный советский философ,

автор работ по истории философии и философским проблемам марксизма, член Академии педагогических наук СССР, партийный и государственный деятель Советского Союза.

Г.Д. Чесноков после окончания Уральского государственного университета в 1959 г. работал в социологической лаборатории (первой в нашей стране) этого университета. Затем окончил аспирантуру философского факультета МГУ и защитил кандидатскую диссертацию, посвященную философии истории Арнольда Тойнби, которая явилась первым в нашей стране крупным теоретическим исследованием философско-исторической концепции английского историка. После защиты диссертации Г.Д. Чесноков в течение 11 лет преподавал философию, сначала — в Горьковском институте иностранных языков им. Н.А. Добролюбова, а затем — в Горьковском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. В этот период им была написана и опубликована монография («Современная буржуазная философия истории», 1972), а также подготовлена докторская диссертация, которую Г.Д. Чесноков защитил на философском факультете МГУ в 1974 г. (в возрасте 37 лет).

После защиты докторской диссертации Г.Д. Чесноков переезжает с семьей в Москву и работает сначала заведующим кафедрой, а затем профессором на кафедрах философии вузов Подмосковья и Москвы. В течение 5 лет (1978–1983) он являлся профессором кафедры философии ИПК МГУ.

С 1986 г. на протяжении более чем 20 лет Г.Д. Чесноков — профессор кафедры философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, преобразованной в Академию Государственной службы при Президенте РФ. Годы работы в Академии стали наиболее плодотворными в творческой биографии Г.Д. Чеснокова. За это время им было написано более 150 работ. Среди них три больших монографии: «История философской мысли: традиции и новации» (2003), «Философия в поиске» (2007); «Самый выдающийся марксист XX столетия» (2009).

В сентябре 2009 г. Г.Д. Чесноков переходит на работу в Московский городской педагогический университет, где работает по настоящее время. В 2016 г. вышла в свет его монография «Мировоззрение Чернышевского», ставшая важным вкладом в изучение философского наследия выдающегося русского мыслителя-демократа.

За 58 лет научно-педагогической деятельности профессором Г.Д. Чесноковым опубликовано более 280 научных работ, в том числе 8 монографий. Им подготовлены два доктора и десять кандидатов философских наук.

За многолетнюю научно-педагогическую деятельность профессор Г.Д. Чесноков дважды удостоивался Благодарности министра образования СССР. В 2007 г. он был отмечен знаком «Почетный работник профессионального образования», награжден медалью «За доблестный труд».

Уважаемые Александр Яковлевич и Григорий Дмитриевич! Мы, Ваши коллеги, друзья и товарищи, сердечно поздравляем Вас с Вашими замечательными юбилеями, желаем Вам крепкого здоровья и новых творческих достижений, радости и счастья в кругу самых близких и дорогих Вам людей.

Сотрудники кафедры философии и социальных наук

Г.Д. Чесноков

Философия в постсоветской России

В предлагаемой статье автор оценивает состояние преподавания курса философии в постсоветской России и приходит к выводу, что уровень философской подготовки студентов российских вузов за минувшие 25 лет неуклонно снижался и достиг крайне опасного уровня.

Ключевые слова: философия; марксистская философия; советская философия; материалистическая концепция истории; эклектизм.

Чтобы понять и адекватно оценить состояние философии, а значит, и философских знаний учащихся высших учебных заведений современной России, следует поначалу напомнить, каков был уровень философского образования в Советском Союзе, правопреемницей которого после его распада стала Российская Федерация.

Уровень этот был, несомненно, достаточно высок, о чем, в частности, свидетельствовал интерес к отечественной философии со стороны наших западных коллег, который мы имели возможность наблюдать в ходе наших контактов с последними. Я не хочу сказать, что советская философия имела одни достоинства и никаких недостатков. Это было бы неправдой. Вместе с тем не следует забывать, что советское государство просуществовало чуть более семи десятков лет, что за это непродолжительное время наша страна сумела победить неграмотность, превратилась в самую читающую страну в мире, добилась выдающихся успехов в науке и освоении космоса. С перечисленными выше достижениями спорить невозможно, но уже в ходе перестройки (2-я половина 80-х гг. XX в.) со страниц газет и журналов все чаще и чаще стали раздаваться голоса о том, будто советское обществознание и, в первую очередь, марксистская политэкономия, не способны справиться со стоящими перед обществом насущными задачами, что западная экономическая наука в противоположность марксистской глубже вникает в проблемы развития экономики, что классовый подход к проблемам общественного развития не позволил правильно увидеть движущие силы посткапиталистического этапа развития истории.

То, что капиталистическая фаза мировой истории была преодолена западными странами уже к концу 60-х – началу 70-х гг. прошлого столетия, социология этих стран считала к середине 70-х гг. фактом вполне доказанным.

Идея вступления мировой цивилизации в стадию постиндустриального общества понемногу начинала укореняться и в сознании части советских обществоведов, включая, разумеется, и философов нашей страны. Между тем

теория постиндустриального общества (данный термин пришел к нам с Запада) имела свою оборотную и, кстати, вполне идеологизированную сторону, на которую со временем у нас в стране перестали обращать какое-либо внимание. Если встать на точку зрения, что эпоха постиндустриализма есть некая более высокая фаза общественного развития, нежели прежняя, капиталистическая, то этим признается ошибочным учение К. Маркса о социальной революции как законе общественного развития. Если бы обществоведы нашей страны глубже усвоили суть материалистической концепции истории К. Маркса и Ф. Энгельса, они бы никогда не заговорили о том, будто капиталистическая фаза мирового развития к концу XX столетия была успешно преодолена ведущими странами Запада. Постиндустриальный капитализм есть тот же самый капитализм, о котором поведал автор «Капитала», и основным законом развития данного общества остается острая конкуренция, в которой сильные устраняют слабых. Короче, серьезный порок советского общественнознания как минимум с середины 80-х гг. XX в. проявлялся в том, что посткапиталистическая, обусловленная использованием новых технологий и **капиталистической** глобализацией, фаза развития **капитализма** была воспринята частью советской интеллигенции как исчезновение капиталистических общественных отношений. Это, в свою очередь, порождало мысль, что частная собственность и капиталистическая частная собственность есть два совершенно разных вида собственности. Капиталистическая частная собственность, порождающая эксплуатацию чужого труда, как показалось некоторым, прекратила свое существование на Западе, а та частная собственность, которая вроде бы заменила исчезнувшую капиталистическую, не предполагает более эксплуатации человека человеком.

Основной тезис новых российских либералов, выдвинувших на политический олимп Б. Ельцина в противовес М. Горбачеву, звучал примерно так: социализм в конце XX столетия деградирует и никаких возможностей вернуть социалистической системе хозяйствования былую жизненную силу не существует, тогда как западная рыночная система конкуренции создает необходимый стимул для непрерывного развития экономики.

Отсюда вывод наших либералов-экономистов, которым загорелись сначала «команда» Горбачева, а позднее «команда Ельцина», свелся к утверждению, что следует как можно скорее устранить существующую в СССР государственную собственность, преобразовав ее в частную. К каким последствиям привели нашу страну либеральные реформы, хорошо известно. Ограничимся всего двумя примерами. Мы потеряли единую страну, а правопреемница СССР Россия за десять лет правления Ельцина потеряла 10 млн своих граждан.

Сегодня абсолютное большинство россиян считают либеральные реформы Ельцина – Гайдара преступлением против своей страны. Отметим, что начало этому процессу положила команда Горбачева, правда, она не довела дело до конца. Б.Н. Ельцин, отстранив Горбачева от власти, осуществил переход к капитализму быстро, но с очень тяжелыми для народа последствиями.

С переходом к капитализму российские граждане воочию познакомились с законами капитализма: безработицей, низкой заработной платой, платной медициной, платным образованием, но самое главное, неуверенностью людей в завтрашнем дне.

Кто же после всего вышесказанного оказался прав: отечественные неолбералы, которые уверяли с конца 80-х гг., что с отказом от социалистических завоеваний жизнь людей в нашей стране улучшится, или философ и экономист К. Маркс, который был убежден, что во имя увеличения своих прибылей владельцы капитала готовы идти на любые преступления?

Наш экскурс в прошлое имеет лишь одну цель: показать на фактах, что материалистическая концепция истории К. Маркса объясняет факты настоящего столь же успешно, как когда-то К. Маркс и его ученики объяснили факты истории применительно к XIX и первой половине XX в., благодаря чему учение К. Маркса успешно овладело сознанием значительной массы людей, живущих на нашей планете.

Несколько слов о так называемом государственном перевороте, предпринятом членами ГКЧП в августе 1991 г. На наш взгляд, это не было даже попыткой переворота, т. к. правительство страны никуда не исчезло, и хотя три дня президент Горбачев не появлялся на экранах телевидения, но никто его не лишал поста, не помещал в Матросскую Тишину и т. п. Настоящий государственный переворот в августе 1991 г. осуществил Б. Ельцин, фактически отстранив Горбачева от власти, арестовав всех силовых министров союзного правительства и, наконец, переподчинив союзное правительство правительству Российской Федерации (главой формально существующего союзного правительства Горбачев назначил председателя правительства России). Решение о роспуске СССР, принятое участниками соглашения в Беловежской Пуще, поставило последнюю точку в борьбе Ельцина за власть, но ценой его победы над Горбачевым стало уничтожение огромной страны.

До сих пор мы еще не вели речи о советской философии. Однако совершенно понятно, что развал Советского Союза заранее означал, что прежняя советская философия в новой стране перестанет существовать.

В самом деле, в вузах Советского Союза преподавалась марксистская философия. Либералы, пришедшие к власти, заранее предупредили, что социалистическая экономика в новой России должна быть устранена. Могли ли они, получив власть, не запретить сверху философию, представлявшую основу всей прежней советской идеологии? С советской философией, с советским общественным возманием либералы не собирались церемониться. Вопрос состоял лишь в том, следует ли прежнюю философию заменить новой, отвечающей интересам вновь создаваемого в стране класса собственников, или просто закрыть философию, как некогда кое-кто намеревался закрыть Америку. Последнее может кому-то показаться глупой шуткой, но сегодняшняя реформа школы, а еще нагляднее — высшей школы, на наш взгляд, не что иное, как попытка освободить учебный процесс высшей школы от присутствия в нем философии в качестве самостоятельной учебной дисциплины.

Оглядываясь назад, я абсолютно уверен, что либералы с самого начала ставили цель объявить философию как учебную дисциплину в России вне закона. Но эта их цель не всеми философами страны была правильно понята. Целый ряд в основном молодых отечественных философов, получивших к началу 90-х гг. прошлого столетия ученые степени и ученые звания, почему-то решили, что либеральную власть не устраивает только марксизм и, если поторопиться и публично объявить себя критиком марксизма, в чем-то даже принимающим некоторые положения марксистской философии, то в стране утвердится особая плюралистическая модель философии, в рамках которой каждому, кто раньше других откажется от «догматизированной» марксистской философии, найдется своя ниша для занятия философией.

Вот уже более 25 лет автор настоящей статьи доказывает абсолютно очевидную истину. Марксистская философия никоим образом не исчерпала свой когнитивный потенциал. Она ни в коей мере не устарела, сколько и кто бы ни уверял нас в обратном, и два ее главных принципа — материализм и диалектика не только никем не были опровергнуты, но как только предпринимаются попытки доказать, что эти принципы вроде бы перестали работать, буквально тут же обнаруживается, что материалистическая теория возрождается из небытия, и законы диалектики вновь и вновь напоминают всем о своем существовании.

Говоря об отечественных философах, превратившихся в постсоветской России в «критиков» марксистской философии, нужно сказать, что я не убежден в том, что пафосный «критический настрой» в отношении Марксовой философии зиждется на убеждении, будто марксистская философия в самом деле устарела. Нет, причина в другом: изменившееся общество требует существования в нем уже иного рода интеллигенции, интеллигенции, выражающей интересы и потребности правящего в постсоветской России класса, которого живущие на средства этого класса сегодняшние российские интеллигенты не решаются называть адекватным термином — буржуазия, используя для этой цели более благозвучный термин — «предприниматели».

Ученые, отстаивающие интересы буржуазии, не могут в целом стоять на позициях объективности науки ни в философии, ни даже шире — в обществознании. Об этом К. Маркс прекрасно сказал в послесловии ко второму изданию «Капитала». Вот что писал он об ученых-экономистах буржуазных стран: «...к нашим профессиональным ученым судьба остается по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической экономией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной (речь идет о Европе второй половины XIX в. — Г.Ч.), т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как **исторически преходящую ступень развития** (выделено мной. — Г.Ч.), а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться

научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях...» [4: с. 14]. «С утверждением капиталистических отношений в Европе, — утверждал К. Маркс, — пробила смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой угодливой апологетикой» [4: с. 17].

Удивительный парадокс! Либералы, число которых росло с развалом СССР, подобно грибам после дождя, не устают повторять, что приверженность марксизму отечественной философии, равно как и общественнознания в целом, замедлило творческий процесс в указанных областях. На деле картина совершенно обратная. Современные российские философы, если не вникать в суть того, чем они сегодня занимаются, довольно активно трудятся на ниве философской науки. Но каких успехов им удалось достичь за четверть столетия? Общество довольно подробно познакомилось с творчеством К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна, но разве можно их работы по методологии науки рассматривать как последнее слово в области философии? Ведь даже после смерти Поппера и Куна, не говоря о Лакатосе, минуло 20 лет. Между тем их философские воззрения сложились не в последние годы жизни. То же самое можно сказать относительно интереса нынешних историков философии к творчеству Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Флоренского и других религиозных философов начала XX в. Ответ один. В современной России стало немодно, если не сказать сильнее, заниматься марксистской философией, а в результате наметился явный уход от действительности, в первую очередь, от изучения современного российского общества.

В этом плане показательна эволюция самого именитого, в плане наличий у него высших ученых званий и наград, академика РАН Теодора Ильича Ойзермана. Основная работа, принесшая автору достаточно рано докторскую степень, профессорское звание, позже избрание в Академию наук, Государственную премию, — это его книга «Формирование философии марксизма». К началу 2000-х на тот момент явно уже немолодой, 1914 года рождения, академик Ойзерман внезапно осознал, что всю жизнь прославлял не ту философию, которую следовало. Через сто лет после Э. Бернштейна он неожиданно для себя и тех, кто слушал его лекции в МГУ и читал работы, выходявшие в Советском Союзе, решил, что от К. Маркса следует двигаться «назад к Канту». Кант, несомненно, выдающийся мыслитель своего времени, но почему мы должны верить Т.Н. Ойзерману на слово, что он затмил собой не только Гегеля, но еще и К. Маркса. В это невозможно поверить уже только по той простой причине, что эпоха, вызвавшая к жизни философию Гегеля, а тем более К. Маркса, обогатилась в наступившем столетии новым более глубоким содержанием в сравнении с эпохой, в которую жил И. Кант.

В настоящей статье я не буду специально останавливаться на философских изысканиях «позднего Ойзермана» относительно того, в чем академик смог возвыситься над «ранним Ойзерманом», поскольку я уже имел возможность показать, что критика Т.И. Ойзерманом материалистической концепции истории зиждется на том, что он, как выяснилось, никогда ее правильно не понимал, но долгие годы в этом, если не себе самому, то, по крайней мере, вслух, еще не признавался. Читателя же, заинтересовавшегося моей полемикой с эклектичной точкой зрения Т.И. Ойзермана на ход исторического развития, я могу отослать к одной из своих прошлых работ [7].

Чтобы освободить преподавание философии от проникновения в учебный процесс идей К. Маркса, наша либеральная власть воспользовалась услугами небезызвестного Дж. Сороса, кстати, ученика К. Поппера. Американский миллиардер в принципе даже не очень-то и материально потратился на создание им для России новых учебников и учебных пособий по философии. Эти учебники писались вчерашними советскими философами, но содержание их стало теперь иным. Они были «деидеологизированы» таким образом, чтобы современные учащиеся забыли навсегда о том времени, когда изучение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина в вузах страны являлось обязательным.

Кто-то может спросить, а так ли это важно, чтобы современные молодые люди читали и изучали работы классиков марксизма? Разве мало в истории философии других мыслителей, внесших весомый вклад в развитие мировой философской мысли? Разумеется, немало, но дело все в том, что философия выражает самосознание общества на каждом конкретном этапе человеческой эволюции иначе, чем на предыдущем. Философия К. Маркса возникла в то время, когда кризис буржуазной цивилизации стал столь очевидным, что от мыслителей потребовалось дать ясный ответ на вопрос, почему рост общественных богатств, позволяющий с лихвой удовлетворять основные потребности населения планеты в средствах существования, оборачивается для человеческого рода ростом бедности, болезнями, войнами, уносящими миллионы жизней, и многим другим. Об этих негативных сторонах прогресса западной цивилизации философы буржуазных стран говорят, и подчас достаточно громко, но истинного виновника сегодняшних человеческих несчастий они при этом не называют. А он существует, и имя ему Капитал. Чтобы продолжать расти, Капитал требует для себя новых и новых жертв, но удовлетворить его все растущие аппетиты при этом невозможно.

Люди, только приступающие к изучению философии, должны с самого начала правильно понять истинную **природу** философского знания. Выше мы уже говорили об этом, но тем не менее повторимся. Философия есть **общественное сознание**, которое порождается общественным бытием (материальными производственными отношениями существующего общества). Общественное сознание не может кардинально поменяться до тех пор, пока кардинально не изменился базис существующего буржуазного общества, иными словами, его общественное бытие. Когда «критики» марксистской философии в качестве главного и, как

им кажется, убийственного аргумента, почему они не принимают марксистских воззрений, заявляют, что нет смысла обращаться к философии, появившейся в середине позапрошлого века, и что после ухода из жизни Маркса мир коренным образом изменился, а значит, нужны другие идеи, которых в «устаревшей» философии К. Маркса искать бессмысленно, то они этим лишь доказывают, что смысл феномена «философия» они в действительности для себя не уяснили. Философский взгляд — это то, как люди, живущие в существующем обществе, воспринимают данное общество и самих себя в нем. Это то, каковым данное общество является на самом деле.

Если утверждается, что марксистские взгляды на мир устарели, значит, первое, что должны показать сегодняшние оппоненты марксизма, — это доказать, что природа капиталистического общества, которую с удивительной тщательностью исследовал К. Маркс, оказалась совершенно не той, какой она предстала со страниц главного труда его жизни — «Капитала». Конечно, фасад капиталистического здания в Европе, США, Канаде, Японии, Южной Корее и ряде других буржуазных стран существенно изменился в сравнении с тем, каким капиталистические страны выглядели во второй половине XIX в. Но механизм капиталистической экономики функционирует по той же обычной схеме, что и при Марксе: деньги – товар – деньги.

Производство растет и совершенствуется не для того, чтобы удовлетворять потребности населения капиталистических стран, а для того, чтобы увеличивать прибыли владельцев капитала. Прибыли миллиардеров в мире неуклонно растут, тогда как общее их число год от года сокращается. А раз это так, значит, противоречие между трудом и капиталом никуда не исчезло, и классовая борьба продолжается в каких-то новых формах.

Стоит заметить, что западные критики К. Маркса отличаются много большей толерантностью в своем отношении к автору «Капитала», нежели наши доморощенные. На Западе мало кто решится отрицать то, что К. Маркс был выдающимся ученым. Но философия, говорят они, это же совсем другое дело. В философии Маркс пошел по пути гегелевской рационалистической философии, и результатом этого явилось то, что Марксовы прогнозы в отношении будущей истории оказались погоней за «синей птицей». К. Поппер назвал Гегеля и Маркса «историцистами», т. е. мыслителями, чьи исторические прогнозы построены не на исследовании фактов, а на стремлении подогнать факты под заранее придуманную их авторами концепцию истории. Вывод очевиден. Философ Маркс убил в нем талант крупного ученого-исследователя.

Мы бы не стали останавливаться на этом противопоставлении К. Маркса — философа-историциста (К. Поппер) или социалиста-утописта (Э. Бернштейн) Марксу — диалектическому материалисту и научному социалисту, если бы наши отечественные «критики» К. Маркса не оценивали его сегодня, по существу, ровно так же, как это традиционно делали философы Запада. Логика этой «критики» марксизма примерно следующая: если бы К. Маркс жил в XX в., а тем паче в XXI в., он бы и сам признал, что поспешил

со своим выводом, согласно которому капитализм идет к собственной гибели. Показательно, что бывший марксист Т.И. Ойзерман в постсоветской России материалистическую концепцию истории К. Маркса интерпретировал уже не как научную, а как отчасти научную (относительно прошлой истории), но, с другой стороны, во многом уже ненаучную [6].

Аналогичный «шедевр» в отношении материалистической концепции истории в своем учебном пособии по социальной философии высказал нынешний заведующий кафедрой социальной философии философского факультета МГУ профессор К.Х. Момджян. «Цивилизационная парадигма (т. е. идеализм в понимании истории — это всего только парадигма, которую легко можно заменить и другой парадигмой. — *Г. Ч.*), — пишет К.Х. Момджян, — отнюдь не исключает формационной парадигмы (т. е., дорогой читатель, не верьте Ф. Энгельсу, который писал, что материалистическая концепция в истории — это одно из двух величайших открытий, которым мы обязаны К. Марксу, а верьте мне, социальному философу К.Х. Момджяну. — *Г. Ч.*), вполне совместима с ней, дополняет и обогащает ее, открывая те грани исторического процесса, которые остаются вне пределов зрения экономического взгляда на историю. Нам не нужно, — пафосно заключает автор, — выбирать между Марксом и Тойнби, поскольку каждый из них делает нужное для науки дело» [5: с. 429].

В советское время, когда основные работы классиков марксизма были включены в учебные программы всех вузов страны для их изучения студентами, наши последующие объяснения того, что представляла собой философия К. Маркса, были бы, пожалуй, излишними, но сегодня обойти стороной данный вопрос не представляется возможным. В самом деле, если считается само собой разумеющимся, что цивилизационная концепция истории А. Тойнби и Марксова концепция истории способны дополнить одна другую, то к чему было все советские годы противопоставлять материализм в истории идеализму?

Философия марксизма возникает в середине 40-х гг. XIX в., став результатом творческого переосмысления достижений наук и одновременно слабостей немецкой идеалистической философии первой половины XIX в. Эту философию К. Маркс и Ф. Энгельс ценили, в первую очередь, за то, что их предшественники — и Кант, и Фихте, и Шеллинг, и Гегель — своими философскими исследованиями сумели внести весомый вклад в то, чтобы диалектический взгляд на мир стал к началу XIX в. в среде подавляющего большинства европейских философов преобладающим, что привело к значительным успехам во всех сферах научного познания. Успехи естествознания не могли не усиливать позиций материализма как в науке, так и в философии. Но в области общественной жизни позиции идеализма оставались еще и в начале 40-х гг. XIX в. непоколебимыми. В то время как ученые-естествоиспытатели искали и находили источники развития внутри самой природы, источником поступательного движения в истории философами признавался только **внешний** источник — прогресс человеческих знаний. Данное противоречие (природа

развивается под влиянием внутреннего источника развития, борьбы противоположностей, а общественная жизнь — внешнего роста знаний) требовало своего разрешения, ибо под влиянием успехов естествознания становилось все более очевидным, что общественная жизнь могла возникнуть только как следствие эволюции объективно существующей природы.

О том, что, объявляя просвещенный Разум источником развития общества философы оказываются в порочном кругу, К. Маркс писал уже в «Тезисах о Фейербахе» (1845 г.): «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом (например, у Роберта Оуэна).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как **революционная практика**» [2: с. 2].

Так чем все-таки философия К. Маркса отличается от его философских предшественников, включая представителей немецкой классической школы философов? Тем, что он создал философию, которой в истории до него не существовало, — философию **диалектического материализма**. К. Маркс убедительно показал, что последовательный материализм неизбежно приводит к диалектике, появлению новой формы диалектики — диалектики материалистической, и, наоборот, убережет философию от противоречий диалектического разума способен только последовательный материализм.

Чтобы убедить людей в несостоятельности Марксовской материалистической философии, требуется для начала доказать, что целостная материалистическая философия в принципе существовать не может, а потому место материалистического монизма должны занять либо идеалистический монизм, либо плюрализм. В современной отечественной философии (сказанное мы постарались показать на примере Т.И. Ойзермана и К.Х. Момджяна) возобладали тенденция насаждения философского плюрализма. В этом случае бороться с марксистской материалистической философией много легче. Последней вроде бы и не отказывают в праве существования, правда, в одном ряду с другими идеалистическими философскими школами и течениями.

Нас подобный философский симбиоз, составленный на основе механического соединения философских направлений, покоящихся в одних случаях на материалистической аргументации, в других — на идеалистической, как-то не увлекает. Эклектизм — это, несомненно, порочный путь развития философии. В этой связи мне остается лишь повторить то, какими словами я заканчивал свою полемику с Т.И. Ойзерманом относительно Марксовской материалистической философии. «Т.И. Ойзерман, — констатировал я, — отчасти за исторический материализм, но чтобы при этом не забывался и противоположный взгляд на историю. Такая

точка зрения существует очень давно и имеет в философии свое название — эклектизм. Но она не всех может устроить. О вкусах, как говорится, не спорят. Хочешь быть эклектиком, будь им, но только при этом не надо изображать из себя крупного знатока исторического материализма. Т.И. Ойзерман таковым не является» [7: с. 269].

В постсоветской России, конечно, не сразу, а постепенно, утвердилось своеобразное отношение к учению К. Маркса. Нельзя сказать, что на обсуждение проблем Марксова учения власть наложила строгое табу, но тем не менее оно находится под зорким контролем властей. Общая оценка такова: это учение существует давно, за минувшие годы ничего нового в нем не появилось, суть же его предельно проста: классовая борьба — закон общественного развития, и через социальные революции открывается путь в светлое будущее. Мы ничего здесь не утрируем — это едва ли не дословное изложение оценки нашей либеральной интеллигенцией учения К. Маркса. То, что это учение включает в себя три составные части (политэкономия, философию и теорию научного социализма), об этом сегодня даже не упоминают. Таким образом, о марксизме у нас больше не говорят на занятиях по философии просто потому, что говорить о нем нечего.

Если бы учащиеся вузов сами читали произведения К. Маркса, Энгельса и их учеников, они бы, несомненно, заинтересовались вопросами, почему это «никчемное» учение было взято на вооружение первоначально всеми социал-демократическими партиями Европы, имеющими в начале XX в. мощные парламентские фракции, а позднее уже и коммунистическими партиями, насчитывавшими в свое время миллионы членов на всех континентах планеты.

После распада Советского Союза международное коммунистическое движение пребывает в глубоком кризисе, но после окончания Второй мировой войны оно представляло собой наиболее влиятельное общественно-политическое движение в мире, и на это, конечно, должны же были существовать какие-то объективные причины.

Сегодняшнее молодое поколение россиян не имеет адекватного представления ни о марксизме в целом, ни о марксистской философии, в частности. В этом приходится убеждаться всякий раз не только на занятиях со студентами, но и с аспирантами, которые как-никак больше студентов занимались изучением проблем философии.

Казалось бы, из нынешней ситуации есть удачный выход: какую-то часть часов из курса общей философии отвести на ознакомление с марксистской философией. В современной России одного этого сделать невозможно. Во-первых, количество часов по философии, как, впрочем, и по всем гуманитарным дисциплинам регулярно сокращается и насчитывает (я привожу самую высокую цифру, так как на ряде специальностей она значительно ниже) всего 20 часов лекций и 16 часов семинаров. Для сравнения: в советское время количество часов, отводимое на изучение марксистско-ленинской философии в технических вузах, составляло 90 часов. В гуманитарных вузах эта цифра была значительно больше, к тому же там дополнительно читался еще курс истории философии.

Значит, Министерство образования изначально исходит из того, что с марксистской философией выпускникам российских вузов знакомиться не следует. Фактически сегодняшний курс философии в отечественных вузах — это создание видимости, что выпускники вузов получают в ходе учебы подготовку по философской специальности. Кстати, стоит отметить (я это знаю из личных бесед со студентами зарубежных высших учебных заведений), что количество часов, отводимых на изучение философии в европейских странах на негуманитарных специальностях превосходило то, которое выделялось программой Министерства высшего и среднего образования в советские годы. Такого жалкого существования, которое влечит существующая система высшего образования в сегодняшней России, особенно по философии, страна не имела ни в дореволюционной России, ни тем более в СССР.

Впрочем, невозможность для нынешней студенческой молодежи России познакомиться с философией диалектического и исторического материализма определяется не только недостатком часов на изучение даже общего курса философии в вузах. Существует и другое препятствие, которое трудно преодолеть и на котором есть смысл в данной статье специально остановиться. Философия К. Маркса не появилась как «Минерва из головы Юпитера». Она возникла в определенных условиях и в определенное время, когда, как было уже отмечено, капиталистический способ производства начал давать сбои, выражавшиеся в периодически повторяющихся кризисах перепроизводства товаров. Чтобы правильно понять эту философию, требуется знать (и знать хорошо) ту философию, которая предшествовала появлению марксизма, начиная с философии древних греков. Без подобного знакомства усвоение философии К. Маркса не достигнет цели. Бесполезно изучать Марксову диалектику без предварительных знаний идеалистической диалектики Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Выше мы говорили о том, что либералы, хоть они и не составляют большинства нашего общества, по-прежнему не сходят с экранов телевизоров, полос газет и журналов. Как ни мало у них мыслей, но они имеют широкие возможности довести свои воззрения до сведения широкой публики. В результате у какой-то части общества складывается впечатление о их будто бы образованности, но это не более чем иллюзия. Образованность достигается тяжелым трудом, а у всех наших либералов без исключения «легкость в мыслях необыкновенная». Для усвоения глубоких знаний ум либерала как-то не приспособлен. Чтобы обосновать то, что они хотят, они надергивают факты, которые поворачивают так, как им удобно. Философия К. Маркса есть самая глубокая философия, которую до настоящего времени сумела выработать философская мысль. Если бы это было не так, авторитет и влияние гегелевской философии остались бы и по сей день непоколебимыми. Либералы сознательно упрощают учение К. Маркса, сводя его к набору отдельных вырванных из контекста высказываний. Честная борьба с марксизмом им явно не под силу. Поэтому они первоначально приписывают марксистам мысли, которых те в действительности не высказывали, а после этого торжественно опровергают «неверные идеи марксизма».

Древние говорили: «Не верьте данайцам, дары приносящим». Я бы изменил эту фразу на следующую: не верьте либеральным «критикам» марксизма в том, как они критикуют воззрения марксистов. Каждый раз, когда либерал приводит в доказательство ошибочности то или иное положение марксизма, возьмите первоисточник, сверьте с ним их высказывания и вы убедитесь, что в изложении либерала присутствует подвох.

Кем был К. Маркс? Ф. Энгельс, выступая у него на могиле, дал на этот вопрос вполне исчерпывающий и, безусловно, объективный ответ: Маркс был ученым, великим ученым. «Маркс, — говорил Энгельс, — открыл закон развития человеческой истории... Но это не все. Маркс открыл также особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область сразу была внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках. Двух таких открытий, — продолжал Энгельс, — было бы достаточно для одной жизни. Счастлив был бы тот, кому удалось сделать даже одно такое открытие. Но Маркс делал самостоятельные открытия в каждой области, которую он исследовал, — даже в области математики, — а таких областей было очень много, и ни одной из них он не занимался поверхностно. Таков был этот муж науки» [3: с. 350].

Вести научную полемику — не значит опровергать воззрения выдающегося ученого, лишённого возможности показать во всей полноте нищету философских воззрений его ныне живущих критиков. К сожалению, ответить своим «критикам» К. Маркс сегодня не может. После 1883 г. это с успехом делали его ученики, не позволившие в начале XX столетия ревизионизму опровергнуть величайшее достижение философской мысли — материалистическую диалектику. С другой стороны, новые попытки обесценить значение этой философии не могут не повторяться до тех пор, пока сохраняется нынешняя система наемного труда, позволяющая воротилам капитала содержать на награбленные миллионы наемных писак из числа лиц, занятых в сфере интеллектуальной деятельности. Почему это оказалось возможным в прошлом и будет наверняка повторяться в будущем, автор «Капитала» убедительно объяснил сам. «В области политэкономии (от себя прибавим, философии и обществознания в целом. — Г.Ч.) свободное научное исследование встречается не только с теми врагами, с какими оно имеет дело в других областях. Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия, вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурии частного интереса» [4: с. 10].

Подведем итог. Действующая в России система философского образования — не более как имитация того, будто за годы учебы в вузах будущие молодые специалисты способны обрести нужные для них знания в области философии. На самом деле за время, которое отводится, согласно планам министерства, на изучение курса философии, этих знаний получить невозможно, особенно

если учесть, что область истории философии включает в себя, как известно, еще и историю отечественной философии.

В результате невозможно познакомить студентов даже с наиболее выдающимися фигурами, внесшими значительный вклад в сокровищницу мировой философской мысли. Далее. Ввиду явного недостатка часов на освоение курса философии из него первыми оказались исключенными те мыслители, чьи воззрения в нынешней России признаны излишне идеологизированными (философия русских революционных демократов и само собой, разумеется, материалистическая философия К. Маркса и его учеников). Наконец, третье. Изучение методологической роли философии в сегодняшней России целиком сведено к изучению работ логических позитивов и тех западных философов, которые, отказавшись от позитивистского принципа верификации, начали осуществлять поиск истинности в науке, игнорируя существование объективной реальности (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун). В результате этих «поисков» уровень философских знаний нынешней учащейся молодежи в России не только не вырос по сравнению с тем, что давала в прошлом советская высшая школа, а, напротив, значительно снизился. К сожалению, Министерство образования Российской Федерации этим фактом отнюдь не встревожено, а его линия на дальнейшее сокращение гуманитарной составляющей российского образования, включая сюда и философию, в учебных планах по подготовке выпускников вузов в последнее время только увеличивается.

Литература

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1974, 1981. XXII, 695 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. 629 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. 670 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 907 с.
5. Момджян К.Х. Введение в социальную философию: учебное пособие. М.: Высш. школа, КД «Университет», 1997. 448 с.
6. Ойзерман Т.И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 3–33.
7. Чесноков Г.Д. Материалистическая концепция истории (современная дискуссия) // Чесноков Г.Д. История философской мысли: традиции и новации. 2-е изд., доп. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 244–269.

Literatura

1. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 41. 5-e izd. M.: Gospolitizdat, 1974, 1981. XXII, 695 s.
2. Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 3. M.: Gospolitizdat, 1955. 629 s.
3. Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 19. M.: Gospolitizdat, 1961. 670 s.
4. Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 23. M.: Gospolitizdat, 1960. 907 s.
5. Momdzhyan K.K. Vvedenie v social'nyu filosofiyu: uchebnoe posobie. M.: Vy'ssh. shkola, KD «Universitet», 1997. 448 s.
6. Ojzerman T.I. Materialisticheskoe ponimanie istorii: plyusy' i minusy' // Voprosy' filosofii. 2001. № 2. S. 3–33.

7. Chesnokov G.D. Materialisticheskaya koncepciya istorii (sovremennaya diskus-siya) // Chesnokov G.D. Istoriya filosofskoj my'sli: tradicii i novacii. 2-e izd., dop. M.: Izd-vo RAGS, 2010. S. 244–269.

G.D. Chesnokov

Philosophy in Post-Soviet Russia

In the proposed article, the author assesses the state of the teaching of the course of philosophy in post-Soviet Russia and concludes that the level of philosophical preparation of students of Russian universities over the past 25 years has unquestionably declined and reached an extremely dangerous level.

Keywords: philosophy; Marxist philosophy; Soviet philosophy; the materialistic conception of history; eclecticism.

А.Я. Иванюшкин

Создаст ли современная наука «эликсир бессмертия»? Размышления по поводу книги Е. Кокуриной «Бессмертные»

Автор выражает признательность профессору И.А. Бирич за инициативу подготовить эту статью и члену-корреспонденту РАН Б.Г. Юдину за ценные критические замечания по ее содержанию.

В статье дается краткий обзор научных достижений в области современной биогеронтологии, обсуждаются особенности постнеклассической науки как техннауки.

Ключевые слова: постнеклассическая наука; техннаука; биогеронтология; онкология.

Вызвавшая наш интерес книга научного журналиста, сотрудника фонда «За продление жизни» Елены Кокуриной принадлежит к жанру научно-популярной литературы, пополняя ряд огромного множества подобных изданий, среди которых есть книги-легенды, например «Охотники за микробами» П. де Крайфа или «Краткая история времени» С. Хокинга. В современной наукоцентрической культуре (по аналогии с «космоцентрической», «теоцентрической» и «антропоцентрической» культурами Античности, Средневековья и эпохи Возрождения) научно-популярная литература выполняет функцию своеобразного навигатора в океане научной информации (инфосфере), о природе которой можно утверждать всего лишь одну несомненную истину — этот океан ежедневно увеличивается в гигантских размерах. Книга Кокуриной обладает одним важным отличием от традиционных работ научно-популярного жанра [1: с. 8] — в ней мы не только знакомимся с новейшими научными идеями современной биомедицины, но и становимся свидетелями своеобразных журналистских исследований самого процесса научных открытий в области онкологии, геронтологии, танатологии [5].

Стоит напомнить, что еще на рубеже классической и неклассической науки (т. е. более чем за столетие до наших дней) проблему бессмертия людей в дискурсе естественной теологии, объединяя идеи христианской эсхатологии и научного прогресса, оригинально обсуждал русский философ Н.Ф. Фёдоров. Скептически настроенный читатель книги Кокуриной, конечно, сразу же вспомнит об отрицательном опыте алхимиков, которые в течение столетий (со времен легендарного Гермеса Трисмегиста — II–III вв.) пытались создать эликсир бессмертия. Тщетная деятельность алхимиков сама собой угадала по мере зарождения

современной экспериментальной науки. В конце XIX века в своеобразно-рудиментарной форме идея бессмертия возродилась в теории «зародышевой плазмы» основателя неodarвинизма А. Вейсмана. В целом теория Вейсмана явилась важным этапом развития дарвинизма и генетики, а натурфилософская ее часть, где автор проводил резкую границу между «смертными» соматическими клетками и «бессмертной зародышевой плазмой», по мере развития генетики оказалась вынесенной за скобки позитивного научного знания.

Если идея бессмертия для научной биологии рубежа XIX–XX в. оказалась явно архаичной, то параллельная ей идея омоложения стала на много десятилетий вполне актуальной. В 1910 г. знаменитый французский физиолог Ш. Броун-Секар стал впрыскивать себе подкожно экстракт половых желёз мышей и собак (ему было 72 года), после чего наблюдал какое-то время явный эффект омоложения. Эти опыты произвели сильное впечатление на весь медицинский мир, и не удивительно, что оставили глубокий след в памяти учившегося в это же время на медицинском факультете Киевского университета Михаила Булгакова. Спустя полтора десятилетия в его повести «Собачье сердце» профессор Преображенский широко использует метод омоложения Броун-Секара (впрочем, не будем забывать о научно-фантастическом характере произведения).

Начиная с 20-х г. XX в. в мировой научной и практической медицине появлялись всё новые и новые «врачи-омолаживатели». Из многочисленных направлений такого рода медицинских практик [6: с. 30–41] (подавляющее большинство которых были впоследствии определены как паранаучные) назовем лишь следующие. Серж Воронофф во Франции пересаживал своим пожилым пациентам тестикулы обезьян. Но наибольшую известность приобрел практиковавший в Швейцарии Пауль Ниханс, применявший так называемую «клеточную терапию» (он делал своим пациентам инъекции субстанции эмбриональных тканей зародышей овцы). К услугам Ниханса прибегали римский папа Пий XII, У. Черчилль, Ш. де Голль, К. Аденауэр, Т. Манн, С. Моэм. Многие из тысяч его пациентов прожили долгую жизнь (сам доктор дожил до 89 лет), однако такого рода «факты» не имеют никакой научной ценности, поскольку общую статистику об эффективности своей «клеточной терапии» Ниханс держал в секрете.

Подчеркнув важность для объективной оценки содержания книги Е. Кокуриной исторического контекста, далее следует обратить внимание на методологический контекст современного естествознания, поскольку автор считает, что в книге освещаются «прорывные моменты» развития современной биомедицины, рассказывается «о тех, кто приблизился к разгадке тайны».

Современный этап развития науки в отечественной философии науки принято определять как «постнеклассическая наука» (В.С. Стёпин). В последние 15 лет этот этап был конкретизирован (сначала в западной, а несколько позднее и в отечественной философии) как «технонаука». (Далее мы будем использовать именно термин «технонаука», хотя у некоторых авторов здесь используются и другие термины — такие как «*STS (Science and Technology Studies* или *Science and Technology Society*)» (И.Т. Касавин) [3] или «постакадемическая

наука» (В.Г. Федотова) [10]). На первый взгляд, термин «технонаука» (русская калька с англ. *technoscience*) не содержит в себе никакого нового смысла, ведь внедрение новых знаний фундаментальной науки в открытия прикладной науки и далее совершенствование техники — это всем понятная классическая модель научно-технического прогресса. Однако в содержательном плане смысл этого понятия раскрывается только в контексте развития философии науки в целом.

В отечественной литературе имеется несколько подходов к объяснению сущности технонауки. Многие исследователи рассматривают феномен технонауки в русле *трансдисциплинарного подхода*: «Термином трансдисциплинарности в отличие от междисциплинарных мы будем называть такие познавательные ситуации, в которых... научный разум... вынужден в поисках целостности и собственной обоснованности (прояснения условий возможного опыта) осуществлять трансцендирующий сдвиг в *пограничную* сферу с жизненным миром. В предпосылках этого сдвига лежат мощные импульсы, идущие из чисто практической сферы. Это нужда в развитии проблемно ориентированных исследований, направленных на поиск решения злободневных практических задач, таких как экологическая, энергетическая, информационная, проблема здоровья и т. д.» [4: с. 110]. Еще один важнейший аспект феномена технонауки мы находим у другого автора, исследующего основы *социальной философии науки*: «В начале XXI в. дискурс по поводу науки всё дальше смещается от вопросов внутренней природы науки как особого типа знания, мышления и деятельности к пониманию науки как интегрального социального института, участвующего в общественном разделении труда... Едва ли не на первый план выступают вопросы экономики науки, а именно соизмеримость общественных затрат на производство единицы общественно-го продукта (знания) со способностью этого продукта производить инновации (высокоприбыльные товары)» [3: с. 13].

Прежде чем мы перейдем к особенно интересным для нас «журналистским расследованиям» Е. Кокуриной в ее книге «Бессмертные», изложим более подробно версию трактовки феномена технонауки Б.Г. Юдиным [11: с. 174–185]. Юдин связывает смысл феномена технонауки с качественно новой ролью науки в жизнедеятельности современного общества как «общества знаний». Термин «общество знаний» возник преимущественно в традиции философии науки, в других философских дискурсах, например в социальной философии, это же предметное поле исследований обозначается как «постиндустриальное общество», «информационное общество».

Классическая модель науки, действовавшая на протяжении десятилетий, характеризовалась, во-первых, резкими границами между тремя этапами линейного процесса (фундаментальная наука → прикладная наука → новая техника), во-вторых, процесс внедрения новых знаний фундаментальной науки происходил медленно, во многом стихийно «где-нибудь» и «когда-нибудь». В современном же обществе («обществе знаний») постепенно формируется контур (нелинейный!) прямых и обратных связей между наукой и обществом, а конкретнее — между следующими социальными субъектами (см. рис. 1):

- 1) «Лаборатория»¹, производящая новые знания, инновации, технологии.
- 2) «Потребитель научного продукта» — отдельные индивиды, создающие массовый спрос на новый научный продукт, который они приобретают или за счет собственных денежных средств или за счет «адресно направляемых» денежных средств государства, различных общественных фондов.
- 3) «Бизнес» — в широком смысле, так как источником финансирования научных исследований и разработок, новых инвестиций в науку (не исключая неизбежные «бизнес-риски») являются не только частные компании, но и государство, а также многочисленные фонды, включая благотворительные, распределяющие «научные гранты».
- 4) «СМИ», включающие не только газеты, радио, телевидение и Интернет, но и все потоки информации между тремя другими социальными субъектами «контура» как модели техннауки.

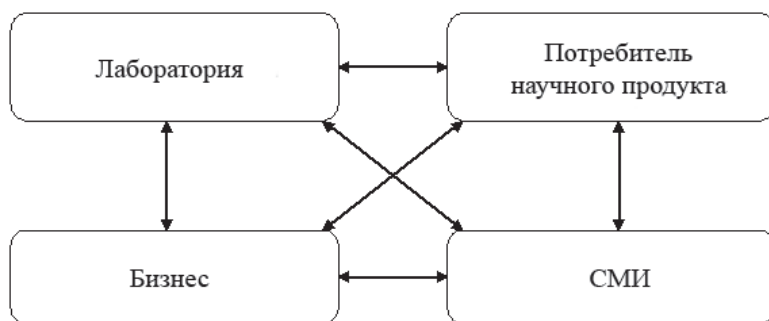

Рис. 1. Трактовка феномена техннауки Б.Г. Юдиным

Главная особенность техннауки в том, что интерналистская детерминация научного прогресса все больше сменяется экстерналистской. В постиндустриальном обществе приоритетными направлениями развития науки становятся такие направления, которые можно назвать человекоориентированными: медицинское приборостроение, информационные технологии, производство новых эффективных лекарственных средств и т. д.

Описанная выше модель техннауки объясняет характер современного научно-технического прогресса, когда «Лаборатория» становится своеобразной социальной машиной, производящей все новые и новые технологии. При этом линейная модель развития науки «фундаментальная наука → прикладная наука → новая техника» сменяется своего рода сетевой моделью — контуром прямых и обратных связей между «Лабораторией», «Бизнесом», «индивидами — потребителями научного продукта» и «СМИ». При этом желаемый научный продукт как некая «социальная потребность» сначала формируется в самом

¹ Здесь стоит привести слова французского социолога науки Б. Латура: «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир». Читатель конечно же вспоминает при этом «переключку в веках» гениев человеческой мысли — Архимеда («Дайте мне точку опоры, и я переверну мир») и Канта («Дайте мне материю, и я покажу вам, как построен мир»).

жизненном мире человека, а «Лаборатория» (как органическая часть контура), сначала «убедив» соответствующими информационными сигналами «Бизнес» в необходимости инвестирования именно в данный научный проект, превращает последний в новое знание, инновации, технологии (конечно, время от времени терпя неудачи, потому что наука все равно остается «ездой в неизвестное»).

Покажем функционирование такой модели технонауки на примере создания современных эффективных средств лечения ВИЧ-инфекции — антиретровирусной терапии. В начале 80-х г. XX в. мир узнал о появлении новой инфекционной болезни (СПИДа), патогенез которой заключается в поражении иммунной системы человека, приводящем к летальному исходу от скоротечно развивающихся осложнений (рака, пневмонии и т. д.). В современном информационном обществе (особенно здесь важно подчеркнуть роль СМИ, превращающих весь мир в своеобразную «глобальную деревню» [7]) естественный страх каждого отдельного человека перед новой смертельной болезнью быстро превратился в эпидемию страха, распространившуюся даже в тех странах, где зараженных были единицы или вообще не было. В 80-е г. стигматизация² ВИЧ-инфицированных своими «дикими проявлениями» поражала любого здравомыслящего человека — в Бразилии зараженных ВИЧ содержали на цепи, в США родители требовали отгородить ВИЧ-инфицированных школьников стеклянными перегородками в классах, в СССР в кабинеты анонимного тестирования на наличие или отсутствие ВИЧ-инфекции пациенты приходили с замотанными в бинты лицами (поскольку не верили в соблюдение анонимности) и т. д. и т. п.

Вернувшись к «контуру Юдина» (как модели функционирования технонауки), мы убеждаемся, что «социальный заказ» на создание эффективных средств борьбы со СПИДом (поначалу речь шла в основном о создании соответствующей вакцины) тысячекратно усиливался «сигналами страха», посылаемыми СМИ «Лаборатории», «Населению» и «Бизнесу». Уже в 1983 г. почти одновременно двое вирусологов независимо друг от друга (американец Р. Галло и француз Л. Монтанье) открыли возбудителя СПИДа — вирус, относящийся к группе ретровирусов. На рубеже столетий, когда эпидемия ВИЧ-инфекции в России распространялась рекордными темпами (в такой группе риска, как наркоманы, эпидемия распространялась в течение нескольких лет в геометрической прогрессии), некоторые отечественные эпидемиологи (условно говоря, представляющие «Лабораторию») прогнозировали увеличение числа зараженных ВИЧ в стране до нескольких миллионов. Сегодня можно сказать: эти прогнозы оказались многократно завышенными (реальное число зараженных на конец 2015 г. составляло примерно 700 тыс. человек). С одной стороны, такую «ошибку» можно отнести к числу «добросовестных заблуждений». С другой стороны, это были «сигналы Лаборатории» государству — главному инвестору в научные разработки в российских условиях.

² Стигма — «пятно», «ярлык» позора. Стигматизация в отношении больных раком, психозом, шизофренией или СПИДом — это как бы наделение таких пациентов «второй болезнью», которая заключается в обесценивании, девальвации их личности. Иными словами, стигматизация — одна из форм отчуждения человека [2: с. 60–73].

Лечение ВИЧ-инфекции очень дорогое. В России таким пациентам гарантирована законом бесплатная терапия. В условиях санкций в плане импортозамещения и здесь произошли серьезные сдвиги. Однако подчеркнем характерный момент: все 10 препаратов, рекомендованные ВОЗ для лечения ВИЧ-инфекции, разработаны за рубежом, и производство большинства из них в нашей стране сводится к розливу и упаковке. Только с 2017 года четыре препарата для лечения ВИЧ-инфекции будет производиться по полному циклу — со стадий очистки фармацевтической субстанции и клинических испытаний. Таким образом, именно «Лаборатория» — самое слабое звено «контура Юдина» в этом секторе российского здравоохранения, но она остается «слабым звеном» прежде всего потому, что еще недостаточно сформирован сам контур.

Теперь в свете наших рассуждений о современном этапе развития философии науки обратимся к книге Е. Кокуриной «Бессмертные». Материал всей книги (10 глав) объединяется рассказом о создании четверть века назад философом О. ди Греем «Фонда Мафусаила», целью которого является разработка «Стратегии достижения пренебрежаемого старения». Идея «пренебрежаемого старения» заключается в том, что современная биомедицина (потенциал которой *постоянно возрастает* за счет трансдисциплинарных взаимосвязей генетики, геронтологии, молекулярной биологии и т. д.) обеспечит человеку с каждым новым поколением продление жизни на 20–30 лет. Сам О. ди Грей конкретизирует свой футурологический проект так: продление жизни будет по мере необходимости обеспечиваться «починками» организма на клеточном и молекулярном уровне, отсюда полное название его проекта — «Стратегии достижения пренебрежаемого старения инженерными методами» (человек будет стареть как бы практически незаметно). «Фонд Мафусаила» в чем-то напоминает знаменитый «Римский клуб», возникший на рубеже 60-х – 70-х гг. XX в. как междисциплинарное исследование глобальных проблем современности [9]. Как и О. ди Грей, создатель «Римского клуба» А. Печчеи считал принципиально важным ограничение числа ученых в работе над своим проектом. В 1968 г. Печчеи пригласил в предместья Рима (отсюда «Римский клуб») группу ученых первой величины для системного обсуждения (своего рода «мозгового штурма») перспектив будущего человечества. О. ди Грей приглашает один раз в два года (как правило, в Кембридж) не более двухсот ученых, успешно работающих в области современной геронтологии.

Книга Е. Кокуриной убедительно показывает, что современная биомедицина исследует загадку старения живых организмов по самым разным направлениям фундаментальной науки (в книге рассказывается об ученых разных стран, но преимущественно о русских ученых). Сразу же следует подчеркнуть, что автор этих строк, естественно, не в состоянии быть квалифицированным научным рецензентом большинства глав книги, повествующих о новых идеях, экспериментальном материале, представляющем современный уровень биogerонтологии. Отдавая должное всем этим энтузиастам научного познания (опять поставившим перед собой цель — «приблизиться к разгадке тайны старения»), хочется надеяться, что в будущем кто-то из них будет увековечен в истории науки.

Уже первые публикации Натальи и Леонида Гавриловых, только что окончивших химфак МГУ, были замечены авторитетными учеными — их учителями. Переехав в США совсем молодыми, они здесь довольствуются весьма скромным уровнем жизни (исключительно за счет грантов на научные исследования). О. ди Грей пригласил их на очередную сессию «Фонда Мафусаила» для обсуждения их открытия — роли некоторых демографических и экологических факторов, влияющих на продолжительность жизни определенной социальной группы (как пишет Е. Кокурина — «европейской аристократии»). На эту же сессию «Фонда Мафусаила» был приглашен из Москвы хорошо известный не только в научной, но и в философской среде нашей страны академик-биолог В.П. Скулачев, концепция продления жизни человека которого противоположна концепции О. ди Грея (напомним, последний считает, что для продления жизни будет постоянно производиться «биотехнологический ремонт» стареющего организма). Русский ученый считает, что биологическая «программа старения» для человека является атавизмом (так как утратила значение эволюционной целесообразности), и хотя смерть неизбежна для биологического индивида, современная наука должна найти средства сохранения молодости по примеру «нестареющих животных» (несколько таких видов в биологии описаны, и именно они усиленно изучаются учеными, приглашаемыми на сессии «Фонда Мафусаила»).

Кратко упомянем еще об одном герое книги Е. Кокуриной (из двух десятков ее персонажей) — Алексе Жаворонкове. Ему 36 лет, он биолог и экономист, штаб-квартира его компании «Biogerontology Research Foundation» находится в Англии. Благодаря своему проекту *Aging Portfolio* — информационной системе, где отражены все работы в этой области (статьи, результаты, персоналии, досье, финансирование и т. д.), — он знает о современной геронтологии практически все. Продолжая традицию многих и многих ученых (Ш. Броун-Секара, Н.М. Амосова³ и др.), Жаворонков ставит на самом себе эксперимент, скажем так, геронтологического оптимизма. Ежедневно он принимает около 100 (!) проверенных и непроверенных препаратов, БАДов и витаминов, занимается йогой, делает растяжки, 100 отжиманий и т. д. В своей книге «Поколение без возраста» автор утверждает: уже большинство из поколения, родившегося в 80-х г. XX в., проживет более 100 лет.

И все-таки для нас наибольший интерес в книге Е. Кокуриной представляют страницы, посвященные Андрею Гудкову, поскольку его творчество является прекрасной иллюстрацией современной технонауки. Выпускник биофака МГУ по кафедре вирусологии он в конце 80-х гг. возглавлял в Онкоцентре АМН СССР лабораторию молекулярной генетики, изучая генетические механизмы рака и лекарственную устойчивость опухолевых клеток. Если иметь в виду только социальные и экономические стимулирующие факторы научного прогресса, если учесть

³ Н.М. Амосов (1913–2002) — выдающийся советский кардиохирург. В то же время он приобрел всенародную известность, разработав в 70-е г. оригинальную систему оздоровления («Тысяча движений»). В последние годы своей жизни он создал уже лично для себя «систему замедления старения», строго придерживаясь режима двигательной активности, рационального питания и т. д.

«слабейшее звено» отечественной науки как социального института, а именно — ее заточенность на создание инноваций, новейших технологий, то для молодого талантливому ученого перспективы научного и карьерного роста были «прозрачны» на много десятилетий вперед. И вот в начале 90-х годов Гудков отправляется на четырехмесячную стажировку в США. За эти четыре месяца в его научном мировоззрении произошел «коперниковский переворот»: «Я понял, что за единицу времени можно успеть сделать в 10–20 раз больше» [5: с. 116]. Он принимает решение: останусь еще на год, а потом вернусь в Россию — уже совсем на другом уровне. В итоге, по согласованию с руководством Онкоцентра, все ученые руководимой им лаборатории переехали с Каширского шоссе в Москве в Иллинойский университет в Чикаго. Прошел год, и Гудков понял, осознал как жестокою неотвратимостью, что возвращение в ОНЦ РАМН будет означать *полную потерю набранного темпа профессиональной жизни*.

Уже более 20 лет Андрей Гудков работает в США. Первые 11 лет он заведовал Лабораторией молекулярной генетики в Иллинойском университете. Национальный Институт здоровья США выделял на пять лет ее деятельности около 1,5 млн долларов: одна треть университету и две трети — лаборатории. Одновременно лаборатория всегда имела 2–3 гранта (что подтверждало высокую научную репутацию Гудкова). Лаборатория разрасталась (за счет приезжающих из России ученых), и ее руководитель все больше ощущал неудовлетворенность: ему хотелось самому создавать новый «научный продукт» — эффективные средства лечения рака.

Следующий этап «американской одиссеи» Дмитрия Гудкова начался со звонка директора Научно-исследовательского института им. Лернера при многопрофильной клинике Кливленда, который предложил ему *возглавить Отдел молекулярной биологии*. Гудков размышлял — почему именно ему сделано столь заманчивое предложение: «Скорее всего информация о наших исследованиях... распространилась достаточно широко, и не столько даже об исследованиях, сколько о том, что нам удалось наладить инфраструктуру, дающую выход готовому продукту или хотя бы полуфабрикату» [5: с. 118 (курсив мой. — А.И.)]. Гудков медлил с согласием, опасаясь, что обременительные административные обязанности ограничат его потенциал ученого-исследователя. Однако познакомившись с новым поприщем своей деятельности на месте, он сразу же принял предложение: «Я понял... мои возможности экспериментального ученого резко возрастут при относительно небольших административных затратах. Кливлендский клинический фонд — это гигантский медицинский центр с годовым бюджетом 5 млрд долларов, в котором трудится 30 тыс. человек. Планка научных стандартов очень высока. Но главное: многие вещи, над которыми работают ученые, нуждаются в срочной проверке в клинике, в создании совместной с клиницистами программы. Здесь, в университете, мы это сделать не сможем» [5: с. 119]. Таким образом, А. Гудков точно выражает суть методологии технонауки — ее трансдисциплинарность. Он уговорил всех сотрудников своей лаборатории в Чикаго переехать вместе с ним в Институт им. Лернера Кливлендской клиники.

Несколько лет работы в Кливленде убедили Гудкова в следующем: да, он работает в богатейшей клинике, его лаборатория (как часть Института им. Лернера) имеет практически идеальные условия для исследований, но при этом на заключительном этапе торможение эффективности этих исследований зависит от инерционности и незавершенности организации процесса научного познания в целом. Работая в Чикаго, он видел, что его лаборатория — это лаборатория нового типа, нацеленная на создание онкологических препаратов нового поколения. А вот подавляющая часть фундаментальных научных лабораторий считает главным результатом своей деятельности публикацию высокорейтинговой статьи. Он же, наряду с успешным решением традиционных задач фундаментальной науки (что, конечно, предполагает публикацию результатов в авторитетных научных журналах), наладил также инфраструктуру, дающую выход готовому продукту *хотя бы как полуфабрикату*. Междисциплинарный состав его лаборатории позволял, например, провести доклинические испытания нового онкологического препарата (доклинические испытания проводятся на животных на предмет токсичности, мутагенности и т. д. нового препарата).

Однако дальнейшая судьба препарата целиком зависела от гораздо более трудоемкого и гораздо более дорогостоящего этапа — клинических испытаний (на людях!). В свете концепции технонауки речь идет о последнем этапе всего процесса познания: от научного открытия до инновации, когда «на выходе» будет готовый продукт — клинически проверенный препарат массового спроса на фармацевтическом рынке. В Кливленде Гудков, к сожалению, увидел, что «готовые каналы» финансирования этого последнего этапа его научной деятельности найти очень трудно. В самом деле, финансирование его лаборатории в Институте им. Лернера было в основном ориентировано на фундаментальные научные проекты (экспертные службы фондов, предоставляющих гранты на научные исследования, были ориентированы аналогично). Клинические же испытания, как правило, финансируются фармацевтическими компаниями, но последние прежде всего взвешивают коммерческий риск превращения лабораторного «продукта-полуфабриката» в «препарат-товар».

В итоге А. Гудков создал (отпочковавшуюся от Кливлендской клиники) коммерческую компанию «Кливленд Байолабс» с целевым назначением получения новых лекарственных средств как «готового продукта». Тем самым он достроил инфраструктуру, обеспечивающую процесс научного познания, в целом соответствующий концепции технонауки (о чем говорилось в начале наших размышлений). К сожалению, многопрофильная кливлендская клиника оказалась неподходящим местом для апробации новейших онкологических разработок.

Как следствие, А. Гудков находит новое поприще своей научной деятельности — предлагает свои услуги Институту рака Росвелл Парк (образован в 1896 г.). Сравнительно с Кливлендской клиникой Институт рака — небольшое учреждение, но важнейшая его особенность — объединение в одном месте и лабораторий, и клиники, и потому он является одной из главных площадок создания новых методов лечения рака.

Сам переезд Гудкова в Институт рака Росвелл Парк заслуживает особого разговора. Гудков поставил дирекции Института условие, что вместе с ним должны переехать на новое место работы все сотрудники его лаборатории и компании «Кливленд Байолабс» (50 русских семей!). Для Института со сравнительно небольшим бюджетом выполнение этого условия поначалу было невозможно, но в дальнейшем были изысканы дополнительные средства, и целая русская колония ученых переехала из штата Огайо на север штата Нью-Йорк.

Творчество А. Гудкова — прекрасная иллюстрация (в учебном плане «кейс-стади») природы современной технонауки. Как рассказывает о нем Е. Кокурина, в последние годы он является вице-президентом Института рака Росвелл Парк по фундаментальным исследованиям. За это время им организовано пять новых лабораторий, его группой разработаны новые противораковые препараты, в частности, препарат под условным названием «Протектан-502», обеспечивающий радиационную защиту (прежде всего системы кроветворения) при лучевом лечении, а также химиотерапию больных раком. В целом работа по созданию препарата стоила десятки миллионов долларов.

Какая же связь между содержанием научного творчества молекулярного биолога, онколога А. Гудкова с тематикой книги Е. Кокуриной? Гудков говорил ей: «Я окончил биофак МГУ... и не знаю, где бы меня выучили лучше... мы получили потрясающее образование, лучшее в мире, и не заплатили долгов! Наши учителя-профессора Гарри Абелев, Вадим Агол, Юрий Васильев — уже давно перестали преподавать, а многие их ученики уехали. Но мы ведь можем что-то сделать! Например, приезжать регулярно читать лекции, способствовать, чтобы наши пациенты получали доступ к клиническим исследованиям новых лекарств...» [5: с. 120]. Дело в том, что в силу широты, фундаментальности научного мировоззрения А. Гудков многие годы работает над разрешением научной проблемы, выходящей за границы собственно онкологии. Почти все наши стратегии направлены на борьбу с уже возникшим раковым заболеванием, но надо на таком же фундаментально-научном уровне поставить перед собой задачу предупреждения возникновения рака. Гудков рассуждает: «Наши тела “напичканы” клетками, которые находятся на пути к раку, но подавляющее большинство из них никогда окончательно не переродятся, потому что так и не доберут недостающую дополнительную мутацию» [5: с. 131]. Надо научиться выявлять эти клетки и избирательно убивать их. Это будет радикальной победой над раком, а следовательно — эпохальным научным вкладом в биogerонтологию.

Литература

1. *Баландин Р.* Анти-Дарвин. Миражи эволюции. М.: Эксмо, 2010. 350 с.
2. *Иванюшкин А.Я.* Стигма, или «Вторая болезнь, в контексте биоэтики» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 6. С. 60–73.
3. *Касавин И.Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь Мир, 2016. 264 с.

4. *Киященко Л.П.* Философия трансдисциплинарности: подходы к определению // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р.В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 109–135.

5. *Кокурина Е.* Бессмертные. О тех, кто приблизился к разгадке. М.: Бослен, 2015. 224 с.

6. *Курцмен Дж., Гордон Ф.* Да сгинет смерть! Победа над смертью и продолжение человеческой жизни: пер. с англ. М.: Мир, 1982. 216 с.

7. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека: пер. с англ. Москва – Жуковский: Канон-пресс-ц, Кучково поле, 2003. 464 с.

8. Мифы глобального потепления. Реальная угроза или афера века? М.: Эксмо, 2010. 285 с.

9. *Печчеи А.* Человеческие качества: пер. с англ. М.: Прогресс, 1980. 300 с.

10. *Федотова В.Г.* Соотношение академической и постакадемической науки. М.: ИФРАН, 2015. 204 с.

11. *Юдин Б.Г.* Наука в обществе знаний // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина / отв. ред. П.Д. Тищенко. МСК.: Навигатор, 2014. С. 174–185.

Literatura

1. *Balandin R.* Anti-Darvin. Mirazhi e'volyucii. M.: E'ksmo, 2010. 350 s.

2. *Ivanyushkin A.Ya.* Stigma, ili «Vtoraya bolezni», v kontekste bioe'tiki // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7. Filosofiya. 2009. № 6. S. 60–73.

3. *Kasavin I.T.* Social'naya filosofiya nauki i kollektivnaya e'pistemologiya. M.: Ves' Mir, 2016. 264 s.

4. *Kiyashhenko L.P.* Filosofiya transdisciplinarnosti: podxody' k opredeleniyu // Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podxody', problemy', perspektivy' / pod red. V. Bazhanova, R.V. Shol'cza. M.: Navigator, 2015. S. 109–135.

5. *Kokurina E.* Bessmertny'e. O tex, kto priblizilsya k razgadke. M.: Boslen, 2015. 224 s.

6. *Kurczmen Dzh., Gordon F.* Da sginet smert'! Pobeda nad smert'yu i prodolzhenie chelovecheskoj zhizni: per. s angl. M.: Mir, 1982. 216 s.

7. *Maklyue'n M.* Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka: per. s angl. Moskva – Zhukovskij: Kanon-press-cz, Kuchkovo pole, 2003. 464 s.

8. Mify' global'nogo potepleniya. Real'naya ugroza ili afera veka? M.: E'ksmo, 2010. 285 s.

9. *Pechchei A.* Chelovecheskie kachestva: per. s angl. M.: Progress, 1980. 300 s.

10. *Fedotova V.G.* Sootnoshenie akademicheskoy i postakademicheskoy nauki. M.: IFRAN, 2015. 204 s.

11. *Yudin B.G.* Nauka v obshhestve znaniy // Gumanitarny'e orientiry' nauchnogo poznaniya: sbornik statej. K 70-letiyu Borisa Grigor'evicha Yudina / отв. ред. P.D. Tishhenko. MSK.: Navigator, 2014. S. 174–185.

A.Ya. Ivanyushkin

Will Modern Science Create the “Elixir of Immortality”? (Reflections on E. Kokurina's Book «Immortals»)

The author provides a short overview of scientific achievements in the sphere of modern biogerontology and discusses features of postnonclassical science as technoscience.

Keywords: postnonclassical science; technoscience; biogerontology; oncology.

К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.В. Жукоцкая

Философы-изгнанники о трагедии и уроках Русской революции

Русская революция не признана великой, она пока только большая революция, она лишена нравственного ореола. Но найдутся историки, которые ее идеализируют и канонизируют в чине великой; создадут легенду, окружат ореолом, хотя потом явятся другие историки, которые разоблачат эту идеализацию и низвергнут легенду.

Н.А. Бердяев [2]

В статье рассматривается феномен «первой волны» русской эмиграции, анализируются различные точки зрения философов-изгнанников (Н. Бердяева, С. Франка, И. Ильина), а также П. Струве на истоки, сущность и последствия русской революции. В статье подчеркивается, что при всех внутренних разногласиях русских философов в изгнании объединяющая их идея — это понимание Русской революции как великой трагедии и катастрофы.

Ключевые слова: русская эмиграция; философия русского зарубежья; Русская революция.

Русская эмиграция — особый социальный слой в мировом цивилизационном пространстве, сложившийся в странах Европы, Азии, Америки, Австралии в первой четверти XX в. Об объективном исследовательском подходе к этой диаспоре россиян за рубежом в советское время говорить не приходилось. Отношение к этой социальной группе в нашей стране менялось вместе со сменой идеологии и мировоззренческих установок: от острой неприязни в советское время до почти «благоговейного обожания» в постсоветское время. Осуждение либо сочувствие русским эмигрантам, их судьбам не является нашей прямой философской задачей. Понятно, что кто-то волею судьбы и обстоятельств, кто-то по своей воле и убеждениям оказался в вихре революционных изменений в стране, а затем вынужденно покинул Родину. Отметим лишь, что с нашей точки зрения большинство этих русских людей заслуживают уважения. Родину они не «предавали», как принято было считать в советское

время, скорее новое Отечество после Октябрьской революции 1917 г. само отвернулось от них. Они же до конца жизни гордились Россией, любили ее и мечтали о возвращении на Родину. Я говорю о лучших представителях интеллектуальной, литературной и художественной эмиграции России. Но возвратиться при жизни на Родину большинству русских эмигрантов было не суждено. Останки лишь некоторых из них нашли упокоение в родной земле: философа И.А. Ильина, генерала А.И. Деникина, генерал-лейтенанта Генерального штаба В.О. Каппеля. Конечно, такое «*возвращение*» — единичные акты, инициированные гражданскими и конфессиональными организациями, государственными институтами современной России. Но все-таки они заставляют признать тот факт, что была совершена великая социальная несправедливость по отношению к далеко не худшей части своего народа, и большевистское пренебрежение к соотечественникам привело к трагическим последствиям. В 2008 г. правительство России перечислило муниципалитету города Сен-Женевьев-де-Буа во Франции 692 тыс. евро для продления концессии по уходу за захоронениями россиян, эмигрировавших из страны в годы Октябрьского (1917 г.) переворота и Гражданской войны (1918–1920 гг.). Многие из этих людей представляли элиту отечественной культуры, государственной власти, иерархии православной церкви конца XIX – первой четверти XX столетия. Всего на этом французском кладбище было захоронено более пятнадцати тысяч наших соотечественников. По некоторым сведениям, с 1918 по 1922 г., в так называемую «первую волну» русской эмиграции Россию покинули более 2,5 млн человек. А вообще, из 4,5 млн русских, вольно или невольно оказавшихся за рубежом в эти и последующие годы, лишь около 150 тыс. включились в так называемую антисоветскую деятельность [4]. Но клеймо, поставленное в то время на всех русских эмигрантах — «враги народа», еще долгие десятилетия оставалось для всех них едва ли не единственным обобщающим признаком после факта самой эмиграции.

После победы революции в России и установления советской власти многие интеллектуалы, которые не приняли ее идей, прошли через ВЧК, были допрошены и дали подписку с обязательством выехать из России (многие за свой счет) без права возвращения на Родину. В 1922 г. по указанию В. Ленина началась подготовка к высылке за границу представителей старой русской интеллигенции. Летом по городам России было арестовано до 200 человек — экономистов, математиков, философов, историков и др. Среди арестованных были звезды отечественной и мировой науки — философы Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, Л. Карсавин и др.; ректор Московского университета, зоолог, профессор М.М. Новиков, математик В.В. Стратонов, социолог П.А. Сорокин, историки А. Кизеветтер, А. Боголепов. Решение о высылке было принято без суда [4]. Поезда с изгнанниками 23 сентября 1922 г. пошли в Ригу и в Берлин. А 29 сентября 1922 г. на зафрахтованном немецком пароходе «Обер-бург-гомистр Хакен» из Петрограда в Штеттин отправилась первая партия московских и казанских интеллигентов, около 30 профессоров университетов, среди них — Николай Бердяев, Сергей Трубецкой, Александр Кизеветтер и др.

Позднее — 19 ноября на пароходе «Пруссия» была отправлена вторая партия изгнанников — петроградских профессоров с членами их семей. Среди них были философы Н. Лосский, Л. Карсавин, И. Лапшин, первый директор Пушкинского Дома Н. Котляревский и др.

Как отмечает известный исследователь в области политической, социальной и военной истории России XX в. В.С. Христофоров, по «сведениям для составления сметы на высылку «антисоветской» интеллигенции можно оценить ее примерные размеры. Руководством партии и государства первоначально планировалось репрессировать 200 человек. Однако истинные масштабы этой акции во многом остаются до конца неизвестными. Тем более ограниченный материал имеется о судьбе конкретных лиц, попавших в печально знаменитые «списки на высылку» (Московский, Петроградский и Украинский)» [11: с. 150]. И далее исследователь отмечает, что «по данным А.С. Когана (на основе архивных материалов РГАСПИ), в списках на высылку значилось на 3 августа 1922 г. — 74 чел., на 23 августа — 174 чел., из них: 1) по Украине — 77 чел.; 2) по Москве — 67 чел.; 3) по Петрограду — 30. По подсчетам В.Л. Соскина, сделанным на базе архивных материалов Архива Президента Российской Федерации, в списках на высылку значилось 197 человек» [11: с. 162]. Но из документальных материалов, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России, следует, что «кандидатами» на высылку числились 228 человек. В настоящее время удалось выявить сведения о судьбе 224 человек, которые, в той или иной мере пострадали в результате репрессий 1922–1923 гг. [8].

В 2003 г., 15 ноября, в Санкт-Петербурге, на набережной Лейтенанта Шмидта, Петербургским философским обществом был установлен памятный знак с надписью: «С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии, культуры и науки». Одиннадцать профессиональных философов были высланы из России на пароходах «Обер-бургомистр Хакен» и «Пруссия», всего же Россию вынуждены были покинуть двадцать один профессиональный философ. «Философский пароход» — это яркая метафора, появившаяся в медийном пространстве в 90-х гг. XX в. Но само явление принудительной высылки российской интеллектуальной элиты по идеологическим основаниям, занимает особое место в истории России. С этого события начался драматический раскол единой культуры России на русское зарубежье и Россию советскую [8].

Таким образом, в эмиграции оказалось примерно 500 крупных ученых, постепенно возглавивших кафедры и целые научные направления (С.Н. Виноградский, В.К. Агафонов, К.Н. Давыдов, П.А. Сорокин, П.И. Новгородцев и др.) В течение 1921–1952 гг. за границей выпускалось более 170 периодических изданий на русском языке, в основном по истории, праву, философии и культуре. Размышляя о феномене русской философской эмиграции, В.В. Костиков отмечает, что «работы русских философов получили в Западной Европе широкое распространение. Их знали не только в русских кварталах Берлина и Парижа — они сделались величинами мирового масштаба, а русская

философская мысль благодаря их трудам стала частью философской культуры человечества» [7: с. 175.] Так постепенно возникло особое общественно-политическое течение, получившее названия «зарубежная общественно-политическая мысль», «философия русской эмиграции» или «философия русского зарубежья», представителями которого являлись: Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский и его сын В.Н. Лосский, П.А. Сорокин, С.Л. Франк, Г.В. Флоровский, Л.И. Шестов, Ф.А. Степун, А.А. Кизеветтер, В.В. Зеньковский и др. За рубежом издавались их произведения, сами они вели научную и просветительскую деятельность, уделяя много внимания анализу сущности, причин и уроков русской революции, которая была категорически ими отвергнута и рассматривалась как великая трагедия России.

Уже в самом начале 1920-х гг. в эмигрантской среде сформировались две основные позиции по отношению к большевистскому перевороту и развернувшимся в России политическим и социально-экономическим преобразованиям, соответственно и к способам противодействия новой власти. Странники первой (ярчайшие представители — П. Струве, И. Ильин) отстаивали идею вооруженного свержения большевистской власти и возвращения страны к состоянию, сложившемуся в результате февральско-мартовской революции или даже к монархии. Другие (Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский) надеялись на внутреннее перерождение большевизма, считали, что объективный ход развития социально-экономических процессов сам неизбежно обнаружит несостоятельность утопических проектов новой власти и приведет к ее саморазрушению. Задача в этом случае заключается лишь в том, чтобы поддерживать здоровые начала жизни, особенно после объявления в 1921 г. новой экономической политики [6: с. 164–165]. Но моральные оценки революции как переворота, разрушительного и губительного для России, были для всех философов зарубежья общими. Недаром С. Франк в самом начале статьи «Из размышлений о русской революции» характеризует ее такими эпитетами, как «ужасная катастрофа», «небывалая, доселе невиданная по своей опустошительности», которую и «беспристрастный объективный историк должен будет признать одной из величайших исторических катастроф, пережитых человечеством» [9].

Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков, Н. Лосский стремились отвлечься от исторической практики, политических лозунгов и рассматривать революцию и большевизм в «космическом масштабе». Они видели в революции проявление метафизического процесса. П. Струве и И. Ильин, напротив, стремились опереться на фактический исторический анализ событий и выявить социально-нравственные параметры, в рамках которых может быть осуществлен активный социальный протест революции. Свою конкретизацию этот спор получил в постановке вопроса о допустимости «сопротивления злу силой», об условиях и границах применения силы для противодействия злу. Иван Ильин писал, что даже религиозный смысл русской революции он видит «не в подчинении большевизму, а в борьбе против него во славу Божию и во имя Великой, Богу служащей России» [5: с. 469].

Весьма критически относился ко всяким попыткам идеализации революционных событий 1917 г. Петр Струве. Еще в 1907 г. он высказал свое негативное отношение к восприятию славянофильской традицией революции как явления метафизического мира. Революция для него — «понижение» культуры, духовная деградация. Теме «русской катастрофы» были посвящены многочисленные статьи и заметки, опубликованные в начале 1920-х гг. в журнале «Русская мысль», который под его редакцией выходил в 1921 в Софии, затем в Праге (1922–1923), в Берлине (1923–1926) и, наконец, в 1927 в Париже. Струве полагал, что революцию можно принять с абсолютно-религиозной точки зрения только в одном смысле: признав ее за Божью кару. Но о политическом «приятии» революции не может быть и речи. Русская революция 1917 г. в интерпретации Струве — процесс длительный, не ограниченный Февральским и Октябрьским переворотами. В моральном, культурном и политическом отношениях — это единый процесс, который подготавливался в России десятилетиями. «Выздоровление» России, по мнению П. Струве и И. Ильина, возможно только при условии «коренного» преодоления революции. Всякая идеализация революции наносит процессу «преодоления» непоправимый вред. Самый главный вопрос, на который должна была ответить общественная мысль зарубежья, состоял в следующем: следует ли духовно отвергнуть этот единый революционный процесс или принять его?

П. Струве склонен был согласиться с выдвинутым евразийцами пониманием революции как глубокого духовного и культурного кризиса, но вывода евразийцев (как и Бердяева) о религиозной природе коммунизма он категорически не принимал. В евразийстве его привлекало патриотическое начало, но позднее, когда евразийцы конкретизировали свои общие идеи применительно к различным аспектам русской жизни, Струве разочаровался в их идеях. Свои размышления о революции П. Струве представил в статье и в брошюре с таким же названием «Размышления о русской революции». Статья была опубликована в книгах I–II «Русской мысли» за 1921 г., а брошюра выпущена в 1921 г. в Софии Русско-Болгарским книгоиздательством. Заметим, что название статьи для того времени и обстоятельств даже тривиальное: с подобным же названием были публикации и у Н. Бердяева, С. Франка. Революция 1917 г. для Струве — явление антипатриотическое, «противонациональное» и «противогосударственное». Это следствие сочетания отвлеченных радикальных идей, на которых воспитывалась интеллигенция, и разрушительных, анархистских и своекорыстных инстинктов народных масс [6: с. 164–165, 168]. Струве видел два пути преодоления революции: 1) внешний — воздействие извне военными средствами; 2) внутренний — разложение большевизма. Русскую революцию Струве характеризовал как абсолютно деструктивное событие. Он не видел в революции никакого творческого начала и не верил в возможность эволюции советской власти, поэтому рассчитывал на «преодоление» революции и не исключал возможности вооруженного свержения советской власти. П. Струве был противником весьма распространенной в русской религиозной философии (Бердяев, Франк, евразийцы)

провиденциалистской трактовки революции. В их интерпретации революция — бессубъектный процесс, а это значит, что исключается всякая личная ответственность за ход и исход событий. Но, с точки зрения П. Струве, революция требует оценки и ответственности участвующих в ней лиц. Струве был сторонником взглядов, согласно которым революция никогда не «происходит», она «делается» [6: с. 164–165, 171]. Поэтому, размышляя о русской революции и ее социальных последствиях, Струве призывал к восстановлению чувства ответственности личности за свои действия. Сторонником позиции П. Струве был другой философ русской эмиграции — Иван Ильин.

И. Ильин принадлежал к тем слоям российской философской эмиграции, которые тоже рассчитывали на преодоление революции силой оружия. Теоретическое оправдание своей позиции о физическом сопротивлении злу он изложил в книге «О сопротивлении злу силою», вышедшей на русском языке в Берлине в 1925 г. И. Ильин не разделял взглядов С. Булгакова, Н. Бердяева, критически относился к С. Франку, Л. Карсавину, Д. Мережковскому. Все они, в свою очередь, не разделяли его позиции. Из видных философов русского зарубежья к взглядам И. Ильина с пониманием относились лишь Н.О. Лосский, Н.С. Арсеньев и П.Б. Струве.

Ответственность за катастрофу русской революции, за «разлад русского духа» И. Ильин, как когда-то авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909), возлагал на отечественную интеллигенцию. В содержание понятия «интеллигенция» философ включал всех представители так называемого «образованного общества». Революция — духовная болезнь. Она является следствием неверной ориентации ума и воли, непонимания интеллигенцией своего предназначения в жизни России. «Русская интеллигенция воображала, будто в жизни есть “отвратительная действительность” и “святой идеал”... поэтому она страдала маниловской мечтательностью, политическим максимализмом и социальным утопизмом... Она считала, что государство не столько воспитывает человека, сколько развращает его, и поэтому... всегда была готова поддерживать всякое оппозиционное, противогосударственное, революционное начинание» [5: с. 462]. Не найдя своего органического места в жизни русского общества, интеллигенция, утверждал И. Ильин, не только не способствовала укреплению здоровых духовных основ жизни (в чем и состояла ее основная задача), но, напротив, расшатывала и размягчала их. В итоге народ пошел не за нею, а за теми, кого И. Ильин называл «международной полуинтеллигенцией», беспочвенной, лишенной государственного начала и воли, не имевшей корней в русском народе и великой национальной идеи. Все это и привело, по И. Ильину, к полному исчезновению «инстинкта национального самосохранения». Кроме того, «русская интеллигенция не умела верно принимать и уважать частную собственность. Многие собственники умели быть щедрыми; но далеко не многие понимали, что собственность обязывает к творческому труду и что богатеющий хозяин служит не только себе, но и всему народу и своему государству. В связи с этим русская интеллигенция готова была

преклоняться перед низшим видом труда — физическим (перед «мозолистыми руками» и «пролитым потом») и решительно недооценивала глубину, утонченность и ответственность духовного творчества» [5: с. 462–463].

Ильин, как и Бердяев, считал, что революция была в какой-то мере детерминирована и географическими, и геополитическими факторами: неуравновешенный континентальный климат, огромная территория с открытой незащищенной равниной, континентальная замедленность жизни, обилие малых и разнородных племен, особенности языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, нескончаемые оборонительные войны и многое другое. Важным фактором революции И. Ильин считал отсутствие в стране сколько-нибудь многочисленного и организованного «среднего сословия» и крестьян-собственников, на которых держатся западные демократии. Народ, не привыкший к политической свободе, может не понять и не оценить ее, употребить на далекие от провозглашенных революцией идеалов цели и, в конце концов, «променять ее на личное и классовое благополучие» [6: с. 164–165, 173].

С точки зрения Н. Бердяева и С. Франка, оппонентов П. Струве и И. Ильина, революция все же имела исторический смысл. Итоги поиска Франком смысла революции в начале 20-х гг. получили наиболее полное отражение в статьях «Из размышлений о русской революции» (1923), «Религиозно-исторический смысл революции» (1924), а также в книге «Крушение кумиров» (1924). Философ видит две стороны исторического процесса в России, которые создали силу, разрушившую в конечном итоге старую русскую государственность и культуру. Это, во-первых, процесс утверждения автономии личности и связанный с ним процесс секуляризации всей культуры. Но на Западе он начался с эпохи Возрождения и Реформации, а в России — с реформ Петра I. А вылилось в России это в конечном счете в «большевистский коммунизм». С. Франк пишет: «Роковая судьба русского “освободительного движения” состояла в том, что исторически назревшая и, по существу, правомерная потребность русского общества и народа в духовной самостоятельности и автономности слилась в ней с бунтарской стихией нигилизма. Русский народ стоит перед неотвратимой и великой задачей создать для себя формы общежития, основанные на духовной свободе и самодеятельности. В муках вынашивает он этот созревающий в нем плод; но первый опыт рождения кончился бесплодными, губительными потугами и судорогами большевистской революции. Поняв свободу как бесчинство разнузданности, он обрел лишь новый и жесточайший деспотизм, неслыханный по глубине и универсальности своего действия» [9: с. 131]. Во-вторых, это — социально-политический процесс демократизации России, пробуждение народных низов, прежде всего крестьянства, тяга масс к самоопределению, народовластью. Социально-экономические противоречия между классами российского общества, культурно-бытовая отчужденность между «верхами» и «низами» при медлительности власти в отношении реформирования общества сделали, полагал Франк, социальный переворот неизбежным. Но С. Франк говорит, что, по сути, в этой революции нет ничего

принципиально нового. «Русская революция произведена мужиком, который никогда, даже в апогее своего безумия, в 17–18 годах, не был социалистом... Русская революция основана на демократическом движении. При этом, во избежание пагубных недоразумений, нужна тотчас же существенная оговорка. Под “демократией” в этой связи нельзя разуместь какой-либо формы правления или государственного устройства... Ни в чем не обнаружилось столь явно равнодушие мужика к форме правления и к основным началам государственного устройства, как в легкости, с которой было разогнано Учредительное собрание и попораны все демократические принципы. Русская революция есть демократическое движение в совершенно ином смысле: это есть движение народных масс, руководимое смутным, политически не оформленным, по существу скорее психологически-бытовым идеалом самочинности и самостоятельности... По объективному своему содержанию это есть процесс проникновения низших слоев во все области государственно-общественной жизни и культуры и переход их из состояния пассивного объекта воздействия в состояние активного субъекта строительства жизни. В этом отношении также важно отметить, для правильной оценки революции — в противоположность как ее защитникам, так и ее противникам, — что русская революция сама по себе не создала ничего принципиально нового. Проникновение “мужика” — сначала в лице его авангарда, а потом во все более широких массах — во все области русской общественной, государственной, культурной жизни, бытовая “демократизация” России в этом смысле есть, быть может, самый значительный и совершенно роковой, стихийный процесс, который совершался неудержимо и со все растущей интенсивностью, по крайней мере с момента освобождения крестьян... Повторяем, революция не внесла в этот процесс ничего принципиально нового; в ней лишь — и это, конечно, было величайшим несчастьем — процесс демократизации из состояния постепенного просачивания перешел в состояние бурного наводнения. Русская революция по своему внутреннему социально-политическому существу есть болезненный кризис острой демократизации России — не больше, но и не меньше» [9].

Мысль о том, что революция не злая прихоть большевиков, а судьба, высказал и Н. Бердяев. В послесловии 1923 г. к книге «Философия неравенства», написанной в 1918 г., он отмечал: «Духовно пережил революцию лишь тот, кто увидел в ней свою несчастную судьбу и несчастную судьбу своего народа, кто ощутил в ней расплату за грехи прошлого, кто прошел через покаяние, через обличение не только революционной, но и дореволюционной неправды, кто сознал необходимость просветления и преобразования жизни» [3: с. 275–276.]. Н. Бердяев считал бессмысленными всякие моралистические и рационалистические суждения о революции. Революция — свидетельство господства иррациональных сил в истории, это — судьба и рок, «внутренний апокалипсис истории». «Несчастливые русские люди, жестоко пострадавшие духовно и материально от революции, забыли как будто бы, что такое революция, что такое всякая революция. Читать книги по истории революции

приятнее, чем переживать революции. Слишком большое негодование против большевистской революции, слишком исключительное приписывание всякого злодейства большевикам есть нередко результат идеализации революции, непреодоленной иллюзии, что революция может быть хорошей и благородной. Историческая память очень коротка у людей революционной эпохи. Слишком многие люди эпохи революции хотят по-своему направить ее и очень озлоблены, что это не удастся. Но забыли, что революцию вообще направить нельзя, как нельзя ее и остановить. Революция есть рок и стихия. И большевики не направляли революции, а были лишь ее послушным орудием. Все почти господствующие оценки революции основаны на том предположении, что ее могло бы и не быть и ее можно было бы не допустить или что она могла бы быть разумной и доброй, если бы злодеи большевики не помешали. Так делается невозможным постижение смысла революции и духовное переживание ее трагического опыта» [2: с. 81]. Далее Н. Бердяев отмечает, что всякие «идеально-нормативные представления о революции совершенно должны быть оставлены. Революция никогда не бывает такой, какой должна быть, ибо нет должной революции, и не может быть революция долженствованием. Революция есть рок народов и великое несчастье. И несчастье это нужно пережить с достоинством, как с достоинством нужно пережить тяжелое заболевание или смерть близкого существа» [2: с. 81]. Время от времени в мире накапливается большое количество зла и ядов, происходит процесс разложения, что приводит к неминуемому взрыву. В эти периоды, как правило, в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, неизбежна революция [1: с. 107]. Революция, считал Бердяев, имеет онтологический смысл, но смысл этот пессимистический, а не оптимистический. Это событие величественное и трагическое. Трагедия революции состоит в том, что добро в ней осуществляется силами зла, через насилие, кровопролитие. Поэтому христианству и трудно принять революцию оптимистически. Революция есть малый апокалипсис истории, суд внутри истории. Она есть прохождение через смерть. Смерть для всей истории является необходимым моментом для возрождения новой жизни. В этом смысле революция и есть неотвратимая судьба любой страны, в том числе и России.

Как видим, позиция Бердяева значительно отличалась от взглядов П. Струве и И. Ильина. Для Бердяева, Франка и других русских религиозных философов, стоявших на позициях исторической детерминированности революции, важна была уникальность и оригинальность русской революции. Н. Бердяев подчеркивал, что отличительная особенность русской революции — ее мессианство. Мессианское призвание русского народа через «русскую идею» получило воплощение в революции в виде «коммунистической идеи», «коммунистического мессианства». То есть русский коммунизм, по мнению Бердяева, есть не что иное как искаженная революционной интеллигенцией старая русская мессианская идея. Отталкиваясь от особенностей русской истории, национальных традиций и психологии, Н. Бердяев, как и С. Франк, пришел

к выводу о том, что в России могло иметь успех лишь движение под символической социализма, а не либерализма западного образца. Причем база такого социализма — тоталитарное мировоззрение. Парадокс состоял в том, что в нашей стране не коммунистические идеи, а именно либеральные, идеи права, идеи социального реформизма оказались утопическими, а большевизм — наименее утопичным и наиболее реалистичным, соответствующим всей ситуации и наиболее верным некоторым исконным традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. «Коммунизм, — писал Бердяев, — оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [1: с. 93]. Многие представители русской философской эмиграции были возмущены позицией Бердяева, особенно его суждениями о том, что только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения, хаоса и анархии, что в тот момент только большевики были единственной силой, способной овладеть положением, докончить разложение старого порядка и создать новый, ввести взбунтовавшиеся массы в какое-либо организованное русло. Только они владели лозунгами и символами, способными захватить воображение масс и заставить их подчиниться некоему дисциплинарному началу [1: с. 114].

По Бердяеву, получалось, что большевики чуть ли не «спасители» России от окончательного распада. Они смогли лучше других учесть ситуацию, особенности русской души и истории. Об этом он писал в книге «Новое Средневековье. Размышления о судьбе России и Европы», изданной в Берлине в 1924 г. Н. Бердяев и С. Франк приходят к близким по духу заключениям о том, что русский народ не может создать «срединного гуманистического царства» и не хочет правового государства в европейском смысле этого слова. Из-за глубинных религиозно-психологических оснований русского духа в общественной жизни России якобы невозможны такие «промежуточные» тенденции, как либерализм, гуманизм, умеренный социал-демократизм, на которых основывается жизнь Запада [9].

Понимая революцию как внутреннюю катастрофу в душе народа, в русской истории и культуре, Н. Бердяев приходит к выводу, что выход из революционного состояния и преодоление большевизма должны быть связаны не с применением физической силы (как это предполагали П. Струве и И. Ильин), а с духовным и культурным оздоровлением народа. Революция сама изживает себя силами, выработанными в собственных недрах. Это — новые социальные и политические силы, выдвинувшиеся на первый план в годы революции: русское крестьянство, новая буржуазия, новая интеллигенция. Все они прошли через очищение трагическим опытом революции и способны выработать новые, позитивные идеи. Только эти силы и могут положить конец революционному периоду истории русского общества. Эта идея была подхвачена позднее евразийцами и другими так называемыми пореволюционными течениями в русской эмиграции.

Н. Бердяев, С. Франк, Г. Федотов и их единомышленники призывали русских эмигрантов расстаться с мыслью о реставрации старых порядков,

прекрасно понимали, что «русский вопрос» неразрешим при помощи только негативных мер. Новая жизнь может быть создана только через положительное. «Нужно любить Россию и русский народ больше, чем ненавидеть революцию и большевиков» [2: с. 81].

Конечно, Бердяев и многие другие философы русского зарубежья отрицательно относились к советской власти. Но в сложившихся обстоятельствах, полагали они, это — единственная власть, которая способна выполнить функции по защите России от грозящих ей опасностей. Другой организационной силы, конституирующей государство, которое имеет объективную природу, нет. В этом смысле Бердяев и его сторонники считали роль советской власти позитивной, чем вызывали гнев и неприятие другой части эмиграции (П. Струве, И. Ильин).

Таким образом, в осмыслении русской эмигрантской элитой феномена русской революции, ее сущности, причин, уроков было множество разногласий. Оценки революции колебались от ее религиозного и метафизического оправдания до призывов с оружием в руках вести антиреволюционную и антисоветскую деятельность. Единственно объединяющим началом является понимание революции как безусловно трагического, катастрофического события русской истории. При этом в русском интеллектуальном зарубежье никогда не утихали надежды и чаяния на «оздоровление» России, на возрождение творческих сил русского народа, на великое будущее их великой Родины.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-press, 1955. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. *Бердяев Н.А.* Новое Средневековье: Размышления о судьбе России и Европы. М.: Феникс: ХДС-пресс, 1991 // Библиотека Якова Кротова. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.htm (дата обращения: 05.03.2017).
3. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. 228 с.
4. *Жуковская Д.* Причины и судьбы эмиграции после революции 1917 г. // Историк — общественно-политический журнал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.historicus.ru/sudba_sudba_emigratsii/ (дата обращения: 01.03.2017).
5. *Ильин И.А.* О воспитании национальной элиты. М.: Жизнь и мысль, 2001. 512 с.
6. *Кошарный В.П.* Проблема революции в социологии и философии русского послеоктябрьского зарубежья // Общественные науки. Социология. 2015. № 1 (33). С. 163–185.
7. *Костиков В.В.* Не будем проклинать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения, 1990. 462 с.
8. *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом – осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 113–137. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/2003/7/113-137.htm> (дата обращения: 08.03.2017).
9. *Франк С.Л.* Из размышлений о русской революции // Новый Мир. 1990. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://a-bugaev.chat.ru/frank/revolution.html>
10. *Франк С.Л.* Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда. 1990. 607 с.
11. *Христофоров В.С.* «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 126–141.

Literatura

1. *Berdyayev N.A.* Istoki i smy'sl russkogo kommunizma. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya YMCZA-press, 1955. M.: Nauka, 1990. 224 s.
2. *Berdyayev N.A.* Novoe Srednevekov'e: Razmy'shleniya o sud'be Rossii i Evropy'. M.: Feniks: HDS-press, 1991 // Biblioteka Yakova Krotova. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.htm (data obrashheniya: 05.03.2017).
3. *Berdyayev N.A.* Filosofiya neravenstva. M.: IMA-press, 1990. 228 s.
4. *Zhukovskaya D.* Prichiny' i sud'by' e'migracii posle revolyucii 1917 g. // Istorik — obshhestvenno-politicheskij zhurnal. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.historicus.ru/sudba_sudba_emigratsii/ (data obrashheniya: 01.03.2017).
5. *Il'in I.A.* O vospitanii nacional'noj e'lity'. M.: Zhizn' i my'sl', 2001. 512 s.
6. *Kosharny'j V.P.* Problema revolyucii v sociologii i filosofii russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya // Obshhestvenny'e nauki. Sociologiya. 2015. № 1 (33). S. 163–185.
7. *Kostikov V.V.* Ne budem proklinat' izgnan'e. Puti i sud'by' russkoj e'migracii. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1990. 462 s.
8. *Makarov V.G., Xristoforov B.S.* Passazhiry' «filosofskogo paroxoda» (sud'by' intelligencii, repressirovannoj letom – osen'yu 1922 g.) // Voprosy' filosofii. 2003. № 7. S. 113–137. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/2003/7/113-137.htm> (data obrashheniya: 08.03.2017).
9. *Frank S.L.* Iz razmy'shlenij o russkoj revolyucii // Novy'j Mir. 1990. № 4. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://a-bugaev.chat.ru/frank/revolution.html>
10. *Frank S.L.* Krushenie kumirov // Frank S.L. Sochineniya. M.: Pravda. 1990. 607 s.
11. *Xristoforov B.S.* «Filosofskij paroxod». Vy'sylka ucheny'x i deyatel'ej kul'tury' iz Rossii v 1922 g. // Novaya i novejschaya istoriya. 2002. № 5. S. 126–141.

*A.V. Zhukotskaya***The Philosophers-Exiles about the Tragedy and Lessons of the Russian Revolution**

The article discusses the phenomenon of “the first wave” of Russian emigration. The author analyses different viewpoints of the philosophers-exiles (N.A. Berdyayev, S.L. Frank, I.A. Ilyin), as well as P.B. Struve on the origins, essence and the consequences of the Russian October revolution. The article highlights that in all internal disagreements of Russian philosophers in exile the idea that unites all of them is the understanding of the Russian October revolution as a great tragedy and catastrophe.

Keywords: Russian emigration; the philosophy of the Russian diaspora; the Russian October revolution.

К 2400-ЛЕТИЮ АРИСТОТЕЛЯ

Б.Н. Бессонов

Аристотель — универсальный мыслитель Античности

В статье рассматриваются взгляды великого мыслителя Античности Аристотеля. Подчеркивается, что обращение к его творчеству будет продолжаться бесконечно, он всегда будет нашим собеседником и мудрым наставником.

Ключевые слова: метафизика; этика; политика; государство; человек; гражданин.

Аристотель родился в 384 г. до н. э. в Стагире в Македонии. Именно поэтому его часто называют Стагиритом. Он родился в семье известного врача Никомаха и Фестиды. В 17-летнем возрасте Аристотель приехал в Афины в Академию Платона. Будучи одним из самых его талантливых учеников, он, разумеется, развивал, пересматривал взгляды учителя. Прежде всего он критически отнесся к учению Платона о мире идей, эйдосах, о противопоставлении им умопостигаемого и эмпирического, чувствованного мира. Опровергая учителя, Аристотель в «Никомаховой этике» писал: «Учение об идеях было выставлено близкими мне людьми, но лучше для спасения истины оставить без внимания личности; в особенности же этого правила следует держаться философам... И хотя эти люди дороги мне, однако долг благочестия — истину чтить выше» [1: т. 4, с. 59]. Отсюда родилась поговорка: «Платон мне — друг, но истина — дороже».

После смерти Платона Аристотель отправился к царю Гермия, с которым был в дружеских отношениях. Впоследствии после гибели Гермия женился на его родственнице Пифии.

В 342/343 гг. до н. э. Аристотель был приглашен македонским царем Филиппом II ко двору в качестве воспитателя его сына Александра. Дружеские отношения Аристотеля и Александра продолжались и в то время, когда ученик стал царем Александром Македонским и подчинил себе всю Грецию. После того как Александр отправился в поход на завоевание Азии, Аристотель вернулся в Афины и основал собственную школу — Лицей. Занятия в школе проходили в гимнасии, посвященной Аполлону Ликейскому. Ученики прохаживались по аллеям гимнасии, ведя научные и философские беседы;

благодаря этому школа получила название перипатетическая и ее ученики — перипатетиками. Аристотель руководил этой школой 12 лет. За эти годы она стала образцом для последующих философских школ и ученых союзов. Однако после смерти Александра Македонского (в 323 г. до н. э.) философ был вынужден уехать из Афин в Халкиду, поскольку афиняне из-за его близости к Александру относились к нему враждебно. Здесь он и умер спустя год — в 322 г. до н. э.

Творческое наследие Аристотеля огромно. Оно охватывает области натурфилософии, метафизики, теории познания, логики, этики, политики, риторики, теории искусства и т. д. и т. п. И во всех этих областях науки и мудрости он оставил глубокий след, который явственен и сегодня.

* * *

Аристотель считал, что познание начинается на основе чувственного опыта — ощущений и восприятий предметов и явлений окружающего нас мира. Однако чувственное восприятие ограничено, это восприятие конкретного, определенного, единичного предмета. Оно, бесспорно, исходная точка познания. Без него нет достоверного знания. В ощущении и чувственном восприятии вместе с конкретным единичным предметом в известной мере постигаются и общие родовые свойства, присущие этим предметам. Например, в конкретном человеке мы познаем также и то, каков человек вообще.

Однако это непосредственное постижение общего в единичном все-таки отличается от подлинного знания. Оно — случайно, не необходимо, не опирается на доказательства. Единичные знания «ни относительно чего не указывают “почему”; например, почему огонь горяч, а указывают лишь, что он горяч» [1: т. 1, с. 67]. Конкретное знание — это мнение, оно может быть и истинным, но чаще всего основывается на вероятностных предположениях; по отношению к этому мнению всегда возможно и иное. То есть мнение есть нечто непостижимое, оно не опирается на необходимую посылку и не может быть незыблемо доказательным. «В случайном, — пишет Аристотель, — нет знания, основанного на доказательстве. Случайное есть не то, что необходимо бывает, не то, что бывает большей частью, а есть нечто такое, что происходит помимо того и другого». Подлинное — научное — знание всегда направлено на общее и основывается на необходимых положениях, «необходимое же есть то, что не может быть иначе» [1: т. 2, с. 312].

Следовательно, «знание обо всем необходимым имеет только тот, кто в наибольшей степени обладает знанием общего, ибо... он знает всё, подпадающее под общее». Но для человека познать наиболее общее труднее всего, ибо «оно дальше всего от чувственных восприятий», считает философ [1: т. 1, с. 68]. Итак, по Аристотелю, знание, во-первых, утверждает то, что предмет есть, он существует; во-вторых, оно выясняет его причину, в силу которой предмет существует и не может не существовать; в-третьих, выясняет сущность предмета и, в-четвертых, исследует условия, в которых существует предмет. В конечном счете, утверждал Аристотель, суть научных доказательств бытия

предмета или явления есть познание их причин. «Не зная причины, мы не знаем истины», — подчеркивал Аристотель [1: т. 1, с. 95].

Философ разделяет все науки на три категории: *теоретические* (умозрительные), т. е. те, которые ведут поиск знания ради его самого; *практические*, которые добиваются знания ради достижения морального совершенствования (политика и этика); *продуктивные*, цель которых — производство вещей (искусства, ремёсла, прикладные науки).

Высшие науки — это теоретические науки, а именно: метафизика, физика и математика. Метафизика изучает сущее, поскольку оно сущее бытие, и прежде всего причины высших начал бытия, т. е. познает само бытие, субстанцию и Бога. Термин «метафизика» ввел греческий мыслитель Андроник, который, приводя в порядок рукописи Аристотеля, его работы, посвященные проблемам бытия и познания, поместил за текстами, относящимися к физике, то есть то, что идет после физики. Сам же Аристотель употреблял термины «первая философия», или «теология», в отличие от «второй философии» — физики.

Метафизика, философия, мудрость (по Аристотелю, по сути своей тождественные понятия) — это чистая жажда познания, доставляющая удивительное по чистоте и силе наслаждение; все остальные науки имеют более низкий статус потому, что они направлены не на изучение сущего как такового, а на практическое создание вещей. Если цель умозрительных наук — знание об истине, то цель знания, касающегося деятельности, — дело: ведь люди деятельные, даже тогда, когда они рассматривают вещи, каковы они, исследуют не вечное, а вещь в ее отношении к чему-то и в настоящее время. Но мы не знаем истины, не зная причины. Наиболее истинно то, что для последующего есть причина его истинности. Поэтому и начала вечно существующего всегда должны быть наиболее истинными: они ведь истинны не временами и причина их бытия не в чем-то другом, а наоборот, они сами причина бытия всего остального; так что в какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой же и истине (см.: [1: т. 1, с. 95]).

Каковы же первые начала, первые причины бытия, познание которых — главная задача и цель метафизики? Философ разъясняет: причина — это «то, ради чего». Ничто происходящее ради чего-то не возникает случайно. Первых причин, первых начал четыре: формальная, материальная, действующая и финальная. Форма определяет сущность вещей. Она — причина и начало вещи, она первое «почему», определяющее существование вещи. Вторая причина — материя (или субстрат вещи). Эти две причины образуют все вещи. Они достаточны, если вещи находятся в покое. Но поскольку вещи всегда находятся в становлении и развитии, постольку нужно иметь в виду также причины действующую и финальную.

Сама по себе материя — не детерминированная потенциальность. Актуализируется она, лишь приняв форму. Форма — сущность вещи, но, разумеется, не в платоновском смысле; Аристотелева форма внутренне присуща самой вещи. Единство формы и материи и есть субстанция как конкретных вещей, так и мира в целом [1: т. 1: с. 88].

Аристотель признает единую неподвижную сверхчувственную субстанцию, которая в то же время первоначало, чистый акт, главная целевая причина, обуславливающая стремление бытия к совершенствованию. Это Ум, это — Разум, Бог. Это — «мышление о мышлении». Это — высшее знание о бытии, его чистое созерцание. Это — полное и абсолютное блаженство. Созерцающий чистый Ум, утверждает Аристотель, выше любой науки, именно потому, что его сфера — познание первоначал (что науке недоступно).

«Так как наука состоит в схватывании общего и того, что существует по необходимости, ...то очевидно, что относительно высшего принципа знания не может быть ни науки, ни искусства, ни практичности, ибо всякое научное знание требует доказательств, а искусство и практичность касаются того, что изменчиво». Но и мудрость, т. е философия, считает Аристотель, также не всегда может касаться высшего принципа, ибо мудрому также свойственно доказывать некоторые вещи. Мудрость, разум, наука и практичность помогают нам достичь истины относительно познания того, что необходимо и изменчиво, но только Ум, только Бог может постичь высшую субстанцию, высшее первоначало, высший принцип знания.

В трактате «О душе» Аристотель утверждает, что душа — «форма», «первая энтелехия», главный принцип жизни, «начало живых существ» [1: т. 1, с. 371]. Он не согласился с позицией Платона, утверждавшего, что тело — «темница души», что душа страстно рвется «освободиться из этого плена». По Аристотелю, душа ничего не чувствует, не испытывает, не действует без тела; с телом связаны ощущения и различные эмоциональные переживания. Но, бесспорно, «больше всего... присуще одной только душе мышление» [1: т. 1, с. 373]. Низший род души, считает философ, душа растительная. Она ограничена функциями питания и воспроизводства. Она обладает жизнью лишь потенциально, в возможности. У животных душа способна к ощущению, у нее есть желания и она даже может частично двигаться. У человека ко всему этому добавляется разум, способность к размышлениям. Именно поэтому душа наполняет жизнь человека смыслом.

Универсально мыслящий ученый — Аристотель — высказал свои взгляды и относительно окружающего нас Космоса. С его точки зрения, Мир, Космос, имеет форму шара. За пределами шара пребывает Бог. Земля имеет шарообразную форму и неподвижно пребывает в центре Вселенной. Вся вселенная — совокупность шаровидных сфер, находящихся одни внутри других и передающих друг другу свои движения. Крайняя внешняя сфера — сфера неподвижных звезд. К ней и прикасается Бог — неподвижный перводвигатель мира. Крайняя, внешняя сфера, оставаясь неподвижной, в свою очередь, передает движение всем остальным сферам. Между крайней сферой и неподвижной Землей расположены сферы планет, Солнца и Луны.

Все предметы на земле состоят из четырех элементов: земли, воды, воздуха и огня. Небесные тела и само небо состоят из эфира. Это более совершенные существа, чем Земля, считает философ (см.: [1: т. 3, с. 324, 326]).

Аристотель — основоположник, «отец» логики. Логика, по его мнению, не просто отдельная наука. Она — оружие, «органон» любой науки; ее цель и задача — исследование методов достижения истинного знания. Ее основные законы: закон противоречия и закон исключенного третьего.

Метод, дающий только вероятностное знание, Аристотель назвал диалектическим. Вспомним: у Сократа диалектика — способ отыскания достоверно-го знания посредством анализа противоречий в представлениях людей о предмете знания. Для Платона диалектика — учение о познании посредством умозрения сущего, содержащегося в бестелесных эйдосах (идеях). По Аристотелю, диалектика — метод преодоления формальных противоречий в ходе обсуждения спорных вопросов. Для этого он создал учение о силлогизмах и умозаклчениях, которые позволяют из определенных предпосылок сделать относительно достоверные выводы.

Более конкретно Аристотель определяет умозаклчение как своего рода речь, в которой, если нечто предрасположено, то через положенное из него с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного. Одним из видов доказательства диалектического положения является наведение, т. е. восхождение от единичного к общему. Например, если кормчий, хорошо знающий свое дело, — лучший кормчий, и точно так же правящий колесницей, хорошо знающий свое дело, лучший, — то и вообще хорошо знающий свое дело в каждой области — лучший (см.: [1: т. 2, с. 302]).

Средств, при помощи которых строятся умозаклчения, — четыре: а) принятие положений; б) умение разбирать, в скольких значениях употребляется каждое положение; в) нахождение различий; г) рассмотрение сходства. Тем не менее, отмечает философ, знания, достигаемые таким образом, все-таки еще не истинные, но только правдоподобные, вероятностные. Метод усмотрения общего и необходимого, ведущий к истинному научному знанию, осуществляется с помощью интуиции. Индукция через частное знание подводит нас к знанию общего, к знанию сущности. Однако, по Аристотелю, только дедукция и интуиция окончательно возвышают знание до сферы науки, лишь они являются подлинным доказательством, ибо базируются на истинных и первых положениях, которые достоверны не через другие положения, а через самих себя. О них не нужно спрашивать «почему», они достоверны сами по себе; только интуиция и дедукция могут дать причинное объяснение (см.: [1: т. 2, с. 359, 341]).

Важные мысли высказал Аристотель относительно этики, моральных норм поведения человека. Он критически отнесся к утверждению Сократа о том, что добро есть правильное усмотрение. По Аристотелю, в состав добродетели входят не только знания, но и склонности и нравы. Душа, сердце человека также должны воспринимать добро. Нельзя сводить добродетель только к знанию, хотя, бесспорно, без знания она не существует. Сократ не прав, сводя добродетель к правильному усмотрению, но, бесспорно, добродетель выступает вместе с правильным усмотрением, подчеркивает Аристотель.

По мнению Аристотеля, все поступки человека тяготеют к неким целям как к благу. Последнее благо, последняя цель человека — счастье. Что такое счастье? Наслаждение, почет, успех, богатство? Нет! Высшее благо и счастье человека — это совершенствование себя, это стремление жить в согласии с добродетелью всю жизнь. «Ведь в самом деле, одна ласточка не делает весны или даже дня весны; один день не делает человека блаженным и счастливым». Только — вся прожитая жизнь [1: т. 4, с. 64, 65].

Счастье, подчеркивает философ, — совершенное благо и цель, и оно воплощается в деятельности человека в течение всей его жизни. «Счастливым надо признать человека в конце его жизни — как бы в том смысле, что для совершенного счастья необходимы и завершённый ход жизни, и совершенный человек. Что счастье — деятельность, можно видеть и из следующего: мы не пожелаем назвать счастливым человека во время сна... именно потому, что в этом случае он... не живет сообразно добродетели, то есть не действует» [1: т. 4, с. 303, 304]. Аристотель не отвергает материальные, телесные блага, но они для него лишь предпосылка для достижения подлинного блаженства. «Счастье — это высшее и самое прекрасное благо, это деятельность души в полноте добродетели» [1: т. 4, с. 72].

Характеризуя желания и поступки людей, Аристотель различает дианоэтические (мыслительные) и этические добродетели. В первых, в которые он включает мудрость, сообразительность и рассудительность, разум раскрывает себя как чистый результат деятельности «формы», души, что порождает в человеке как конечный результат состояние божественного блаженства. Блаженства и счастья человек может достигнуть лишь постоянно совершенствуя себя в созерцательной активности, стремясь к бесконечному. Именно потому, что люди смертны, они не должны ограничиваться тем, что конечно и соразмерно человеку; они должны измерять себя тем, что бессмертно, т. е. жить в соответствии с наиболее благородной частью в их душах. Животные лишены способности понимать и ощущать, что такое счастье. Боги в своей блаженной жизни счастливы постоянно, всегда. Человек же имеет счастье в той мере, в какой способен познать божественное. При этом Аристотель подчеркивает: мыслительные добродетели не даны нам от природы, мы их обретаем. Они возникают и возрастают благодаря обучению и упражнению (см.: [1: т. 4, с. 78]).

Что касается этических добродетелей, то они, также являясь сферой разума, в большей степени зависят от воли, ориентирующей человека на достойное практическое поведение. Для совершения нравственного поступка недостаточно знать, что такое добродетель, надо иметь волю следовать нравственным принципам, надо, чтобы у человека был соответствующий «нрав, как бы подходящий для добродетели, любящий прекрасное и отвергающий постыдное» [1: т. 4, с. 76]. Нрав, или этос, формирует и закрепляет привычку вести себя нравственно, благородно.

В «Большой этике» Аристотель снова критикует Платона и Сократа, которые отождествляют добродетели с науками. В науках, отмечает Аристотель, знание, в чем состоит наука, совпадает с владением ею. Кто знает врачебную

науку, тот уже и врач. Но с добродетелями иначе: если кто знает, в чем состоит, например, справедливость, от этого он еще не становится сразу справедливым. Достойный человек должен обладать добродетелями (см.: [1: т. 4, с. 300]).

Аристотель считает, что добродетельный человек должен стремиться в конечном счете не к наслаждению, а к отсутствию страданий. Чрезмерные наслаждения мешают рассудительности, и тем сильнее, чем они сильнее: например, наслаждения любви, — ибо никто не способен думать о чем-либо в припадке любви. В наслаждении вообще нет искусства, хотя всякое благо есть дело искусства.

Разум и воля привносят в сферу нравственности «точную меру», обеспечивают средний путь между крайностями, что особенно важно в практической деятельности людей. С точки зрения Аристотеля главная философская (и этическая также) категория — умеренность, середина. Обладание серединой благотворно. Середина — это отказ от избытка и недостатка, губительных для совершенства. Человек должен избирать три вещи и три избегать: первые три — это прекрасное, полезное и доставляющее удовольствие, а вторые противоположные этому — постыдные, вредные, доставляющие страдания. Во всем этом добродетельный человек поступает правильно, а порочный оступается [1: т. 4, с. 82.]. Середина — это самое лучшее для совершенства человека в добродетели. В частности, мужество — путь между безрассудным и трусостью. Щедрость — мера между жадностью и расточительством. В конечном счете добродетель — род умеренности, удерживающий нас от ошибок, к которым нередко нас ведут страсти.

Высшая добродетель — справедливость. Справедливость бывает двух родов. «Один из них — соответствие закону: справедливым называют то, что приказывает закон. Закон велит поступать мужественно, благоразумно и вообще вести себя в согласии с тем, что зовется добродетелями». При таком понимании справедливого «возможно быть справедливым самому с собой». От упомянутого справедливого отличен второй род справедливого — справедливое по отношению к другому человеку. В вещах справедливых по отношению к другому человеку нельзя быть справедливым только для самого себя. «Справедливое по отношению к другому есть... равенство». Равенство обязательств. «Поэтому ясно, что справедливость есть некая середина между излишеством и нехваткой, между многим и малым: несправедливый имеет больше, терпящий несправедливость имеет меньше... Середина между ними — справедливое, среднее же — это равное» [1: т. 4, с. 324, 325].

Лишь по справедливости можно определить меру всем благам. Форма справедливости, относящаяся, в частности, к материальным благам, делится на два вида: распределяющая справедливость и справедливость уравнивающая. При распределяющей справедливости критерием распределения оказываются моральные достоинства лиц, между которыми производится распределение. При уравнивающей справедливости действует принцип сравнения лиц с точки зрения экономической эффективности их деятельности; «общество держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности».

Общество, государство разрушаются, когда они отклоняются от справедливости, считает Аристотель (см.: [1: т. 4, с. 542]).

По Аристотелю, высшая форма общения между людьми — государство. Государство, как и семья, — естественная форма общения людей. Человек — животное общественное и политическое, ибо, в отличие от других живых существ, он способен воспринимать такие понятия, как добро и зло, справедливость и несправедливость. Тот, кто не нуждается в государстве, тот либо зверь, либо Бог. Государство существует ради благой жизни. Оно выше индивида и семьи, ведь необходимо, чтобы целое предшествовало частям. Цель совершенного гражданина — совершенное государство. В то же время в государстве с наилучшим устройством хороший гражданин всегда также и добродетельный человек. Счастье каждого отдельного человека и счастье государства тождественны. Мужество, справедливость и разум имеют в государстве то же значение, тот же облик, какие они имеют в каждом отдельном человеке, который благодаря причастности к ним и называется справедливым, рассудительным и воздержанным (см.: [1: т. 4, с. 590]).

Аристотель, в отличие от Платона, не стремится найти модель идеального государства. Изучив свыше 250 типов государственного устройства в Античности, он поставил перед собой задачу создать проект оптимального, т. е. относительно хорошего государства в реальных неблагоприятных условиях. В отличие от Платона, Аристотель — приверженец частной собственности. Стремление человека к ней обусловлено естественным чувством любви к самому себе. Люди более всего заботятся о том, что принадлежит лично им; менее всего они заботятся о том, что является общим, полагает философ.

Но эгоизм как чрезмерную степень любви к себе философ отвергает. «Тот человек по-настоящему любит себя, который любит разум и служит ему». В этой связи Аристотель решительно выступил также против платоновской идеи об общности жен и детей. Люди усердно будут заботиться о том, что является их собственностью, и благодаря присущим им добродетелям будут использовать собственность так, что получится то, что отвечает пословице: «У друзей все общее».

То есть для государственной жизни, подчеркивает Аристотель, лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею — общим. Лишь при условии наличия частной собственности возникает возможность оказывать услуги и помогать друзьям, знакомым или товарищам. При общей собственности такая возможность уничтожается. Благородная щедрость — это следствие возможности распоряжаться своим добром (см.: [1: т. 4, с. 411]). В конечном счете, считает философ, дело не столько в том, чтобы уравнивать собственность, сколько устроить политическую жизнь так, чтобы люди, от природы достойные, не желали иметь больше, а недостойные не имели такой возможности. Самый лучший достаток — средний. Для государства величайшим благополучием является, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной. Поэтому наилучшее государственное общение — то, которое достигается посредством средних [1: т. 4, с. 507].

Аристотель решительно выступает против насильственных перемен. Государство, считает он, — не результат созидания на месте разрушения. Оно — следствие постепенного совершенствования существующего в устройстве государства. Философ выступает за разделение властей. Один орган рассматривает общие дела (законы) государства; другой решает, какие должности должны быть в государстве, чем они должны заниматься и каков должен быть способ их замещения; третий орган — судебные учреждения. Социальная структура реального государства — земледельцы, ремесленники, торговцы, наемные рабочие, военные, лица, облеченные законо-совещательной властью. Лишь два последних сословия образуют, по мнению Аристотеля, душу государства, являются его подлинными гражданами.

Философ выделяет три правильные формы правления: монархию, аристократию и политию и три неправильные: тиранию, олигархию и демократию. С реалистической точки зрения, самая лучшая форма правления — полития, ибо она воплощает средний путь между олигархией и демократией, т. е. является умеренной демократией. Политией Аристотель называет государственное устройство, при котором правит большинство, имея целью общее благо (см.: [1: т. 4, с. 457]).

Аристотель, будучи сыном своего времени, признает рабство. Рабы — одушевленные орудия, рабами люди становятся по природе своей; у них большая физическая сила, но не развит разум. Правда, философ допускал, что рабами могут быть и варвары, представители завоеванных народов.

В противоположность Платону Аристотель противник чрезмерной однородности, сплоченности и единства государства. В таком случае государство перестает быть государством; оно превращается в семью, а затем и — в одного человека. Подлинное государство — это множество людей, объединенных в одно целое, живущих добродетельно, скромно и справедливо. В результате это множество становится самодостаточным, самодовлеющим и счастливым, подчеркивает мыслитель.

В трактате «Поэтика» философ высказал важные суждения относительно искусства. Поэтика — наука о творческой деятельности человека. Всякое искусство есть подражание («мимезис») действительности. Подражание как средство познания присуще людям с детства. Подражание хорошему доставляет удовольствие (примечательно, на что нам неприятно смотреть в самой действительности, в изображении мы часто смотрим спокойно) (см.: [1: т. 4, с. 648]).

Цель искусства, по Аристотелю, — возбудить в человеке душевный подъем (катарсис) и в результате освободиться, очиститься от власти аффектов. Это происходит потому, что искусство, подобно философии, изображает не существующую эмпирическую действительность, а действительность в ее идеальной чистоте, более того, возможный и должный мир, возводя конкретное в общее. Именно поэтому искусство, прежде всего поэзия, выше истории, которая передает лишь единичные факты [1: т. 4, с. 653]. Среди различных видов искусства Аристотель особенно высоко ценит трагедию. Трагедия — подражание лучшим людям,

их героическим и трагическим судьбам, что в наибольшей степени вызывает в нас высокие нравственные порывы.

Высшим видом искусства Аристотель считает музыку. Музыка (ритм и мелодия) содержит в себе более всего приближающееся к действительности отображение нравственных качеств, и в этой связи она более, чем какой-либо другой вид искусства, способна воздействовать на нравственную сторону души. Привычка же испытывать радость или огорчаться при восприятии того, что подражает действительности, приводит к тому, что мы начинаем испытывать те же чувства и при столкновении с самой действительностью, утверждает философ [1: т. 4, с. 637].

Именно потому, что искусство, и музыка в особенности, оказывает сильнейшее влияние на нравственные переживания человека, оно должно быть обязательно включено в число предметов воспитания молодежи. Причем в деле воспитания молодежи, утверждает Аристотель, должно руководствоваться, как и в политике, прежде всего тремя правилами, а именно: держаться середины, возможного и пристойного (см.: [1: т. 4, с. 640]).

Важное значение Аристотель придавал риторике, которую характеризовал как искусство создания правдоподобия, необходимого для политической полемики. Причем, по его мнению, риторика должна в большей мере использовать метод диалектики, служащий, как он считает, формированию вероятных, предположительных суждений и утверждений, ибо политика должна учитывать как интересы, так и психологию противостоящих друг другу политических сил; без этого невозможно достичь компромиссов, а без компромиссов нет успешной политики.

* * *

Аристотеля высоко ценили мыслители последующих эпох. Его ценили арабские мыслители, например, Аль-Фараби, написавший обширные комментарии к сочинениям Аристотеля. Данте, последний поэт Средневековья и первый поэт Нового времени, называл Аристотеля учителем тех, кто знает. Гуманисты, просветители, отвергнув спекулятивную философию схоластов, к Аристотелю относились с огромным уважением. К. Маркс считал Аристотеля «величайшим мыслителем древности». По словам Ф. Энгельса, Аристотель — это «самая универсальная голова» среди греческих философов. Русский философ В.С. Соловьев отмечал «редкий дар умозрения и синтеза», присущий Аристотелю.

Современные философы также высоко чтут древнегреческого философа. Французский философ А. Камю считал, что «в ясности доказательств никто не превзошел Аристотеля». Немецкий философ Г.Г. Гадамер, выдающийся представитель философской герменевтики, с большим уважением говорит об аристотелевской этике: «этика умеренности, созданная Аристотелем, является этикой хорошего вкуса в глубоком и всеобъемлющем смысле» [2: с. 369].

Прекрасное творение — то, в котором нет пустот и нет ничего лишнего, к которому нечего прибавить и от которого нечего убавить, утверждает

Аристотель. Эти слова без всяких оговорок и ограничений можно и нужно отнести к сочинениям самого Аристотеля. Великий философ вооружает нас методологией познания окружающего нас мира, наставляет нас в поисках истины, учит различать истинное и ложное, помогает обрести мудрость в житейских делах, побуждает нас к добродетельным поступкам.

Аристотель жил более чем 2400 лет назад. Но наше обращение к его творчеству, к его философии будет продолжаться бесконечно, он всегда будет нашим собеседником и нашим мудрым наставником, и это будет делать наши размышления более глубокими и более верными, а наша жизнь будет обретать смысл, красоту и счастье.

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976.
2. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод. М.: Мысль, 1988. 700 с.

Literatura

1. *Aristotel'*. Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 1976.
2. *Gadamer G.G.* Istina i metod. M.: My'sl', 1988. 700 s.

B.N. Bessonov

Aristotle is the Universal Thinker of Antiquity

The article considers the views of the great thinker of Antiquity — Aristotle. It is stressed that the appeal to his work will continue infinitely. He will always be our interlocutor and wise preceptor.

Keywords: metaphysics; ethics; policy; state; a human being; citizen.

Н.А. Шлемова

Аристотель. Критика платонизма

В статье в общих чертах рассматривается критика Аристотелем платоновской теории идей.

Ключевые слова: метафизика; идея; сущность; онтология; чувственный и умопостижимый миры; этика.

Одно из главных произведений величайшего мыслителя Античности Аристотеля Стагирита — «метафизика». В нем великий философ впервые ввел термин «теология» — «первая философия», которая изучает «начала и причины всего сущего», подверг критике учение Платона об идеях и создал теорию общих понятий.

Известно, что Аристотель многие годы был связан с Академией Платона, вплоть до смерти последнего. И критика Стагирита распространяется в большей степени на платонизм в целом, чем на учение самого Платона.

Критика классической теории идей Платона, представленной в «Федоне» и «Государстве», объясняется неспособностью теории идей, по мнению Аристотеля, обеспечить условия истинного познания и обосновать объективность и постижимость разного рода реальностей, особенно реальностей морального плана. Платон прибегнул к гипотезе о существовании идей, чтобы опровергнуть моральный релятивизм. Согласно авторитетному мнению Моники Канто-Спербер, современного французского антиковеда, Аристотель преследует ту же цель, но выбирает другое средство [2: с. 380]. Он признает, что Сократ был прав, когда искал за бесконечным разнообразием явлений умопостижимые формы, способные объединить множество вещей под одним общим именем. Но в отличие от Платона Аристотель считает, что идеи находятся в самих вещах и не существуют независимо от вещей. Если идеи онтологически отделены от чувственных вещей, они не дают нам возможности познать то, идеями чего они являются.

Следовательно, отделение идей от чувственных реальностей — решение, не подходящее для того, чтобы определить особый статус умопостижимого начала, присутствующего в конкретных субстанциях; оно не объясняет, почему необходимо, во-первых, мыслить присутствие умопостижимого в чувственной реальности и, во-вторых, отождествлять его с тем, что делает эту чувственную реальность познаваемой.

Итак, Аристотель считает, что платоновская гипотеза онтологически непоследовательна и лишена какой-либо эпистемологической значимости. Что касается первого, то Аристотель показывает, что платоновские идеи мыслятся, исходя из свойств конкретных чувственных реальностей («великость» большого

предмета, «справедливость» справедливого поступка). Но именно поэтому трудно помыслить, чтобы идеи были онтологически отделены от конкретных вещей, берущих от них свое наименование. По Платону же, особый онтологический статус идей заключается в их «отдельности» и «обособленности». Аристотель связывает теорию идей с тезисом, что всякой вещи соответствует одноименная реальность, существующая отдельно от нее. Для каждого рода есть нечто одноименное, рассуждает мыслитель, есть оно — помимо сущностей — и для всего другого, где имеется единое, относящееся ко многим. Платоновская гипотеза, согласно которой существует отношение «подобия» или «причастности», объясняющее наличие связи между идеей и чувственными вещами, по мнению Аристотеля, никак не позволяет решить вопрос, каким образом идея связана с чувственными вещами, получившими от нее свое наименование. Суть эпистемологической критики теории идей в том, что к теории идей применяется дилемма: либо идеи — объекты знания, и тогда они не субстанциальные реальности; либо они — субстанции вещей, и тогда они не могут быть объектами знания.

Критику общего плана Аристотель дополняет детальным опровержением аргументов, с помощью которых Платон обосновывает реальность идей. Особой критике подвергаются три аргумента в пользу идей. Самый известный из них — аргумент «от единого и многого»: если существует предикат, общий для множества единичных предметов, то предикат этот не тождествен ни одному из этих предметов, он должен быть предикатом, онтологически отличным от них и умопостижимым, иначе говоря, идеей. Второй аргумент состоит в следующем: научное определение предполагает реальное существование определяемого объекта; так как поистине реальны одни только идеи, то определения могут относиться лишь к идеям. Третий аргумент таков: поскольку объекты знания не могут обладать непостоянной реальностью, как чувственные вещи, то эти объекты могут быть только умопостижимыми реальностями. Критика трех аргументов Платона изложена в известном пассаже книги Аристотеля «Метафизика». Далее, если взять те способы, которыми доказывается существование идей {eide}, то ни один из них не устанавливается с очевидностью такого существования: на основе одних не получается с необходимостью силлогизма, на основе других идеи получаются и для тех объектов, для которых мы их утверждаем. В самом деле, согласно «доказательству от наук», идеи будут существовать для всего, что составляет предмет науки, на основании «единого, относящегося ко многим».

Аристотель подчеркивает, что аргументы такого типа вовсе не доказывают того, что они должны доказать. Множественные вещи, в которых мы усматриваем нечто единое, которые становятся объектом научного определения, которые продолжают существовать в нашем представлении и после своего исчезновения, могут онтологически отличаться от субстанций: такими вещами вполне могут быть количества, качества, отношения. Но тогда каким образом идея вещи, являющейся не субстанцией, а количеством, качеством или отношением, сама может быть субстанцией? Кроме того, если идеи соответствуют объектам определений, значит, они могут быть тесно связаны друг с другом, как вид и род;

однако образуемое при этом сочетание (например, «живого существа» и «разумного») несовместимо с тем типом единства, которого требует идея (в данном примере идея человека). Аристотель подчеркивает также, что Платоновы аргументы всего лишь показывают отличие объекта-предиката, идеи, от единичных чувственных вещей, но отнюдь не позволяют заключить, что этот объект-предикат должен обладать обособленным и независимым существованием, если только не отрицать какой-либо общности между идеями и чувственными вещами. Иначе зачем говорить, что есть что-то помимо здешних вещей, — единое, относящееся ко многому, вопрошает Аристотель. И если к одному и тому же виду принадлежат идеи и причастные им вещи, тогда между ними будет нечто общее. Если же здесь не один и тот же вид бытия, то у них было бы только общее имя, и это было бы похоже на то, как если бы кто называл человеком и Каллия, и кусок дерева, не усмотрев никакой общности между ними.

Итак, Аристотель приходит к выводу, что идеи не решают физических и метафизических проблем, связанных с определением того, что реально и что познаваемо. Они не проясняют ни бытие чувственных вещей, ни соответствующий таким сущим тип познания. Если для Платона подлинное знание — это знание форм (приобретаемое посредством умозаключения и припоминания), тогда как конкретные вещи, объекты истинного мнения, могут лишь побудить нас к такому припоминанию, то Аристотель, напротив, убежден, что форму надо исследовать, начиная с единичных реальностей, которые известны нам лучше всего, и от них переходя к общему. Руководствуясь этим, Аристотель осуществляет научное исследование столь различных реальностей, как конкретные единичные вещи, виды в природе, типы правильного государственного устройства или справедливые поступки.

Также Аристотель вменяет Платону, что идеи ни в коей мере не позволяют осмыслить физическую проблему изменения. Платоновские идеи задуманы как начала объяснения чувственных вещей. Но поскольку идеи постоянны и неподвижны, они всегда являются причинами одинаковым образом и, следовательно, не объясняют становления чувственных вещей: эйдосы для чувственно воспринимаемых вещей и единое для эйдосов платоники не принимают ни за материю, ни за то, откуда начало движения, ведь они утверждают, что эйдосы — это скорее причина неподвижности и пребывания в покое (см.: [1]). Идеи не могут действовать как природа, имманентная чувственным вещам, поскольку они обособлены от вещей. Идеи — и не движущая причина, ведь никакая обособленная умопостигаемая реальность не способна произвести единичную вещь. Идеи, таким образом, нисколько не помогают определить и понять чувственно воспринимаемые сущие. Человека, говорит Аристотель, порождает не идея человека, а человек в действительном состоянии [см. 1]. Таким образом, платоновский эйдос переосмысливается Аристотелем как форма, общая и имманентная множеству объектов, различающихся между собой только материей.

Раскрывая значение аристотелевской критики платонизма, необходимо отметить и ее значимость для политики и этики. Онтологический статус идеи Блага у Платона, по мнению Аристотеля, исключает возможность подлинно

практической философии, способной учесть многообразие определений блага, применяемых к различным аспектам человеческой деятельности. Аристотель критически воспринимает самую мысль о том, что существует знание о Благе как таковом и что знание это опирается на некую трансцендентную онтологическую реальность; он восстанавливает в достоинстве определенную форму случайности и не связанного с доказательством убеждения, относительно которых определяются человеческие размышления и принятия решений.

Стагирит также делает попытку преодолеть этический интеллектуализм, идущий от Сократа и закрепленный Платоном. Совершенствуя себя в теоретически познавательной деятельности, человек способен достичь высшего счастья, «прикоснуться» умом к миру сверхчувственному, т. е. божественному. «Человек есть мера всех вещей», — сказал один из предшественников Аристотеля, софист Протагор. Стагирит не оспаривает мысль Протагора, но не останавливается на ней. Чтобы быть справедливой, она должна быть дополнена другой: «божественное есть мера человеческого». Из того что мы смертны и конечны, нельзя делать вывод, что следует ограничиться в своих помыслах конечным, т. е. соразмерным человеку. Напротив, следует измерять себя тем, что бессмертно. Человеку недоступно постоянное блаженство, как оно доступно божеству. Но человек может достичь блаженства в той мере, в какой он способен активно мыслить, «софийно» познавать сверхчувственный мир. Насколько простирается активность человеческого ума, настолько простирается счастье человека. Аристотелевский Ум есть в том числе художественное удовольствие, получаемое от умственной деятельности. Тем не менее он остается умом, интеллектом и как таковой находит собственные основания только в себе самом. Приобщение к высшему возможно исключительно через умственную активность, а не через совокупную активность всех душевных сил. Таким образом, счастье человека зависит от горизонтов его ума.

Литература

1. *Аристотель С. Метафизика* / пер. с греч. А.В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
2. *Канто-Спербер М. Аристотель // Греческая философия: в II т. Т. I* / под ред. М. Канто-Спербер; пер. с франц. В.П. Гайдамака. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. С. 332–477.

Literatura

1. *Aristotel' S. Metafizika* / per. s grech. A.V. Kubiczckogo. M.: E'ksmo, 2006. 608 s.
2. *Kanto-Sperber M. Aristotel' // Grecheskaya filosofiya: v II t. T. I* / pod red. M. Kanto-Sperber; per. s francz. V.P. Gajdamaka. M.: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 2006. S. 332–477.

N.A. Shlemova

Aristotle. Criticism of Platonism

In the article the author considers in outline Aristotle's criticism of the Platonic theory of ideas.

Keywords: metaphysics; idea; essence; ontology; sensual and intelligible worlds; ethics.

**Н.А. Моисеева,
А.Г. Шипилов**

Воплощение аристотелевской концепции дружбы и верности (на примере отношений с Александром)

В статье анализируются этическая теория и политическая концепция Аристотеля; на примере его отношений с Александром Македонским рассматривается проблема сохранения верности в дружбе. Авторы приходят к выводу, что теоретические умозаключения философа вступили в противоречие с его реальной политической деятельностью.

Ключевые слова: этика; дружба; верность; Аристотель; Александр Македонский.

Исследование жизни и сочинений Аристотеля дает материал для размышления над общечеловеческими философскими и этическими проблемами, встававшими перед людьми во все времена и в разных странах: как нравственному человеку действовать в реальных ситуациях, до каких пределов следует соблюдать прежние обязательства, сохранять верность другу или правителю.

В «Этиках» философ определяет цель жизни — стать добродетельным человеком: справедливым, мужественным, щедрым, правдивым, великодушным и т. д. Известно, что декларируемые тем или иным мыслителем этические нормы очень часто оказывались благими пожеланиями и не рассматривались их автором как прямое руководство к действию. Между умозрительными конструкциями и практическими поступками лежала пропасть. Особую ценность взглядам Аристотеля придает их практическая направленность. Это, пожалуй, первая из известных нам попыток подробно и всесторонне разобраться в проблеме.

Предшественники философа (в том числе Платон) полагали, что человек будет следовать добродетели, как только узнает, в чем она заключается. Аристотель же уверен, что этого недостаточно, и отрицает возможность исключительно умственного «обучения» нравственности. Чтобы стать мужественным, человек должен совершать мужественные поступки; чтобы стать справедливым — всегда поступать справедливо. Только постоянное упражнение, целенаправленное и сознательное усилие может развить соответствующее качество. Таким образом, поступки и вся деятельность Аристотеля, считавшего самого себя добродетельным человеком, должны были соответствовать разработанной им теории.

Как же определять правильные, моральные душевные состояния? Философ считает необходимым придерживаться принципа, часто называемого золотой серединой. Необходимо понимать меру и избегать крайностей: «Для этической

добродетели губительны и недостаток, и излишество» [2: с. 305]. Например, мужество — это не трусость и не безумная отвага, а нечто среднее. Щедрость — не скупость и не расточительность и т. д. «Как в страстях, так и в поступках пороки переступают должное либо в сторону избытка, либо в сторону недостатка, добродетель же умеет находить середину и ее избирает» [4: с. 87]. Однако «середина» понимается не как некое среднеарифметическое, равноудаленное от крайностей. Очень часто мера оказывается ближе к какой-то одной крайности. Например, иногда добродетелью оказывается храбрость, близкая к безумной отваге, а иногда — осторожность, более близкая к трусости.

В своих сочинениях Аристотель называет целый ряд этических добродетелей: мужество, умеренность, щедрость, великодушие, честолюбие, правдивость, любезность, дружелюбие, справедливость и т. д. Но этот список не является исчерпывающим. Особо отметим, что принцип золотой середины философ считает универсальным и потому его можно с полным основанием распространять и на другие душевные качества, даже если в сочинениях Аристотеля о них не упомянуто.

Поскольку в данной статье мы исследуем некоторые этические аспекты отношений Аристотеля с Александром Македонским, нас интересует такое качество как верность. Исходя из воззрений Аристотеля, верность, как и любая другая добродетель, должна быть разумной. На нее следует распространить универсальный принцип «середины». Мудрость проявится в умении находить середину между двумя порочными крайностями: недостатком верности (предательством, вероломством) и ее избытком («слепая», «собачья» преданность, несмотря ни на что). Таким образом, мудрый и нравственный человек обязан сохранять верность, но при определенных условиях, в определенных пределах и в отношении определенных субъектов. Эти условия можно вывести из рассуждений Аристотеля о дружбе.

Термином «дружба» философ обозначает значительно более широкий круг отношений, чем это принято в настоящее время. По Аристотелю, существуют три вида дружбы, различающиеся по целям, которые субъекты пытаются достигнуть, и по основаниям, на которых они возникли:

- дружба ради самой себя;
- дружба ради пользы;
- дружба ради наслаждения.

При этом лишь первый вид является дружбой в строгом смысле слова, обладает совершенной формой. Она возможна только между достойными людьми, стремящимися не к выгоде, а к самой этой дружбе и благу друг друга. Второй и третий вид являются неполноценными, поскольку людей в них удерживают соображения той или иной выгоды. Поэтому, замечал Аристотель, на них способны даже дурные люди. Однако эти виды дружбы ненадежны; они легко распадаются, как только исчезает та выгода, ради которой и возникли данные отношения [2: с. 362–364].

Разумеется, первый вид дружбы не исключает, а даже предполагает наличие второго и третьего. Но основой в этом случае, утверждает философ, должен

служить именно он: «...где удовольствие и выгода, там нет добродетели; наоборот, где добродетель, там ей сопутствуют удовольствие и выгода» [2: с. 365].

Впрочем, и дружба первого вида, по Аристотелю, основана на личных интересах. Философ пытался рационально объяснить человеческие отношения, закладывая тем самым основы концепции, названной впоследствии «разумным эгоизмом». «...другом, — пишет он, — бывают в первую очередь самому себе и к себе самому в первую очередь следует питать дружескую приязнь» [4: с. 256]. Каждый человек пытается получить от дружбы то, что ему необходимо. Кто-то выгоду, кто-то удовольствие. Но именно добродетельного человека следует считать в высшей степени эгоистом, поскольку он согласен отдавать другу всё маловажное: почести, деньги и тому подобные блага. Себе же хочет оставить самое ценное: «Во всех делах, достойных похвалы, добропорядочный, как мы видим, уделяет себе большую долю нравственной красоты» [4: с. 259].

Важен еще один аспект этической концепции Аристотеля: вступившие в отношения субъекты могут быть не равны, и интересы (цели) в дружбе у них далеко не всегда одинаковы. Каждый ищет в ней свое. Одному важна забота, другому — общение или выгода. И пока потребности каждой стороны удовлетворяются, дружба продолжается. Поэтому Аристотель считает возможным говорить не только о дружбе между двумя людьми, но и о дружбе политической, которая позволяет создавать государство.

Объясняя эту мысль, Аристотель использует аналогию с семьей. Так, отношения между гражданами в политике он уподобляет тем, которые возникают между братьями, поскольку братья примерно равны между собой. Отношения между мужем и женой подобны существующим при аристократии. Монарх же относится к своим подданным, как отец к детям [4: с. 235–236]. В последнем случае особенно ярко проявляется неравенство субъектов: «...там, где в дружбе присутствует превосходство, справедливость требуется по соответствию, причем не количественному, но так, чтобы обладающий преимуществом давал меньшему больше, а получал от него меньше ... и относился бы к нему как начальник к подчиненному. < ... > В этом и состоит честь, каковая по природе принадлежит начальнику и богу перед тем, кто подчинен» [3: с. 273].

Критерием дружбы является, по Аристотелю, взаимное соблюдение интересов. В трёх «правильных» государственных устройствах это имеет место. Субъекты «дружат», то есть заботятся друг о друге. Такая основанная на пользе дружба, отмечал философ, «величайшее благо для государств», поскольку сами они представляют собою союзы людей, основанные ради пользы [5: с. 408]. В трех же «неправильных» государственных устройствах субъекты пренебрегают другими и думают лишь о себе.

В частности, граждане политики заботятся об общих интересах; монарх — о благополучии подданных, а те в свою очередь хранят ему верность. Напротив, тиран думает только о своей власти и богатстве: «...тиран имеет в виду свою собственную пользу, а царь — пользу подданных» [4: с. 234]. Таким образом, если граждане политики хотят друг от друга одного и того же, то

подданные от «дружбы» с царем получают одно (справедливость и благодеяния), а царь от них — другое (послушание и почести).

Что же хотели от своей дружбы Аристотель и Александр?

Вероятно, у Александра особой корысти в этих отношениях не было. Аристотель при всем своем влиянии не мог ни увеличить его богатств, ни оказать ему каких-либо серьезных услуг. Можно предположить, что у царя был расчет воспользоваться авторитетом философа для упрочения своей власти в Греции, но это вряд ли правильно. Во-первых, влияние Аристотеля на наиболее активных противников македонского владычества было незначительным: греческие патриоты считали его предателем эллинских интересов, традиционных свобод. Во-вторых, Александр мало интересовался делами в Греции, больше думая о создании всемирной державы. В-третьих, царь предпочитал не убеждать противников и колеблющихся, а навязывать им свою волю.

Александр уважал своего друга и бывшего воспитателя, ожидал от него моральной поддержки своим грандиозным замыслом, ценил его советы и полученные знания, благодаря чему он стал отличаться от обыкновенных смертных. «Александр сначала восхищался Аристотелем, — пишет Плутарх, — и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно. Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред» [6: с. 400]. Таким образом, по приведенной классификации, со стороны царя это была дружба по преимуществу «ради себя самой», то есть первого вида. Дружба двух достойных людей.

Со стороны же Аристотеля интересы в дружбе были значительно разнообразнее. Он любил жизненные блага и охотно принимал весьма щедрые подарки из военной добычи. Дружба с царем обеспечивала ему почет и безопасность в очень непростое время, возможность спокойно заниматься любимым делом. По приказу Александра ему доставляли всевозможные диковины, материалы для научных занятий. Аристотель неоднократно обращался к царю с просьбами, которые обычно удовлетворялись. Следовательно, второй и третий вид дружбы, ради пользы и наслаждения, в его отношениях с царем присутствовали. Несомненно, имел место и первый вид; по крайней мере, в начале царствования Александра: философ считал его единомышленником, усвоившим преподанные ему этические принципы, и стремящимся к добродетели.

По представлениям своего времени, которые не противоречат и современным, Аристотель был обязан Александру верностью троякого рода:

- как подданный, поскольку признавал его законным правителем всей Греции;
- как облагодетельствованный;
- как друг, поскольку был связан давними близкими отношениями с македонским царским домом и лично с Александром, пользовался его дружбой и доверием.

Содержание сочинений Аристотеля показывает, что он понимал и признавал эти обязательства верности. В то же время известно, что Аристотель

охладел к своему царю и бывшему ученику. Напряженность в отношениях между ними дошла до того, что ходили упорные слухи об участии философа в заговоре и даже в отравлении Александра (не получившие достаточного подтверждения, но показывающие степень отторжения). С чем связано это нарушение верности и как оно согласуется с этической теорией Аристотеля?

Большинство биографов и исследователей отмечает, что расхождение двух великих людей произошло по политическим мотивам.

Во-первых, Аристотеля беспокоило, что в его время большинство греческих полисов переживало тяжелый политический и социальный кризис, приведший к «извращенным» формам правления: демократиям и олигархиям. Самостоятельно справиться с этой проблемой они не смогут, и им (по убеждению философа) необходима помощь со стороны македонского царя, который установит в полисах «правильное» государственное устройство — политию [7: с. 327].

Во-вторых, по мнению А.И. Доватура, Аристотель надеялся, что на завоеванных Александром землях будут организованы греческие полисы с «правильным» устройством, в которых греки станут полноправными гражданами, а местные жители — обеспечивающими их благоденствие рабами, земледельцами и ремесленниками, не допущенными к управлению [7: с. 76–77].

Первое достаточно убедительно, так как промакедонская позиция Аристотеля была хорошо известна современникам. Объединение Греции философ считал необходимой, давно назревшей задачей. И, как трезвомыслящий политик, понимал, что без насилия ее не решить, хотя в меру своих сил и влияния пытался уменьшить негативные издержки. Поэтому до тех пор, пока Филипп, а затем и Александр исполняли эту необходимую задачу, Аристотель их поддерживал.

Второе менее очевидно, поскольку есть основания утверждать, что философ был противником иноземных походов Александра [8: с. 284]. Впрочем, это не исключает возможности, что Аристотель, поставленный перед фактом завоеваний, попытался как-то использовать ситуацию на пользу своим политическим идеям.

Александр не оправдал ни первой, ни второй политической надежды своего учителя. Устройство Греции он не занимался, увлекшись созданием всемирной империи. А «варваров», которых Аристотель (как и большинство его соотечественников) и людьми-то в полном смысле слова не считал, во всем приравнивал к грекам и македонцам. И то и другое в глазах философа, несомненно, свидетельствовало о пренебрежении царя интересами своего народа — что, по Аристотелю, является главным признаком тирана. Внедрение молодым царем персидских ритуалов почитания, тем более осуществление репрессий против товарищей и соотечественников, также указывали на тиранию.

В своих сочинениях Аристотель разбирает примеры тираний и причины их возникновения. Жизнь тиранов, пишет он, — «полная наслаждений, вызывает презрение к ним, что и представляет много удобных поводов для покушений» [5: с. 557]. В «Афинской политике» философ приводит старый афинский закон, действующий еще во времена Солона и Писистрата, считая его

излишне мягким: «...если кто восстанет, чтобы быть тираном, или будет содействовать установлению тирании, тот да будет лишен гражданской чести (то есть гражданских прав. — *Прим. наше*) и сам и его род» [1: с. 26]. В полном согласии с афинской традицией он считает борьбу с тиранией необходимым и достойным делом. В его сочинениях, разумеется, нет прямой критики действий Александра. Высказываемые в них взгляды и мысли предназначались для публичного оглашения (в том числе для обучения лицеистов). Пока был жив Александр, подобная критика была бы проявлением той самой «безумной отваги», которую философ считал пороком. Однако его неприятие политики Александра в поздний период несомненно. Каллисфен назван Аристотелем «неумным» [6: с. 435] не потому, что тот высказывался против царя, а лишь потому, что делал это открыто и демонстративно.

Следовало ли философу в этом случае разорвать дружбу с Александром? Важнейшему вопросу прекращения дружбы Аристотель уделил особое внимание. Раздумья о подобных ситуациях отражены в «Этиках». По теории Аристотеля, любая сторона вправе прекратить дружеские отношения второго и третьего вида, если перестает получать то, что ищет в них: «Друзьями-то были тем выгодам и удовольствиям, а когда они исчерпались, вполне разумно не питать дружбы» [4: с. 248].

Впрочем, то же относится и к отношениям первого вида. Поскольку, согласно теории Аристотеля, добродетельный человек (перефразируя К.С. Станиславского) любит не дружбу в себе, а себя в дружбе, свою добродетель, то ради этой добродетели он может отступить от дружбы — подобно тому, как дружащий ради выгоды отступает от нее, когда выгоды не станет. Например, если тот, к которому питают дружбу, оказывается испорченным или же изменяется в худшую сторону, то дружбу с ним следует прекратить: «Расторгая дружбу с неисцелимо порочным, человек не делает, видимо, ничего странного, ведь другом он был не такому, а прежнему, и вот, будучи не в состоянии спасти изменившегося друга, он от него отступает» [4: с. 249]. Безусловно, это относится и к дружбе Аристотеля с царем: нрав Александра сильно испортился с тех времен, когда тот был его воспитанником. Таким образом, выгода в дружбе с царем у Аристотеля все еще оставалась, а вот добродетели в ней уже не было. Согласно собственной концепции, философ мог оставаться «другом» Александру по выгоде, но уже не мог быть ему другом ради самой дружбы.

Сам Аристотель признает, что как нравственный человек он обязан выполнять свою часть «дружественной сделки». То есть за то, что ему надо от царя, «платить» тем, что царю надо от него. Либо должен отказаться от дружбы вообще. Философ, как известно, не сделал ни того, ни другого. В качестве его оправдания можно заметить, что лишь сам субъект вправе судить, получает ли он от дружбы желаемое или нет. Тогда проблема решается простым силлогизмом: если какой-либо субъект дружбы будет не удовлетворен получаемым, он ее прекратит. Ни Аристотель, ни Александр не прекращают дружбу. Следовательно, она обоих устраивает и претензий быть не может.

Формально все правильно, словно на рынке. Продавец и покупатель сошлись в цене, сделка состоялась. Однако Аристотель отказывается воспользоваться этой софистической лазейкой. Он замечает, что недопонимание возможно, когда дружбу второго и третьего видов принимают за первый: если «человек обманулся и предположил, что к нему питают дружбу за его нрав, в то время как другой ничего подобного не делает, пусть он винит самого себя; но всякий раз, когда он введен в заблуждение притворством другого, он вправе жаловаться на введшего в заблуждение, причем даже больше, чем на фальшивомонетчика, настолько, насколько ценнее предмет, на который обращено коварство» [4: с. 248]. Аристотель понимал, чего именно хочет царь от дружбы с ним: в первую очередь искренности и моральной поддержки среди всеобщих интриг и предательства, окружавших Александра с самого детства и усиливавшихся по мере его возвышения. Этого Аристотель ему дать не хотел и не мог.

Как должен был поступить нравственный человек в подобной ситуации? Перед ним три варианта:

1. Выбрать верность другу и правителю. То есть принять новую концепцию мировой империи, которую строил Александр, найти в ней позитивные элементы и поддержать царя — и в этом случае с чистой совестью принимать от него beneficia.

2. Выбрать верность своим взглядам. При этом даже не обязательно вступать в прямую конфронтацию. Можно было уйти в отставку по болезни или старости, стать частным независимым лицом. Это, образно выражаясь, «путь Диогена».

3. Оставаясь другом, пытаться исправить и вразумить царя.

Аристотель опробовал все три пути, но ни по одному не пошел до конца. Первый он отверг потому, что не хотел отказаться от роли защитника греческой уникальности и признать оправданными нововведения и репрессии. Второй — потому, что не нашел в себе сил или не считал нужным лишиться жизненных благ, к которым привык. Третий — потому, что убедился в его безнадежности и смертельной опасности.

Стратегия, избранная Аристотелем, была наиболее выигрышной. Она позволяла ему довольно продолжительное время пользоваться beneficiaми и доверием Александра, оказывать протекцию своим единомышленникам, в какой-то степени помогая и Греции в целом. Одновременно он мог в какой-то степени удовлетворять свои политические пристрастия, ведя завуалированную пропаганду, настраивая против царя учеников (выходцев из семей богатых и влиятельных), фактически призывая к его убийству как тирана.

Трудно осуждать философа за такую позицию. Он жил в сложное и опасное время, находился между противоборствующими сторонами и при этом пытался не только обеспечить собственное благополучие, но и отстаивать политические убеждения, помогать друзьям, заботиться о всем греческом мире. Нельзя требовать от человека большего. С практической точки зрения он действовал правильно. Однако образцом морали, в том числе аристотелевской, эти действия считать нельзя. «...станет или нет достойный человек

другом дурному? Для дружбы необходимы верность и надежность, а дурной совсем не таков» [2: с. 362]. Пусть Александр стал тираном, недостойным дружбы, но и сам Аристотель понимал, что оказался в положении такого ненадежного «дурного человека».

Философ попытался рационализировать этику, вывести ее из того, что человеку хочется. Но для этого никакая этика не нужна. Этика предписывает делать то, что должно, а не то, что выгодно или приятно. На практике желания Аристотеля оказались слишком разнообразны и несовместимы; произошел классический конфликт интересов. Указанный самим философом приоритет — строгое следование абстрактным добродетелям — в реальности оказался для него менее привлекательным, чем жизненные блага и политические идеалы. Однако избери Аристотель следование добродетели, его можно было бы упрекнуть в пренебрежении долгом перед близкими людьми и отечеством. Реальная жизнь всегда сложнее любых теоретических построений, однозначно правильного ответа зачастую просто не существует.

Литература

1. *Аристотель*. Афинская полития. Государственное устройство афинян. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 256 с.
2. *Аристотель*. Большая этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 295–374.
3. *Аристотель*. Евдемова этика. М., 2005. 448 с.
4. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53–293.
5. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
6. *Плутарх*. Александр // *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 395–450.
7. *Доватур А.И.* Политика и Политии Аристотеля. Л.: Наука, 1965. 392 с.
8. *Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель (сер. «ЖЗЛ»). М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.

Literatura

1. *Aristotel'.* Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan. M.: Gosudarstvennoe social'no-e'konomicheskoe izdatel'stvo, 1937. 256 s.
2. *Aristotel'.* Bol'shaya e'tika // *Aristotel'.* Soch.: v 4 t. T. 4. M.: My'sl', 1983. S. 295–374.
3. *Aristotel'.* Evdemova e'tika. M., 2005. 448 s.
4. *Aristotel'.* Nikomaxova e'tika // *Aristotel'.* Soch.: v 4 t. T. 4. M.: My'sl', 1983. S. 53–293.
5. *Aristotel'.* Politika // *Aristotel'.* Soch.: v 4 t. T. 4. M.: My'sl', 1983. S. 375–644.
6. *Plutarx.* Aleksandr // *Plutarx.* Sravnitel'ny'e zhizneopisaniya: v 3 t. T. 2. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. S. 395–450.
7. *Dovatur A.I.* Politika i Politii Aristotelya. L.: Nauka, 1965. 392 s.
8. *Losev A.F., Taxo-Godi A.A.* Platon. Aristotel' (ser. «ZhZL»). M.: Molodaya gvardiya, 2005. 392 s.

-*N.A. Moiseeva,*
A.G. Shipilov

**The Embodiment of the Aristotelian Concept of Friendship and Faithfulness
(on the Example of Relations with King Alexander the Great)**

The article analyzes Aristotle's ethical theory and political concept. On the example of his relationship with Alexander the Great the authors consider the problem of preservation of fidelity in friendship. The authors come to the conclusion that the theoretical reasoning of the philosopher came into conflict with his real political activity.

Keywords: ethics; friendship; fidelity; Aristotle; Alexander the Great.

Ю.В. Туйцын

Социальные функции труда в философии Аристотеля

Обращение Аристотеля в зрелые годы своей жизни к социально-экономическим проблемам греческого общества было обусловлено как усилением Македонии, так и нарастанием кризисных явлений в политической жизни греческого полиса и вообще греческого мира. Результатом размышлений философа стала работа «Политика».

Ключевые слова: греческий полис; политика; праксиологический подход; социальные слои; труд или деятельность.

Мне представляется, что Аристотелю в определенной мере повезло жить в Афинах в такое время, когда он смог захватить период расцвета античного города-государства и в то же время наблюдать за развалом полисной системы. Пик наивысшего развития греческого полиса пришелся как раз на время жизни философа, на IV век до н. э., когда хозяйственные механизмы рабовладельческого способа производства привели страны Пелопоннесского полуострова к относительному благосостоянию. Города-государства были переполнены дешевыми трудовыми ресурсами, использование которых позволило удовлетворить потребности основной части населения в продуктах питания и прочих предметах первой необходимости. В то же время рост производства, как в аграрном, так и в ремесленном секторе, а следовательно, и рост богатства производителей и рабовладельцев, сдерживались маленькими размерами полисов. Ввиду того что хозяйственная деятельность требовала выхода на более широкий простор, процесс поглощения одного полиса другим стал насущным условием дальнейшего роста экономики греческих рабовладельческих государств. Стремление богатого класса к еще большему обогащению воплощалось в политической жизни в движении к разрастанию государства, которое, в свою очередь, стало причиной образования разнообразных военно-политических союзов городов и многочисленных войн между эллинами.

Аристотель был свидетелем усиления Македонии, а вместе с возвышением этой страны того, как влияние греческой культуры стало мощным объективным фактором в развитии многих областей древнего цивилизованного мира. Быстрый, в сравнении с предшествующими восточными странами, прогресс греческой экономической жизни проявил себя в колонизаторской, торговой и военной деятельности, в умении греков налаживать полезные деловые и дружественные связи с различными по характеру и менталитету народами мира, в способности самоотверженно защищать свою родину и одерживать победы

над превосходящим по численности противником. Однако разрастание государства не только улучшает экономическое положение жителей страны, но также порождает внутренние социальные изменения, влияет на усиление общественных противоречий, таит в себе опасность столкновения с неизвестными обстоятельствами конструктивного и деструктивного типа. Великие мыслители Древней Греции, несомненно, не могли оставить без внимания такие важные социальные процессы.

Как известно, Аристотель был приглашен Филиппом II, отцом Александра Македонского, в Пеллу в качестве воспитателя своего сына в 343 г. до н. э. Некоторые современные исследователи полагают, что Аристотель оказал большое влияние на будущего императора, но есть и такие, кто думает обратное, что никакого влияния со стороны учителя не было. Б. Рассел, соглашавшийся с отрицательными отзывами У.А. Бенна об Александре Македонском, считал, что учитель не мог подействовать на своенравного юношу, что философ был для 13-летнего нерадивого ученика «старым, скучным педантом» [5: с. 207]. Большинство исследователей придерживалось противоположной точки зрения. Еще Плутарх писал, что Аристотель воспитывал в подростковом возрасте будущего предводителя всех греков. Мысль о влиянии философа на молодого Александра высказывал Плиний, что отметил наш отечественный историк И.Ш. Шифман: «Из школы Аристотеля Александр вышел широко образованным человеком, усвоившим его этику и учение о природе, интересовавшимся естественными науками, хорошо разбиравшимся в греческой литературе» [8: с. 20]. Скорее всего, влияние Аристотеля было очень внушительным, иначе не объяснить последующие дружеские подарки Александра своему учителю, посылаемые из далеких захваченных стран. Завоеватель помнил и уважал философа на протяжении всей своей жизни.

Кажется очевидным, что влияние Аристотеля испытал также и Филипп II. Если учитывать, что отец Аристотеля был врачом царя Филиппа, то надо думать, что обсуждаемые нами личности могли не раз встречаться и обмениваться своими мыслями. Аристотель любил писать законы. Известно, что он написал законы для жителей родного города Стагира после его восстановления. Так что не будет странным считать, что он мог давать советы царю, относящиеся к деятельности государя. Диоген Лаэртский сообщает, что Аристотель добился, чтобы Филипп восстановил разрушенный им родной город после войны с Афинами [4: с. 206]. Этот случай показывает, что царь Филипп прислушивался к просьбам и советам философа. Историкам Античности известно также о промакедонской позиции Ликея, основанного Аристотелем.

Через пять лет после прибытия Аристотеля в столицу Македонии почти все греческие города, в том числе Афины, оказались в зависимости от северного соседа после афино-македонской войны 340–338 г. до н. э. Укрепление Македонии на Пелопоннесе было заслугой военного и политического таланта Филиппа II, но как знать, не помогал ли этим успехам мудрый советник родом из Стагиры? Еще одно косвенное подтверждение этому можно усмотреть

в том, что философ был сторонником греческой интеграции. Аристотель писал «Политику» в 335–322 гг. до н. э., т. е. позже завоеваний Филиппа, в которой высказал мысль о пользе объединения греков под единой властью: «Эллинский же род... способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем» [1: с. 230]. Поэтому не будет удивительным поверить в то, что мысли Аристотеля оказались созвучны идеям и действиям амбициозных властителей из рода Аргеадов, в то время как в согласии философа эти политики находили поддержку своих замыслов.

Противники влияния Аристотеля на македонских царей указывают на то, что в своем трактате «Политика» философ подыскивает модель для небольшого города-государства, что он не мог внушить им мысль о завоеваниях, поскольку сам не заметил наступления эпохи крупных империй. Это несправедливый упрек. Персидская держава существовала уже давно, являя собой пример такой империи, и философ это прекрасно знал. Скорее наоборот, внешняя политика македонских правителей была ответом на вызов времени, и она доказывает, что Аристотель не пропустил новые социальные явления мимо своего внимания. Надо также полагать, что вряд ли Филипп II пригласил бы такого учителя для своего преемника, идеи которого шли бы вразрез с его политическими и военными устремлениями. Представляется возможным, что общий план действий и захватнический пыл Александра Македонского были результатом предварительной работы крупного интеллекта, настроившего заранее будущего правителя на создание греческой империи.

По примеру Платона Аристотель пытался разобрать взаимодействие всех элементов, составляющих государство, для определения наиболее оптимальной государственной «формы», в аристотелевском смысле этого слова. Надо сказать, что понятие «государство» для него в зависимости от контекста было синонимом понятий «страна» и «общество» [1: с. 37]. Особое внимание он уделил экономическим явлениям, поскольку осознавал важность влияния хозяйственной деятельности людей на состояние страны, общества, государства. Важно отметить, что Аристотель считал греков лучше и совершеннее остальных известных ему народов. Северные народы Европы «недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам», а азиатским народам «не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии» [1: с. 230], писал философ. Он разбирал вопрос о состоянии общества с позиции национализма или националистического патриотизма, но не стоит особо упрекать в этом Стагирита, поскольку национализм был свойственен всем людям той эпохи.

Определяя наиболее оптимальные размеры страны, Аристотель принимал во внимание два главных показателя: величину территории и количество населения. Он критиковал таких людей, кто считал, что страна должна обязательно иметь большую территорию: «Большинство полагает, что счастливое государство должно быть большим по своим размерам» [1: с. 226]. Большие размеры страны не обязательное условие его процветания. По Аристотелю, необходимо, чтобы государство было «самодовлеющим». Это понятие он трактовал

в духе гилеморфизма, подразумевая в самодовлении соответствие сущности и цели любого предмета его конкретному проявлению. В организации государства самодовление означало соответствие формы государства и реальных явлений, складывающихся в государство. В отношении территориальных размеров это означало, что государство должно быть достаточным для обеспечения населения природными ресурсами, продуктами питания и всем необходимым [1: с. 228–229]. Социально-экономическое развитие Афин в то время, сумевших победить персидскую державу в длительном военном противостоянии, может служить практическим подтверждением идеи философа о том, что небольшое государство оказалось более жизнеспособным, нежели большое.

Аналогичное предложение Аристотель делает в отношении количества населения. Оно может быть как большим, так и небольшим. Главное — «в своем первоначальном виде государство должно заключать в себе такое количество населения, какое было бы прежде всего самодовлеющим для устройства благой жизни на началах политического общения» [1: с. 227]. Фактически мыслитель говорил об оптимальном количестве людей в стране, которое определяется их практической жизнью. Польза дела не в большом количестве людей и не в больших размерах страны, а в соответствии территории и количества населения такому положению, когда воплощаются цель и назначение государства — обеспечение блага народа. Это соответствие устанавливается в хозяйственной и, если мыслить шире, в практической жизни народа.

Философ считал, что счастливыми могут быть только такие люди, которые участвуют в практической деятельности. Иначе говоря, это деятельные люди. Поэтому государство существует для того, чтобы население страны имело возможность трудиться и воплощать замыслы своей активности на практике. «Чтобы граждане не принимали участия ни в чем, это очевидно, невозможно, так как государство представляет собой некое общение», — писал мыслитель [1: с. 58]. Аристотель выступал против индивидуализма и развивающегося сибаритства, замечаемых им в кругах богатых рабовладельцев, и пропагандировал активный и общественно полезный образ жизни. Он полагал, что в активности граждан интересы общества и отдельного человека обретут истинное единство, соединятся в общем созидательном устремлении [1: с. 225].

Аристотель понимал, что активность людей проявляется по-разному в качественном и количественном отношении. В качественном смысле человеческая активность проявляет себя как полезный труд, который у разных людей отличается прежде всего своим предметом и характером, т. е. тем, что для греческого философа определялось понятием «смысл и содержание труда». В последующие времена, точнее в Новое время, это свойство труда в философии и в политической экономии стали называть «характером труда». Характер и предмет труда, в свою очередь, определяют образ жизни народа. Иначе говоря, Аристотель понимал, что труд и основной вид производительной деятельности, практикуемый разными народами, выполняет функцию распределения народов по образу жизни.

Для Аристотеля наиболее предпочтительный вариант физического труда — земледельческий: «В самом деле, наилучшим видом труда является земледельческий» [1: с. 207]. Этот вид полезного труда не позволяет человеку быть ленивым или жестоким. Он является естественным для человека, связывает его с природой физически и духовно. Поэтому земледелием занимается самая многочисленная часть народов мира: «Все же огромное большинство людей живет благодаря земледелию и культурным растениям» [1: с. 46]. Мыслитель рассуждает о том, как способствовать увеличению и укреплению земледельческого населения страны с помощью законов государства и соглашается с тем, что частично этого можно добиться с помощью запрета на приобретение земли «свыше определенной меры» [1: с. 208]. Это необходимо для того, чтобы земледельцы не могли разорять друг друга скупкой наделов и монополизацией плодородной земли в узком круге лиц.

«После земледельческой народной массы наилучший народ тот, где люди являются пастухами и живут скотоводством» [1: с. 209]. Однако он не очень высоко ценил народы, у которых главным видом труда было скотоводство. По оценке философа, лень и нежелание трудиться стали причиной того, что некоторые народы занимались скотоводством и поэтому вынуждены были вести кочевой образ жизни [1: с. 45]. Им приходилось постоянно искать новые пастбища, и они не прилагали большого труда для добывания пищи, писал Аристотель.

Современного читателя не может удовлетворить то, что греческий мыслитель не учитывал все причины, побудившие многие народы заниматься скотоводством, а опирался на сомнительную причину — некое ленивое отношение к жизни и труду, распространенное им целиком на все кочевые народы. В то же время становится ясно, что философу, жившему в обществе, в котором основным типом производственной деятельности был земледельческий труд, все другие виды труда и способы хозяйствования казались следствием человеческого несовершенства, поэтому скотоводческий способ жизни тоже признавался им несовершенным.

Еще одна группа народов, по описанию Аристотеля, своим трудом полагала охоту [1: с. 45–46]. К видам охоты он причислял охоту на диких животных, а также рыбную ловлю и «разбой». Последний из перечисленных видов деятельности, т. е. военная и разбойничья деятельность, в древние времена была довольно широко распространена, и многими, в том числе Аристотелем, она рассматривалась как обычный труд. На море хозяйничали многочисленные пиратские сообщества, на суше многие царьки малых государств устраивали военные походы на соседние наделы с целью прямого захвата имущества, насильственного обогащения и добывания рабов (см.: [5; 7]). Аристотель рассматривает военное искусство как «естественное средство для приобретения собственности». Он даже оправдывает охоту на людей, поскольку многие из них от природы, по его словам, предназначены к подчинению [1: с. 46]. Аристотель, как известно, оправдывал рабовладение, видя в использовании рабского труда важный источник общественного богатства. Недостатком

военного или разбойничьего труда может быть то, что ратный труд определяет разбойничий образ жизни, а это связано с опасностью для жизни.

В классификации видов производительной деятельности Аристотель оставлял довольно низкое место ремесленному труду. Ремесленник является только продолжением орудия, которым совершается работа, или одушевленным орудием, «вообще в искусствах (т. е. в ремеслах. — Ю.Т.) всякий ремесленник как орудие стоит впереди других инструментов» [1: с. 39.]. То, что Аристотель сравнивает труд раба и ремесленника и делает заключение, что ремесленный труд стоит выше рабского, говорит о низкой оценке ремесленного труда. Как мы понимаем, ремёсла бывают сложные и примитивные. Философ писал: «Ремесленник, занимающийся низким ремеслом, находится в состоянии некоего ограниченного рабства» [1: с. 56].

Человек, который стал рабом, является таковым по своей природе, думал Аристотель, потому что такой индивид в принципе склонен к подчинению, в то время как ремесленником он становится, живя и действуя в обществе. Поэтому ремесленничество — это приобретенное качество, а не естественное, как рабство, однако, как думал мыслитель, оно также характеризует невысокий потенциал человека.

Вмешательство труда в распределение людей можно усмотреть и в разделении населения страны на слои, своеобразные устойчивые сословия или социальные группы. В данном вопросе в социальной философии Аристотеля просматривается очевидный праксиологический подход. Он понял, что государство должно обеспечить своим гражданам счастливую совместную жизнь, поэтому жизнь людей должна быть деятельной [1: с. 225]. Социальные группы хорошо устроенного государства определены родом занятий людей. Опираясь на понимание труда или деятельности людей, Аристотель полагал, что общество состоит из десяти главных «составных частей». Под частями государства в данном случае философ понимал именно социальные группы или общественные слои. Пять социальных групп в государстве занимаются в основном физической работой: 1) земледельцы; 2) ремесленники; 3) торговцы; 4) поденщики; 5) военные [1: с. 136].

Вторые пять социальных групп были менее многочисленными, поскольку относились к сфере умственного труда, но их роль в государстве была не менее важной. Аристотель продолжает общий счет групп, поэтому называет их седьмой, восьмой и т. д. По его мнению, такими группами являются: 6) жрецы; 7) слой состоятельных или богатых граждан; 8) государственные служащие (чиновники); 9) лица, создающие законы; 10) судьи [1: с. 137]. При этом он критиковал Платона, также взявшего за основу деления общества труд людей, однако ограничился только физическими видами труда, да и то не всеми. Надо сказать, что в этом месте аристотелевского трактата исследователи зафиксировали пропуск текста, и о жрецах говорят как о возможном варианте текста. На мой взгляд, они правы.

Аристотель был убежден в том, что невозможно достичь равенства в труде: «Так как равенства в работе и в получаемых от нее результатах провести

нельзя — наоборот, отношения здесь неравные, — то неизбежно вызывают нарекания те, кто много пожинает или много получает, хотя и мало трудится, у тех, кто меньше получает, а работает больше» [1: с. 63–64]. Ввиду неравенства богатств у разных людей, но особенно вследствие того, что некоторым людям богатство достается легкими затратами, у многих граждан возникает чувство несправедливости и недовольства общественным устройством [1: с. 64–65]. В государстве существует проблема установления справедливого распределения общественного богатства между гражданами. Философ полагал, что только в среде граждан допустимо было решать проблему справедливого распределения богатства, поскольку свободные неграждане и рабы в распределении богатства участвовать не должны.

Некоторые государственные мужи той эпохи считали, что общественного согласия и гражданской справедливости можно добиться с помощью наделения всех граждан равными наделами земли, и равенство наделов уравнивает их имущественное состояние. Аристотель из истории разных государств приводит в своей книге несколько примеров уравнивания имуществ граждан такими законодателями, как Фалей Халкедонский и Солон, которые пытались добиться этого посредством полного уравнивания земельных наделов. Он также упоминает мнение Платона, который считал что «не должно быть дозволено приобретать собственность, превосходящую более чем в пять раз наименьшую существующую собственность» [1: с. 72]. В данном случае у Платона и Аристотеля в понятии «собственность» речь идет об имуществе, а не о праве владения.

По убеждению Аристотеля, нельзя добиться справедливости за счет уравнивания имущества граждан. Такой путь не приведет к общественному согласию. Автор «Политики» считал, что имущественное равенство граждан большого значения не имеет, потому что против него выступят наиболее одаренные люди, которые посчитают это равенство недостойным себя. Иначе говоря, равенство имуществ у всех граждан одного государства — это установление и защита несправедливого порядка вещей, потому что оно не учитывает различий в труде граждан. В то же время Аристотель понимал, что бедность также является источником преступлений и социальной нестабильности, и поэтому он был сторонником среднего класса собственников.

Аристотель не без основания полагал, что отчасти социальная справедливость достигается посредством одновременного утверждения и разумного сочетания частной и общественной собственности. Благодаря праву владения тем или иным имуществом в государстве появляется возможность добиться общественного согласия. По поводу собственности он писал: «Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной» [1: с. 64]. Философ был убежден в том, что без частной собственности в человеке не появятся и не разовьются такие качества, как «благородная щедрость», бережливость, экономность, стремление к преумножению богатства. В то же время частная собственность создает условия для образования состоятельных, самодостаточных и деятельных граждан. Средний слой составляют,

по убеждению философа, самые лучшие граждане, и на них должно опираться государство. Остается понять, кого же относил философ к среднему слою?

Чтобы объяснить это, Аристотель перечислил «задачи» (*erga*) государства. К ним он относил: 1) создание пищевых продуктов; 2) развитие ремесел для удовлетворения потребностей населения в промышленных товарах; 3) обеспечение вооруженной защиты от внешних и внутренних врагов; 4) формирование «денежных средств»; 5) попечение о религиозных культах; 6) решение споров между гражданами и определение полезных общественных действий и инициатив. Аристотель был против «крайних» общественных слоев, под которыми он понимал обедневших и сильно разбогатевших граждан, поэтому, по его мнению, государство должно создать условия для того, чтобы граждане могли своей деятельностью сохранять достойное положение в обществе. Он неоднократно указывал, что не ремесленники должны составлять слой граждан, не торговцы, и даже не землепашцы [1: с. 233], хотя все эти категории людей должны быть в государстве для выполнения производительных функций.

Фактически античный философ занимался доказательством того, что рабовладельческое государство является естественным состоянием общества, в котором наиболее важную роль играет слой обеспеченных рабовладельцев, не утративших желания соответствовать добродетели. Они должны быть активными, но это не означает, что они должны непосредственно трудиться и создавать материальные блага. Великий греческий философ писал: «Мы утверждаем (и в «Этике» установили, если это сочинение может на что-нибудь пригодиться), что счастье есть деятельность в духе добродетели и совершенное применение этой последней» [1: с. 241]. Поэтому граждане должны были исправно вести свое хозяйство, заниматься его укреплением и преумножением. И в этом заключалась добродетель среднего слоя в мирное время. Аристотель подчеркивал, что государство должны составлять граждане, поскольку только они обладают правами и гражданскими чувствами, а не все население страны. Можно сказать, что под добродетелью среднего слоя граждан он понимал «гражданскую», или государственную, деятельность.

Если же говорить о деятельности вообще, то Аристотель считал, что в философском смысле «внешние блага» вовсе не самое важное в жизни человека. По его разумению, человеческая душа является более ценной, нежели тело, а значит, и внешние блага, требуемые телу, не имеют того значения, которое им часто придают. Это относится также к той деятельности, которой человек постоянно занимается. Каждый человек стремится к счастью, а оно заключается в добродетельной деятельности. Деятельность становится добродетельной тогда, когда ее целевая причина существует как внутренне определенное обстоятельство. По Аристотелю, наиболее гармоничное соединение реальной активности и ее целевой причины происходит в познавательной деятельности, поэтому выше всего из всех видов человеческой деятельности он ценил науку и философию.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Политика. Афинская политика. М.: Мысль, 1997. 458 с.
2. *Аристотель*. Физика // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59–262.
3. *Асмус В.Ф.* Античная философия. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
4. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
5. *Рассел Б.* История западной философии. М.: Академический Проект; Деловая Книга, 2008. 1008 с.
6. *Семенов Ю.И.* Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995.
7. *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород: НГПИ, 1991. 244 с.
8. *Шифман И.Ш.* Александр Македонский. Л.: Наука, 1988. 207 с.
9. *Шнирельман В.А.* У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995.

Literatura

1. *Aristotel'.* Politika // Aristotel'. Politika. Afinskaya politiya. M.: My'sl', 1997. 458 s.
2. *Aristotel'.* Fizika // Aristotel'. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3. M.: My'sl', 1981. S. 59–262.
3. *Asmus V.F.* Antichnaya filosofiya. M.: Vy'sshaya shkola, 1976. 543 s.
4. *Diogen Lae'rtskij.* O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity'x filosofov. M.: My'sl', 1979. 620 s.
5. *Rassel B.* Istoriya zapadnoj filosofii. M.: Akademicheskij Proekt; Delovaya Kniga, 2008. 1008 s.
6. *Semenov Yu.I.* Vojna i mir v zemledel'cheskix predklassovy'x i rannix klassovy'x obshhestvax // Pershicz A.I., Semenov Yu.I., Shnirel'man V.A. Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva. M.: Institut e'tnologii i antropologii RAN, 1995.
7. *Strogeczkij V.M.* Polis i imperiya v klassicheskoy Grecii. Nizhnij Novgorod: NGPI, 1991. 244 s.
8. *Shifman I.Sh.* Aleksandr Makedonskij. L.: Nauka, 1988. 207 s.
9. *Shnirel'man V.A.* U istokov vojny' i mira // Pershicz A.I., Semenov Yu.I., Shnirel'man V.A. Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva. M.: Institut e'tnologii i antropologii RAN, 1995.

Yu. V. Tuysyn

Social Functions of Labour in the Philosophy of Aristotle

Aristotle's taking up the social and economic problems of Greek society in the mature years of his life was due to both by the strengthening of Macedonia and the growth of crisis phenomena in the political life of the Greek polis and, in general, the Greek world. The result of the philosopher's thinking was the work «Politics».

Keywords: Greek polis; politics; praxeological approach; social strata; work or activity.

И.А. Бирич

Педагогический потенциал текстов Аристотеля

Всегда трудно от высокой теории, тем более «метафизики», то есть философии, выходящей за рамки природы к универсальным первоначалам бытия, опускаться в долину, где живут и взаимодействуют конкретные люди. Если законы Космоса, согласно античной традиции, пронизаны Красотой и Разумом, то этого нельзя сказать о мире человеческом. Однако для философов Древней Греции этот факт не был пугающим. Наоборот, они были убеждены, что, познав всеобщие законы бытия, люди с радостью обратятся к их исполнению и обретут искомое счастье. Таков и Аристотель — постараемся понять истоки его оптимизма.

Ключевые слова: философия как истинное знание жизни; философ как учитель; цель жизни — общее Благо; энтелехия; природа души и ума.

Последние изыскания творчества Аристотеля показали, что философ писал свои труды параллельно трудам своего учителя Платона, поднимая в них ту же проблематику. Так, его «Метафизика» как бы отвечала лекциям Платона, посвященным идее Блага, а диалоги Платона «Филеб», «О поэтах», «Гомеровские вопросы», трактат «Законы» заставили Аристотеля написать несколько вариантов «Поэтики», «Риторики», «Большой этики». Полемика в Академии Платона по вопросу об абсолютном мире идей обратила взор Аристотеля к космологии, к миру природы. В годы странствий он продолжает изучать и описывать различные формы живой материи (растения, животных, человека), пишет трактат «О душе». Во второй Афинский период Аристотель систематизирует всё им написанное и разделяет философию на три раздела: теоретическую (умозрительную), цель которой — знание ради знания; практическую, цель которой — знание ради деятельности, и поэтическую (творческую), цель которой — знание ради искусства. Теоретические науки обладают ценностным приоритетом над практическими и поэтическими.

Духовный наставник, или учитель, по Аристотелю, — это всегда знаток всеобщих причин бытия, то есть философ. Чему же может научить такой учитель? Искусству жить по законам бытия! Если философия — это по-гречески «любовь к мудрости», то давая целых пять убедительных и на сегодня признаков мудрости (целостное знание о жизни; способность познать трудное; способность выявлять причины и научить этому других; наука, движимая познанием истины, а не пользы; мудрые знают ответы и не ждут подсказки [1: с. 27]), Аристотель тем самым определяет философию как самое главное учение о жизни.

Философия — главное учение о жизни еще и потому, что дает самый ценный взгляд на нее, так как определяет *наилучшую цель* жизни, которой является *Благо* (посыл Платона). Таким образом, у Блага — объективная (всеобщая), а не субъективная природа, что делает философию хоть и умозрительным, интеллектуальным учением, но не абстрактным, отвлеченным, а ценностным, отвечающим на очень важный для человека вопрос «Зачем мир существует?».

Интересен мотив, выделяемый Аристотелем, который способствует появлению у человека любви к мудрости: «Удивление побуждает людей философствовать». Ведь за данным чувством стоит признание своего незнания, некоей пустоты, которую необходимо заполнить истиной, как об этом говорил еще Сократ. Для Аристотеля очень важно, что истина приходит только к тем, кто любит ее бескорыстно — ради нее самой. С Аристотеля начинается разработка **теории познания** (*греч.* «гносеология») — одна из основных философских дисциплин, востребованных в течение 2,5 тысяч лет, способствующая не просто правильному мышлению, а прежде всего нахождению истины.

И начинается процесс познания с поиска сущности явления или вещи. Это мысль о том, чтобы любое конкретное явление объяснять восхождением его причин к высшему бытию. Такая истина звучит очень убедительно в аудитории, даже школьной.

Серьезнейшая и труднейшая для современных философов онтологическая идея — телеологичность мира, то есть его целенаправленность в своем развитии к своему пределу, который есть Благо. Аристотель изящно иллюстрирует эту идею, ссылаясь на всем известный факт взросления ребенка, подчеркивая, что это не просто количественные изменения в нем, а качественное становление знатока (вспомним, что это человек, знающий причины) из учащегося, который пока еще просто набирается житейского опыта. Конечная цель для него как идеал развития, или предел, то есть Благо, уже существует в самом факте этого развития. Не достигая данного предела или хотя бы не устремляясь к нему, человек бессознательно нарушает законы бытия и своей собственной природы.

Аристотель рассуждает о требовании «точности» в философских рассуждениях. «Поэтому, рассуждает он, надо приучиться к тому, как воспринимать каждый предмет, ибо нелепо в одно и то же время искать и знание, и способ его усвоения» [1: с. 33]. Это замечание Аристотеля как раз по части так называемых «педагогических технологий». Они хороши для усвоения уже готовых знаний, но вот добывать их с помощью технологий, то есть «учиться удивлению», никак нельзя. А вот и иллюстрация того, как при описании вещи возникает истинное утверждение и приблизительное. Да, есть ее самое общее определение, данное в понятии, — например, дом. Есть набор материалов, из которых он возведен. Но ни то, ни другое не является сутью данного конкретного дома. Сутью же его является его назначение (цель, или энтелехия, или форма, по Аристотелю), например, данный дом — дворец, хижина или храм.

От Аристотеля нам остались его философские неологизмы. «Энтелехия», как и его же термин «энергия», определяет переход возможности, потенции

явления в действительность, актуальность. Причем, если «энергия» означает сам переход, то «энтелехия» (от *греч.* «теле» — цель) — конечный идеал этого перехода. Для определения души как сущности живого организма это очень важное начало рассуждений о человеке (работа «**О душе**»). Можно сказать, что Аристотель первым обозначил контуры будущей науки психологии. Для Аристотеля это универсальные философские категории, объясняющие сложную динамику постоянного взаимодействия материи и «формы». Отсюда должен начинаться любой поиск истины, и понимание природы человека, его души в том числе.

Понятно, что человек состоит из материи, как любая вещь. Но... это живая материя. И нужно поэтому дать определение жизни как таковой. Аристотель для этого использует свой «онтологический ключ», расшифровать который мы можем только благодаря новейшим открытиям в биологической науке о геноме организма. Его-то Аристотель и называет «душой». Она хранит «знание» («энтелехию»), то есть наследственную информацию о родовом назначении своего вида, и имеет механизм, отвечающий за свое собственное правильное становление в данной материи и развитие в конкретных условиях — «деятельность созерцания», или «энергию». Вот почему «знание» предшествует «созерцанию». Согласимся, что при такой интерпретации целостное понятие «души» становится не менее сущностным, чем научное определение генома через химическую формулу ДНК.

Аристотель дает перечень разных признаков живой материи. Самый общий и самый простой — способность расти (и размножаться отсюда) и способность ощущать у растений, у животных к ним прибавляется способность движения, у человека появляется четвертая фундаментальная способность — размышления. Естественно, что речь идет о трех разных видах живой души. Для проблем педагогических и социальных это разделение очень важно.

Спор между двумя крупнейшими философами античной Греции о природе души был гносеологический, они по-разному отвечали на вопрос, как человеку удастся правильно познавать мир. Это способность души, отвечал на него Аристотель, в ней-то и кроется смысл и цель человеческого организма, потому что жизнь возникла не случайно, а по законам Бытия.

Если пища объективно предшествует способности души расти в материи, то что же является «предметом» для такой способности души, как познание? Объективная форма существования информации, направленной на Благо! Она-то и есть «духовная пища» человека, питающая его разумную душу. Так об этом пишет Аристотель.

Аристотель разбирается с таким признаком души, как ум. Это совершенно особая способность, направленная не на материю, а на некие знания, не имеющие материальной природы. Ум есть суть (форма, смысл, цель) разумной души, существующий в двух формах: знания как такового (наверное, это память) и «деятельности созерцания», то есть мышления. Замечание о «чистой дощечке» ума позднее, в XVII в., неверно было понято как «*tabula rasa*» — мышление якобы начинает работать лишь при получении чувственных

ощущений (Дж. Локк). Аристотель, безусловно, подразумевал под этим другое, сравнивая деятельность ума со светом: как свет делает видимыми цвета, существующие без него лишь как возможность, так и ум, начиная действовать, становится причиной созидания видимого результата, воздействуя на материю энергией образа-идеала.

Аристотелем раскрываются различные свойства здорового ума: видение единства противоположностей, направленность на существо предмета, соединенность блага с чувством удовольствия, умение (от слова «ум», между прочим) порождать правильные представления, наличие развитого воображения, потребность в истине и добре.

Аристотель глубоко рассуждает о способностях души. Он вводит еще одну ее фундаментальную характеристику — такую, как воля. Воля есть преобразованные разумом стремление растительной души, желание животной и страсть неразумной. Как видим, волю Аристотель определял как неперенное свойство человеческой природы. Воля включается в дело тогда, когда ум размышляет о цели действия. У цели действия всегда есть предмет.

И вот здесь начинаются трудности. Воля всегда направлена к Благу. Но Благо может быть истинным, а может оказаться ложным. Как же в этом разобраться? Аристотель дает совет, верный на все времена! Надо обладать «чувством времени», то есть уметь прогнозировать последствия своих поступков в будущем, иметь такое воображение, которое бы стояло на охране Блага как закона бытия, а не своих собственных страстей.

Надо признаться, что за 2,5 тысячи лет эта способность мышления все еще не стала господствующей для Homo Sapiens, и это наводит на грустные мысли о том, что чего-то кардинального, в отличие от Аристотеля, мы о человеке до сих пор не знаем. Напрасно мы в философии, психологии и педагогике отказались от понятия души — ее ценностная природа, которую мы все вместе не замечаем, не имеет научного объяснения, а только «метафизическое».

Важную роль в воспитании масс Аристотель отводил искусству **риторики**, которая, по Аристотелю, относится к поэтике, то есть к «творческой философии». С его точки зрения, искусство как творчество есть одновременно и деятельность («технэ»), и умозрительное знание. Последнее особенно касается риторики, так как она представляет из себя воплощение в речи правильного мышления. С искусством же ее роднит стремление к прекрасному образцу, понимаемому Аристотелем как норма-идеал. Оратор силой своего мышления воздействует («технэ») на чувства собравшейся аудитории с тем, чтобы она приняла истинное, то есть правильное решение.

Каждый учитель или преподаватель является оратором. Не в смысле публичного деятеля, а в том смысле, что каждый из нас работает «в устном жанре»: воздействует на аудиторию словом и желает иметь на нее положительное влияние. И здесь предварительное замечание Аристотеля о трех причинах доверия к говорящему очень ценно, так как мы используем только первую, а именно — воздействуем на разум слушателей силой логики своего высказывания. И все!!!

Мы можем позволить себе явиться в класс в плохом настроении или в состоянии отчуждения от преподавательского процесса (это считается «высшим шиком» нашего профессионализма), а уж о том, что наша собственная мораль является условием доверия слушателей к излагаемому материалу, а значит, и его усвоения, мы и вовсе не задумываемся, хотя все великие педагоги об этом писали. И Аристотель среди первых. Думаю, что одна из причин низкой успеваемости наших детей в обучении скрыта именно здесь — они не доверяют нам и потому не слышат. И школьники, и студенты на столько формально относятся к образованию, на сколько мы формально относимся к своей работе.

Конечно, риторика — теория и искусство красноречия, очень важны в педагогическом процессе. Но не только. Риторика есть методология правильной речи так же, как диалектика есть методология правильной философской теории. Они подобны, так как и та, и другая опираются на методы построения правильного умозаключения: философия использует силлогизмы (*греч.* «дедуктивное умозаключение»), риторика — энтимемы (*греч.* «вывод»). Можно сказать, что в его системе риторика выполняет роль посредника между теоретической и практической философией. Вот почему Аристотель обращался к этой теме на протяжении всей своей творческой деятельности.

Если силлогизм есть реконструированная мысль, в которой выявлены все логические связи, то энтимема — это мышление вслух, когда ради ускорения обмена мыслями опускается то, что очевидно: или одна из посылок, или вывод, который формулируется уже самими слушателями. Силлогизмы, как правило, отчуждены от личности рассуждающего, энтимемы зачастую носят эмоциональный оттенок, свидетельствующий об отношении говорящего к проблеме. Это отношение, впрямую не высказанное, тем не менее имеет силу воздействия на аудиторию и помогает ей думать.

Судья беспристрастен, но суд присяжных заседателей (*греч.* «Ареопаг»), который и выносит вердикт, состоит из живых людей. К ним и обращает свою речь оратор. Аристотель через весь трактат проводит мысль о необходимости оратору служить прежде всего истине, но вовсе не искать симпатии собравшихся к себе любимому — такому талантливому и красноречивому.

Уже во времена античной демократии было разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной. Аристотель как раз и предупреждает о недопустимости смешения разных функций, но точное исполнение каждой ветвью власти своей задачи. Иначе в обществе наступит неразбериха, непонимание правил общежития, что неминуемо приводит к социальной нестабильности. Ох, как нам это хорошо знакомо!

Наш философ обращает внимание на то, что сама способность логического мышления еще не есть признак добродетельного ума. Он становится таковым, только когда служит истине. И наоборот, истина и справедливость в устах говорящего быстрее достигают сердец слушателей.

Оценивать речь, основанную на знании, есть дело образования, считал Аристотель, а перед массами — это невозможная вещь. Но вполне реально

негативным страстям и чувствам толпы придать положительный характер... при условии выполнения законов риторики.

«Остроумие» (букв. «городская речь») — неперебиваемое греческое слово совмещает в себе значения «изысканный», «изысканный», «тонкий», «меткий», характеризуя речь развитого столичного жителя в противоположность речи отсталого сельского жителя.

Познание не просто приобретает — это особое познание. Метафора (греч. «перенос») как вид литературного тропа (греч. «оборот») разворачивает наш ум в неожиданную сторону, дает нам новую точку зрения на привычный предмет или явление, всегда **укрупняя их масштаб** в контексте единства мира. Это знание не прагматическое, а ценностное, духовное. И потому убедительное. Ведь «фора» — это побуждающий возглас «вперед!». У метафоры поэтому всегда есть скрытая возможность стремительного достижения познания, минуя логические ступеньки.

По Аристотелю, у наслаждения красноречием познавательные корни: остроумная фраза дает мгновенное и неожиданное озарение — максимум нового знания при минимуме затраченного времени.

Риторика, по определению, есть искусство манипулирования массами. Так было в Античности, так есть и сейчас. Необходимость риторики выводится Аристотелем из утверждения, согласно которому масса не способна постичь истину сама по себе, так как руководствуется мнениями, страстями, предпочитая правдоподобную ложь неправдоподобной истине. Однако в отличие от мыслительной эквилибристики софистов Аристотель вводит ценностный аспект в искусство оратора или педагога и призывает его, как и философа, служить истине. Но в отличие от философа, который ее созерцает, оратор ее **внушает** и потому должен идти общедоступным путем, то есть одевать истину в пестрые одежды видимости, апеллируя не к разуму собравшихся людей, а к их чувствам.

Оценивать речь, основанную на знании, есть дело образования, считал Аристотель, а перед массами — это невозможная вещь. Но вполне реально негативным страстям и чувствам толпы придать положительный характер... при условии выполнения законов риторики. Это есть искусство воздействия, соединяющее в себе нравственную позицию говорящего, обращение к чувствам публики, отзывчивой на добро, и только в третью очередь, умение вслух правильно мыслить. Аристотель подчеркивает, что риторика возникает не на пустом месте (от желания поговорить), не на почве всем известных истин, не требующих доказательства (это называется демагогией), а там, где существует реальная проблема, фиксирующая множество противоречивых возможностей ее разрешения. Недаром русское «решение» по-гречески звучит как «кризис» — некая видимая точка перелома изменения ситуации.

Чтобы воздействовать на чувства, надо их хорошо знать. По сути, «Риторика» Аристотеля есть первая научная классификация деятельности разумной души. Аристотель начал исследовать человеческие страсти с гнева. По всей видимости, это бурное проявление чувств в ответ на несправедливость в античности было

обычным делом, когда никому и в голову не приходило сдерживать свой гнев, считая его естественным чувством. Недаром вся античная трагедия построена на противостоянии «справедливого гнева» героя и «справедливого гнева» богов.

Наверное, Аристотель первый связал гордость человека с комплексом неполноценности, провоцирующим гнев. Правда, во времена античности гордость была положительной характеристикой человека, если при этом соблюдалась разумная мера ее проявления. Понятие гордыни, да и гнева, как смертных грехов человека, появилось только в эпоху христианства. Нам, прожившим в христианстве уже 2000 лет, до сих пор поучительно читать эти наблюдения Аристотеля.

Античная и вообще древняя культура рассматривала чувство страха как признак нарушения человеком онтологических законов бытия, Космоса, за что тот карал его смертью. И страх, и смелость Аристотель одинаково связывает с надеждой. Наверное, чтобы противостоять страху смерти, надежда тоже должна иметь онтологическое происхождение — источник, откуда черпаются силы жизни.

Милость понимается Аристотелем не как активная жизненная позиция милосердия (так мы сегодня понимаем милость), а просто как мирное состояние покоя, противоположное гневу, и потому редкое и нестойкое.

Аристотель показывает также черты *хорошего* человека, любить которого так естественно. И в наше время этот портрет узнаваем и вызывает в нас симпатию. Но насколько же эти поучения Аристотеля о любви отличаются от поучений о любви апостола Павла! Между ними всего 300 лет. Что же изменилось кардинального в ощущениях людей? Аристотель пишет о внешних проявлениях любви среди себе подобных, и другой любви он не знал. Апостол Павел пишет о внутреннем напряжении чувства любви человека к миру и ко всем без исключения людям, основная характеристика которой — бескорыстие.

В «Словаре литературоведческих терминов», изданном издательством «Просвещение» в 1974 г., риторика, кроме исторической дефиниции, определяется также и в оценочном аспекте как «осуждающее определение напыщенного, внешне красивого, но малосодержательного произведения, речи» (с. 324), а в «Кратком словаре литературоведческих терминов» для учащихся, изданном тем же издательством в 1985 г., этого слова нет вообще. Сегодня изданы учебники по «Риторике», созданы учебные программы по этому предмету: политическая деятельность действительно требует красноречия. Вот только создается впечатление, что мы в этом деле опустились до софистики и демагогии и уже забыли, не успев развить, учение Аристотеля о нравственно ориентированной риторике.

Особыми воспитательными функциями наделял Аристотель искусство, причем разные его виды играли различную воспитательную задачу. Так, трагедия (или драма как род искусства) имела особую функцию «очищения» (*греч.* «катарсис») человеческих аффектов во время эмоционального переживания публикой трагической судьбы героев. Речь шла о функции, необходимой для всего полиса, то есть для всего взрослого населения, посещающего театр — зрелище демократическое, куда приходили как «благородные» граждане, так и ремесленники, наемные рабочие. Античная трагедия была

«детищем толпы, демоса» в полном смысле этого слова. В своей «очищающей» роли она выступала как одно из важнейших орудий социальной интеграции.

Однако трагедия не выполняла более высокие, с точки зрения Аристотеля, задачи общественного воспитания, связанные с качественным формированием личности свободнорожденных граждан и заполнением их досуга. К таким видам искусства относились прежде всего музыка, затем пластические искусства. В них задача воспитания, по Аристотелю, заключалась в культивировании аффектов будущих граждан, в том, чтобы научить их «правильно» страдать и «правильно» радоваться, как это отвечает требованиям высокой нравственности. Так Аристотель этику связал с эстетикой, когда хорошо воспитанный человек подобен эстетически развитому человеку, у которого зрение и слух настроены только на восприятие прекрасного в жизни.

Этика и политика, по классификации Аристотеля, относятся к практической философии. Они образуют единый комплекс «философии о человеческом», занимающейся сферой деятельности человека в обществе. Если этика имеет дело с правильной нормой, то основной задачей политики государства является воспитание граждан в нравственной добродетели. Эти проблемы Аристотель особенно интенсивно разрабатывал как альтернативу утопии Платона об идеальном государстве в последние годы своей жизни в контексте социальной реальности, складывающейся на глазах греческой империи, совмещающей в себе демократию и рабство. Важно было говорить о государственном престиже добродетельных граждан. Не послушных, а именно добродетельных. В добродетелях можно и нужно было соревноваться жителям античной Греции.

Трактат «Политика», в отличие от других трудов философа, не был широко известен в Европе вплоть до эпохи Возрождения, так как оказался единственным произведением, не переведенным на арабский язык, что сыграл роль посредника между греческим и латинским. Зато трактат Аристотеля «Никомахова этика», написанный им незадолго до смерти и посвященный памяти рано умершего сына, можно считать философским завещанием древнегреческого мудреца.

Подлинные сочинения Аристотеля распадаются на три класса: опубликованные при жизни, литературно обработанные диалоги; собрания материалов и выписок, служащих эмпирической базой для размышлений, на которые ссылались современники и ученики Аристотеля; и собственно научные трактаты философа, ставшие доступными для прочтения только в I в. до н. э., когда римский император Сулла, захватив Афины, присвоил себе библиотеку ученого и привез ее в столицу.

Первые два класса утрачены навсегда, а известные и дошедшие до нас сочинения Аристотеля восходят к своду сохранившихся византийских рукописей, переведенных в VI веке на латинский и персидский (пехлеви) языки. В IX в. сочинения Аристотеля переводятся на арабский язык. Тогда же в Багдаде возникает философская академия (Дом мудрости), основанная на комментировании текстов Аристотеля. С XI в. Испания стала местом встречи арабской и латинской культур

и передачи латинскому Западу бережно хранимого арабами наследия античного философа. С этого времени сочинения Аристотеля обрели новую жизнь в Европе, здесь зародилась научная традиция их изучения, а его «философия о человеческом» («философ про гуманос») вошла составной частью в разработку философии гуманизма эпохи Возрождения.

Литература

1. *Аристотель*. (Антология гуманной педагогики). М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2004. 222 с.
2. *Давыдов Ю.Н.* Искусство как социологический феномен: К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М.: Наука, 1968. 284 с.
3. *Юммель Ш.* Аристотель // Мыслители образования. Т. 1. № 1–2. М., 1994. С. 85–86.

Literatura

1. *Aristotel'*. (Antologiya gumanoj pedagogiki). М.: Изд. Дом Шалвы' Амонашвили, 2004. 222 с.
2. *Davy'dov Yu.N.* Iskusstvo kak sociologicheskij fenomen: K karakteristike e'stetiko-politicheskix vzglyadov Platona i Aristotelya. М.: Nauka, 1968. 284 с.
3. *Yummel' Sh.* Aristotel' // My'sliteli obrazovaniya. Т. 1. № 1–2. М., 1994. С. 85–86.

I.A. Birich

Pedagogical Potential of the Texts of Aristotle

It is always difficult from a high theory, especially «metaphysics», that is, philosophy that goes beyond nature to the universal primordia of being, to descend into the valley where concrete people live and interact. If the laws of the cosmos, according to ancient tradition, are permeated with Beauty and Reason, then this can not be said about the human world. However, for the philosophers of ancient Greece this fact was not scary. On the contrary, they were convinced that, having learned the universal laws of being, people would gladly turn to their fulfillment and find the desired happiness. Aristotle is among them, so let's try to understand the sources of his optimism.

Keywords: philosophy as a true knowledge of life; philosopher as a teacher; the goal of life is the common good; entelechy; the nature of the soul and mind.

А.В. Мирзоян

Взгляды Аристотеля на идеальный город

В статье рассматриваются взгляды Аристотеля на идеальный город в сопоставлении со взглядами Платона и проекции предложенных ими моделей идеальных городов на современный социум.

Ключевые слова: идеальный город; Аристотель; Платон; социум.

Развитие человеческого сообщества немыслимо без городов. Античная эпоха занимает особое положение в истории эволюции города как социально значимого объекта. Именно античный полис стал тем трамплином, с которого стремительно стартовал новый этап социально-политического развития. Город превратился не просто в ремесленно-торговый центр, но стал одновременно средоточием культурной и духовной жизни.

Подобный феномен требовал анализа и объяснения со стороны мыслителей той эпохи. Одновременно появились и первые мысли прогностического характера, или, как сказали бы сейчас, футурологического плана, то есть делались попытки создать модель идеального города, отталкиваясь от существующих реалий древнегреческого полиса.

Аристотель, как и другой великий эллинский философ Платон, достаточно внимания уделял именно социальному прогнозу относительно путей развития города. Именно анализу взглядов Аристотеля на идеальный город в сопоставлении со взглядами Платона и проекции предложенных ими моделей идеальных городов на современный социум посвящается настоящая статья.

Само понятие «идеальный город» предполагало создание такого места обитания большого числа людей, которое позволяло бы его обитателям находиться в гармонии между собой и окружающим миром. Именно потому идеальный город должен был быть расположен рядом с морем, — такое расположение «позволяет жителям кормиться», а также открывает широкие торговые возможности. Он должен быть «труднодоступен для вторжения, но при этом иметь удобные выходы». Кроме того, такой город «должен располагать удобным путем для доставки продуктов, также удобен должен быть подвоз лесных и других материалов». Все три указанных момента присутствуют в трудах величайшего мыслителя античной эпохи — Аристотеля [1].

И Аристотель, и Платон, как, впрочем, и многие другие, менее значимые, для развития философской мысли мыслители того времени, старались создать некую модель, на которой должен быть создан «идеальный город». Такой город мог бы решить социальные проблемы тогдашних греческих городов-государств. При этом необходимо упомянуть, что как для Аристотеля, так и для Платона

отправной точкой в рассуждениях о строительстве идеального города послужили взгляды Пифагора и его мысли об идеальных фигурах. Правда, оба титана античной мысли пошли здесь разными путями. Платон выбрал круг, а Аристотель — квадрат.

Наиболее полно свои представления об идеальном городе Аристотель дает в своей работе «Учение о государстве». Идеальный город с его точки зрения имеет прямоугольный план городской территории [1], не представляет собой идеальную геометрическую форму в плане с одинаковыми домами, как, например, описывал его учитель Платон [4]. То есть Аристотель уходит значительно дальше в своем стремлении совместить логику геометрической формы с функциональными моментами в отличие от Платона, взявшего от Пифагора представление о круге как о наиболее идеальной фигуре. Одновременно Аристотель в своей оценке города как объекта использует один из своих четырех основополагающих принципов, постулирующий, что всякая вещь имеет свое целевое предназначение [3: с. 69].

По мнению Аристотеля, следует разделить городские площади по функциональному признаку. Одни площади посвятить целиком торговле, другие, которые он охарактеризовал как «чистые», выделить для храмов, гимназий и прочих общественных зданий [1].

Таким образом, город, по Аристотелю, делится на три части: священную, общественную и частную. Расположение частных домов более функционально, полезно и красиво для житейского обихода тогда, когда улицы идут прямо по гипподамову (квартальному) способу. Благодаря этому делению город Аристотеля обладал определенной гибкостью за счет выбора планировочных решений. Именно этот подход можно рассматривать как аналог современных планировочных решений в градостроительстве.

Платон же в своих трудах «Государство» и «Законы» описал идеальный город следующим образом: город должен быть изолирован от окружающего мира, способен самостоятельно обеспечить себя всем необходимым, жилые дома должны выглядеть одинаково, план городской территории должен иметь радиально-кольцевую форму [3]. Далее он писал: «Никогда, ни в коем случае, не будет процветать государство, если его не начертили художники по божественному образцу» [4].

Таким образом, рассуждения Аристотеля и Платона об идеальном городе значительно отличаются друг от друга. Платон предлагает ориентацию города на восток, тогда как Аристотель предпочитал ориентацию на юг. Авторы расходятся и в отношении формы планировки города: у Аристотеля это квартальная планировка, а у Платона — радиально-кольцевая [2]. Но главное отличие их взглядов на идеальный город следует искать вовсе не в формальных моментах, которые относятся к планировке и выбору места для тех или иных объектов. Основным различием является направленность того, что с позиции современных подходов к анализу динамики социальных процессов можно назвать вектором развития. У Аристотеля он направлен вовне, а у Платона внутрь.

Со взглядами Аристотеля на структуру идеального города удивительным образом перекликаются сформировавшиеся приблизительно в то же историческое время и, в отличие от Древней Греции, реализованные, принципы строительства городов в Древнем, а затем средневековом Китае. Города в Китае должны были строиться, и строились, в соответствии с тамошними традициями. Богатые и состоятельные люди выбирали место для постройки своих домов самостоятельно. Центр города являлся запретной территорией. Там располагался дворец правителя, а также здания административного назначения. За пределами этой территории без каких-либо удобств. Самые бедные жители селились в крошечных хибарах, слепленных из глины. На пересечении больших магистралей располагались рынки. Главная магистраль, выстроенная в направлении «юг – север», пересекала весь город. Все самые важные постройки находились именно на ней. Планировка остальной части города представляла собой большие прямоугольники — кварталы, которые назывались «ли», позже «фан». Каждый из этих кварталов был связан с главной магистралью системой переулков и прямых улиц. Разумеется, в те времена каждый город был обязан надежно защитить себя от внешних вторжений. Возводились мощные крепостные стены, состоящие из четырех слоев. Они закрывали город со всех сторон. В каждой из четырех защитных стен прорубались ворота. Они выходили на основные, самые большие, магистрали города.

Практически каждый город Китая строился согласно вышеприведенному описанию [6].

Любопытно, что в современных городах мы легко можем обнаружить оба рассмотренных подхода и их многочисленные комбинации. Несомненно, и Платон, и Аристотель внесли большой теоретический вклад в развитие градостроительства. Их работами, а также работами других авторов вдохновлялись архитекторы разных стран и эпох при строительстве крупных величественных городов. Одним из таких городов является Москва.

Похожа ли Москва на идеальный город, по представлению Аристотеля? Нет, не похожа. Многим его требованиям к идеальному городу Москва соответствует, но не всем. Москва имеет исторически сложившуюся радиально-кольцевую систему планировки города, а не прямоугольную (квартальную). Таким образом, Москва в большей степени соответствует представлениям об идеальности платоновским, чем аристотелевским. Однако в новых районах Москвы чаще доминирует прямоугольная планировка.

В заключение хотелось бы отметить, что в современном социуме социальные приоритеты влияют на подходы к градостроительству в гораздо большей степени, чем в древности. Техногенность современных городов, особенно городов мегаполисов и городских агломераций, стала влиять на эволюцию их структуры максимально сильно. Однако изучение взглядов философов прошлых эпох позволяет глубже понять генезис происхождения и формирования взглядов на пути развития городов как социально-цивилизационного феномена.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. / пер. с древнегреч. С. Жебелева. М.: Мысль, 1983. 644 с.
2. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Высокая классика. Т. III. М.: Искусство, 1974. 600 с.
3. *Лосев А.Ф.* История античной философии. М.: Мысль, 1989. 204 с.
4. *Платон*. Соч.: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмус; пер. с древнегреч. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 525 с.
5. *Платон*. Соч.: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмус; пер. с древнегреч. Т. 3. Ч. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 752 с.
6. Планировка городов Китая // Коллекции. Проект дома. [Электронный ресурс]. URL: <http://proekt-doma.vilingstore.net/Planirovka-gorodov-Kitaya-i182147> (дата обращения: 01.11.2016).

Literatura

1. *Aristotel'.* Politika // Aristotel'. Soch.: v 4 t. / per. s drevnegrech. S. Zhebeleva. T. 4. M.: My'sl', 1983. 644 s.
2. *Losev A.F.* Istoriya antichnoj e'stetiki. Vy'sokaya klassika. T. III. M.: Iskusstvo, 1974. 600 s.
3. *Losev A.F.* Istoriya antichnoj filosofii. M.: My'sl'. 1989. 204 s.
4. *Platon*. Soch.: v 4 t. / pod obshh. red. A.F. Loseva i V.F. Asmus; per. s drevnegrech. T. 3. Ch. 1. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Aby'shko, 2007. 525 s.
5. *Platon*. Soch.: v 4 t. / pod obshh. red. A.F. Loseva i V.F. Asmus; per. s drevnegrech. T. 3. Ch. 2. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Aby'shko, 2007. 752 s.
6. Planirovka gorodov Kitaya // Kollekcii. Proekt doma. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://proekt-doma.vilingstore.net/Planirovka-gorodov-Kitaya-i182147> (data obrashheniya: 01.11.2016).

A.V. Mirzoyan

Aristotle's Views on the Ideal City

In the article the author considers Aristotle's views on the ideal city in comparison to Plato's views and the projections of the models of the ideal cities offered by them to the modern society.

Keywords: an ideal city; Aristotle; Plato; society.

С.В. Иванеев

Категория «субъект образования» в логике социокультурного процесса

В логике социальной философии показана методологическая и мировоззренческая роль категории «субъект образования» как формы осознания смысла пространства образования для общества, а также ее содержание, функции, современные проекции и потенциал для конкретных исследований развития отечественного образования.

Ключевые слова: образование; общество; субъект; социум; культура.

В концептуальном поле современной социальной философии все больше актуализируется изучение феномена образования не только как одного из важнейших социальных институтов, но и как источника и условия развития общества, способа обновления его содержания. Это значит, что образование формирует свой статус действующей социально-культурной причины, определяя пути воздействия на сознание и поведение людей объективно, т. е. как *системное свойство*, на основе которого формируется отношение содержания общественной системы к ее целям. Эта объективность проявляется в том, что образование «реагирует» не только на потребности людей и планируемые пути решения возникающих проблем и противоречий, но и на саморегулирование общественной системы в целом, на ее стремление к устойчивости.

Однако *содержание* образования, его ценности и цели всегда осмыслены и не могут осуществляться стихийно-«бессознательно» для общества. Это значит, что образование является особым *социальным субъектом*, бытие которого в обществе всегда объективно, причем не только потому, что субъективная реальность здесь выявляется в коллективно-социальной форме, но и потому, что образование выступает условием и проводником осуществления общественных тенденций. Образование поэтому — это особая форма бытия коллективного социокультурного субъекта, специфика которого заключается в том, что его содержание — новые знания, оценки, технологии, передаваясь в процессе обучения людям на уровне межсубъектных коммуникаций, мировоззрения и духовных, моральных ценностей и норм, вместе с тем формирует

в обществе новые объективные связи, отношения и тенденции. Выступая как активно действующая социальная причина, образование постоянно переводит друг в друга объективное и субъективное, индивидуальное и социокультурное, идеалы и реальность. Таким образом, с точки зрения своего места и роли в обществе образование воспроизводит глубинное субъектно-объектное отношение, осуществляя регулятивную, инновационную, коммуникационную, воспитательную, проектную и другие функции в обществе.

Что же такое образование как субъект? Определяя субъект с позиций онтологии, Г.В. Гегель писал: «Субстанция как субъект есть чистая простая негативность, и именно поэтому она есть раздвоение простого, или противоположающее удвоение, которое опять-таки есть негация этого равнодушного различия и его противоположности; только это *восстанавливающееся равенство* или рефлексия в себя самое в инобытии, а не некоторое первоначальное единство как таковое или непосредственное единство, как таковое, — есть то, что истинно. Оно есть становление себя самого, круг, который предполагает в качестве своей цели и имеет началом свой конец и который действителен только через свое существование и свой конец» [2: с. 9]. Основное свойство субъекта таким образом Гегель видит в отрицании существующего содержания субстанции, т. е. способности формировать *отношение* к этому содержанию, которое тем самым оказывается «снятым»: оно теперь входит в более высокое и общее содержание, выступая лишь его стороной. Субъект здесь вырабатывает ту логику (направление), по которой движется субстанция, т. е. он регулирует ее движение, открывая новые стороны реальности. Субстанция «предоставляет» субъекту статус быть объективным, а он определяет для субстанции направление изменений, ритм и темп развития. Более точно, здесь *источником изменения выступает не сам субъект, но его отличие от субстанции*.

Если по этой логике рассматривать особенности субъекта образования, то получается, что субъект отрицает содержание (систему) образования с инновационных позиций. Формируя отношение к образованию, его субъект (как *иное* в данном образовании) позволяет видеть и понимать, в каких направлениях и методах содержание образования оказывается устаревшим. Именно эти рамки существующей системы образования переходит субъект, формируя уже на своей основе — определение/отрицание данного содержания как «снятого». Это значит, что субъект образования есть особый инновационно-целевой аспект содержания образования, в котором формируется *самосознание* образовательной деятельности и отношений, *восстанавливается нормативность образования* именно как социокультурной и научной *инновации*, открывается особая дистанция в самом образовании — между действительным и возможным, настоящим и будущим, традиционным и новым.

Субъект образования формируется и существует в самом образовательном пространстве как форма его самодвижения, как его процессуальность и внутреннее время. Но субъект также отделяется от этой процессуальности содержания, выступая как источник и причина изменений. Эта его функция

присуща любому субъекту, который возникает в любых сферах существования общества. «Субъект стоит в центре многих предметно-специфических деятельностей... оставаясь предметным среди предметного мира, он должен каким-то образом одержать победу над этой предметностью. Иначе говоря, в круговороте его жизнедеятельности должна возникнуть форма, в которой быть в *отношении к предмету* означало бы то же самое, что *быть самим собой*. Эта формула по самому существу своему требует, чтобы предметность стала внутренним делом субъекта, перешла в его способность, стала силой его субъективности», — отмечал В.П. Иванов: [3: с. 134].

В содержании мира субъекта образования отражается отношение людей к образованию, которое осуществляется как оценка настоящего с позиций будущего. Именно потому, что субъект здесь — продукт не только образования, но самой общественной системы, которая динамично развивается, субъект — особое моделирование такого развития как движения «через данное — к иному»; субъект образования не может сводиться к определенному содержанию образования, быть его простой суммой. Субъект образования — уже в его регулятивной функции — выступает как *воздействие* на его содержание со стороны его собственного движения, т. е. на основе того, что само образование выступает как процесс, который разворачивается во времени — социально-историческом и времени культуры. Здесь время оказывается фактором, который *отрицает* данное содержание, открывая его изменениям и обновлению. Но *время, в котором выделена эта функция как алгоритм, как внутренняя устойчивая норма, приобретает форму и смысл субъекта образования, становится им.*

Итак, субъект образования — это человечески-смысловая *форма организации* образовательного пространства, способ воздействия на эту среду в направлении определенных целей, которые вырабатываются обществом, культурой, а также и самим образованием. Естественно, что такой субъект образования не сводится к образу учителя, или государству как субъекту образовательной политики. *Речь идет о специфике субъектного образовательного отношения*, которое, извлекая содержание из этой среды, направлено на ее изменение, преобразование на основе активности субъектной формы. Вместе с тем такое отношение раскрывает и активизацию самого образовательного субъекта по отношению к образованию.

Содержание данного отношения в философии образования трактуется по-разному: в виде образовательных идеалов, особенностей связей образования и общества, актуальных задач образования в контексте образовательной реформы. В.Д. Гатальский, представитель культурологического направления, усматривает динамику и направленность образования *в процессе восстановления утраченной духовной идентичности личности* — ее связи с культурной и социальной сферами общества. Он считает, что «важнейшим условием формирования духовности является ориентация на абсолютные и в то же время персонифицированные нравственные ценности... процесс духовной преемственности всегда обеспечивается путем идентификации человека

с образами, воплощающими базовые ценности культуры... В последние годы, в связи с разрушением системы духовного производства российского общества и мировоззренческим вакуумом, в котором оно оказалось, все отчетливее обнаруживаются симптомы кризиса идентичности, который в субъективно-личностном плане переживается как духовный вакуум, разрыв человека с социальным и культурным миром. В такой ситуации возникает острейшая необходимость в целенаправленном насыщении культурно-образовательного пространства личностями, олицетворяющими базовые ценности отечественной культуры, воплощающими лучшие нравственные качества народа» [1: с. 26–27]. Субъект образования здесь ориентирует последнее на освоение и следование духовно-нравственным приоритетам культуры.

Другой подход связывает развитие образования с изменением социальных, культурных и других коммуникаций. Эти изменения формируют ориентиры общественного сознания, в контексте которых возникает и субъектное образовательное отношение. Для формирования образовательной подсистемы, выступающей как новое мировоззрение, смыслы, новые коммуникации, ценности, важным является то, что «управляющим компонентом коммуникаций является информация, которая актуализирует структурные процессы в системе: она изменяет состояние социокультурной системы. Формой воздействия информации на коммуникацию является сообщение, благодаря которому «вся коммуникация ритмически разворачивается во времени» [7: с. 94].

Здесь «посредником», который начинает трансформировать или переустанавливать соответствие между образованием и изменяющимся содержанием социальных коммуникаций, является язык. Именно он «определяет область структурных соответствий между сознанием и коммуникацией» [7: с. 89].

Если рассматривать эти коммуникации как проявление социального универсума, то его основой становится язык, структурирующий сферы общения, который «благодаря своей способности выходить за пределы «здесь-и-теперь»... соединяет различные зоны реальности, повседневной жизни и интегрирует их в единое смысловое целое... Язык формирует лингвистически обозначенные смысловые поля и смысловые зоны. Словарь, грамматика, синтаксис способствуют организации этих смысловых полей» [6: с. 68, 71].

В современном обществе субъект образования должен определять последнее как сферу инновационной деятельности. Именно поэтому его роль в системе образования значительно усиливается: ведь именно субъект создает отношение к образовательной среде, ориентированное на будущее.

В этом аспекте В.И. Игнатъев и С.А. Кузин правы, когда отмечают: «Длительное время университет, как и вообще формирующийся институт образования, усиливал свою функционально-активную характеристику: адаптировать, сохранять, передавать последующим поколениям знания. Люди были актерами на сцене спектакля, создаваемого не ими. В индустриальной цивилизации индивиды стали «винтиками» гигантской фабрики социума» [4: с. 61]. И одним из важнейших «цехов» этой фабрики, по мысли авторов, была и пока остается система

института высшего образования. Но постиндустриальный мир диктует свои новые требования как к индивидам, так и к институтам. А потому «в современном обществе институт высшего образования во все большей степени должен превращаться из систем практик, обслуживающих “наличное социальное бытие” (социальную действительность), в *систему, конструирующую социальную действительность* (выделено мной. — В. Иванеев), наполняющую социальное пространство новыми социальными формами. Эта конструктивистская, а не функциональная направленность института высшего образования определяется также функцией (заданием общества), но иной природы. Существование социума становится возможным лишь на основе расширенного проектирования, конструирования и обработки форм как образцов социального порядка в противовес нарастающему хаосу и неопределенности... Университеты сами должны стать активными конструктами и производителями социальной действительности... быть настроены на смену “программ” социума, разрабатывая эти программы как новые “пакеты” практик, видов деятельности, профессии и даже отрасли» [4: с. 61–62].

Фундаментом жизни университета, таким образом, становится *субъект образования*. Он воплощается в самосознании и системе творческих установок сотрудников университета, студентов, в инновационно-образовательной политике руководства, а также в контексте отношений к собственной деятельности с позиций целей и идеалов.

Если с этой точки зрения посмотреть на российские образовательные реформы, то в каждой из них можно открыть формирование новых направлений деятельности субъекта образования. Так, в развитии отечественного образования XIX века отчетливо сохраняется тенденция его *демократизации*, которая возникла еще в XVIII веке, хотя и распространялась тогда на узкие рамки господствующих в России сословий. Но уже в XIX веке повышение статуса образования как субъекта — носителя демократических ценностей и перспектив, требует своей опоры на весь состав населения России того времени, преодоления сословных ограничений. А.В. Калачев отмечает, что «освобождение крестьян поставило государство перед проблемой обучения многомиллионной народной массы. Поэтому одновременно с подготовкой крестьянской реформы начали разрабатываться положения о реформе образовательной системы. Подготовка к реформе начального народного образования была довольно длительной: с 1856 по 1864 г. В 1856 г. Министерство народного просвещения поручило своему Ученому комитету начать разработку нового школьного устава» [5: с. 104], который бы в большей мере соответствовал современным взглядам на обучение и воспитание и больше отвечал потребностям в обучении.

Особой формой, в которой проявилась направленность субъекта образования в истории российского образования, является *образовательный идеал*. В.Б. Новичков, который исследовал этот идеал в контексте развития культуры и образования в дореволюционной России, синтезировал его понимание: «Образовательный идеал — это сложноструктурированное образование (С.И. Гессен), зарождающееся в национальном педагогическом самосознании

конкретного народа (П.Ф. Каптерев), несущее на себе черты этнокультурной (политкультурной) принадлежности, социально-экономических и политических условий общественной жизни (С.И. Гессен, П.Ф. Каптерев), обращенное к культуре и общецивилизационному развитию (С.И. Гессен), интегрирующее в себе и направляющее социально-педагогические цели образования, его дидактические средства, предполагаемый результат образовательной деятельности в виде идеального образа личности, социума, общественно государственного устройства (В.О. Ключевский, П.Ф. Каптерев)... Образовательный идеал несет в себе культурологическое, цивилизационное, национальное и аксиологическое содержание» [8: с. 56].

В современных социально-философских и педагогических исследованиях образовательный идеал раскрывается в контексте идей дальнейшего развития и модернизации российского образования. Он имеет свои особенности в антропологическом, аксиологическом, культурологическом, компетентностном и других направлениях и подходах к осмыслению проблем и перспектив образования в России.

Итак, субъект образования представляет собой особую категорию, отражающую общую форму осознания смысла и целей конкретного этапа развития образования. Поэтому именно такой субъект есть средство развития необходимых связей образования с обществом, выявления в системе образования устаревающих методов и формирования для данного общества необходимых его гражданам качеств личности и профессиональных компетенций.

Именно поэтому в системе современного образования необходимо выделение и формирование субъектно (а не только предметно) ориентированного обучения и воспитания. Решение этой задачи позволяет, *во-первых*, критически осмыслить современное состояние российского общества и «перешагивать» через его настоящее, определяя встроенные в современность, но не выявленные, возможности будущего. Это обеспечивает инновационную направленность образования, которое тем самым становится важным ресурсом развития российского общества. Формирование социальной субъектности личности и общества дает всестороннее обоснование развитию того проектно-конструктивного подхода к реальности, который укрепляется в современном обществе, в мире.

Во-вторых, формирование субъектно ориентированного сознания в системе образования позволяет более четко определить и оценить с позиций гуманистической культуры объектные, овеществленные стороны общественной системы, дистанцироваться от них и выстроить границы их воздействия на человека и общество. Именно так может быть создано культурно-образовательное пространство, ограничивающее современную техносферу и выявляющее ограниченность инструменталистского подхода к реальности.

В-третьих, раскрытие субъектной компоненты образования позволяет преодолеть те искажения в понимании реальности, которые связаны с медиа-средой и манипуляциями сознания массовой аудитории, что является одним из направлений воздействия СМИ. Действительно, социально-коммуникативная среда,

в которой живет значительный социальный слой наших современников, оказывается пронизанной социальными мифами, виртуальными образами рекламы, медийными текстами в пространстве СМИ, закрывая от людей реальное бытие с его объективностью. Эта масса людей верит в то, что мир такой, каким данный человек хочет его видеть. Эта иллюзорность психологически и морально становится для многих людей основным способом адаптации к реальности. Они подчинены внешней необходимости, стихийности общественной жизни, не зная альтернатив, например — социально субъектного контроля за изменением среды, ее планомерного преобразования. Мифотворчество — одно из проявлений социального отчуждения личности. Общество оказывается не подлинной средой существования людей, но всеобщим источником появления различных способов использования человека.

Наконец, выявление и формирование субъектной образовательной парадигмы позволяет точно определить и обосновать направленность и целевые показатели системы образования в современной информационной среде. Современный компетентностный подход, при его общей перспективности, все же направлен в первую очередь на оснащение индивидов необходимыми навыками и качествами современного члена общества. Однако важным условием инновационной деятельности является среда, выраженная коллективным сознанием и коллективными интересами, — это климат любой конкретной организации. Поэтому, обучая личность на основе выделенных компетенций, данный подход не формирует коллективистское сознание и потребности специалистов.

Образование, которое преломляется через смысл и статус его субъекта, является инновационным и формирует интерес специалистов и личностей именно к перспективным методам и эффективным результатам. Такой интерес оказывается важнейшей мотивацией при освоении индивидами коллективистских норм и требований, в которых, как правило, инновационная направленность является устойчивой нормой служебного поведения и трудовых отношений. Поэтому образование в этом контексте должно быть не только системой формирования у новых поколений профессиональных знаний и умений, но основой раскрытия для современников подлинности (т. е. объективности) бытия общества и связанного с таким бытием социального и культурного образа жизни человека; оно должно выражать и обеспечивать его вовлеченность в общественные отношения. На основе образования человек должен реализовывать себя как личность именно в контексте своей включенности в социум и его культуру.

Таким образом, субъект образования существует не только как источник изменений в самом образовании, но и как условие формирования конкретного образовательного идеала социокультурной системы. Поэтому образование не может быть завершенным для конкретных индивидов, если они получают только организационно-предметную, а не дополнительную — субъектно-мировоззренческую подготовку. В каких направлениях она может быть обеспечена сегодня? Эти направления существуют как *функции* субъекта образования, которые обеспечивают его связи с обществом.

Среди них можно выделить:

- функцию интеграции общества как условие развития его национально-го и гражданского самосознания;
- функцию формирования общественного идеала;
- функцию формирования социально востребованных качеств личности;
- формирование в общественном сознании установки на инновационность, социальную ответственность;
- функцию социализации и культурации личности, связанную с формированием социально-коллективистских представлений.

Наконец, субъектная основа, или общая форма образования, позволяет выполнять его основную задачу в современном обществе: не только обучать людей новым знаниям и компетенциям, но и создавать новые виды практики, в которых будет формироваться обновляемый социум.

Таким образом, категория «субъект образования» может иметь социально-философский статус и рассматриваться как культурно-мировоззренческая, регулятивная и методологическая основа конкретных исследований всех направлений и тенденций в образовательном пространстве.

Литература

1. *Гатальский В.Д.* Культурно-образовательное пространство и социально-педагогическая система // Педагогика. 2012. № 6. С. 25–29.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 444 с.
3. *Иванов В.П.* Человеческая деятельность. Познание. Искусство. Киев: Наукова думка, 1977. 250 с.
4. *Игнатьев В.И., Кузин С.А.* Реальность как иллюзия действительности: к диагнозу состояния института образования // Философия образования. 2010. № 3. С. 57–65.
5. *Калачев А.В.* Демократизация образования в дореволюционной России. Волгоград: Перемена, 2011. 238 с.
6. *Лукман Т., Бергер П.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1996. 323 с.
7. *Назарчук А.В.* Учение Никласа Лумана о коммуникациях. М.: Весь мир, 2012. 248 с.
8. *Новичков В.Б.* Образовательный идеал в контексте социокультурного развития дореволюционной России // Педагогика. 2012. № 4. С. 55–61.

Literatura

1. *Gatal'skij V.D.* Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo i social'no-pedagogicheskaya sistema // Pedagogika. 2012. № 6. S. 25–29.
2. *Gegel' G.V.F.* Fenomenologiya duxa. SPb.: Nauka, 1992. 444 s.
3. *Ivanov V.P.* Chelovecheskaya deyatel'nost'. Poznanie. Iskusstvo. Kiev: Naukova dumka, 1977. 250 s.
4. *Ignat'ev V.I., Kuzin S.A.* Real'nost' kak illyuziya dejstvitel'nosti: k diagnozu sostoyaniya instituta obrazovaniya // Filosofiya obrazovaniya. 2010. № 3. S. 57–65.
5. *Kalachev A.V.* Demokratizatsiya obrazovaniya v dorevolucionnoj Rossii. Volgograd: Peremena, 2011. 238 s.

6. *Lukman T., Berger P.* Social'noe konstruirovaniye real'nosti. M.: Medium, 1996. 323 s.
7. *Nazarchuk A.V.* Uchenie Niklasy Lumana o kommunikaciyax. M.: Ves' mir, 2012. 248 s.
8. *Novichkov V.B.* Obrazovatel'ny'j ideal v kontekste sociokul'turnogo razvitiya dorevolucionnoj Rossii // Pedagogika. 2012. № 4. S. 55–61.

S.V. Ivaneev

**Category of «Subject of Education»
in the Logic of the Socio-Cultural Process**

In the logic of social philosophy the author shows methodological and worldview role of the category of «subject of education» as a form of awareness of the meaning of space of education for the society, as well as its content, functions, modern projections and the potential for the specific studies of the development of national education.

Keywords: education; society; subject; society; culture.

**Материалы круглого стола
«Современный университет
в условиях рынка»**

Происходящие реформы в современном образовании стали предметом дискуссий как в российских, так и в западных университетах. Утилитарный подход в вопросах образования и науки не только ставит под вопрос существование философии и всего комплекса гуманитарных наук, полезность которых невозможно измерить экономической меркой, но и существенно трансформирует сам Университет — университетское образование. Как меняется Университет, условием функционирования которого выступает экономическая целесообразность? Как влияют финансовые и политические обстоятельства на изменение университетского образования? Каковы первые итоги реформирования отечественного образования? Эти и другие вопросы обсуждались в рамках круглого стола общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук ИГНиУ МГПУ, состоявшегося в конце 2016 года.

Обзор начинаем с публикации двух докладов.

Н.М. Твердынин

Высшая школа и проблемы рыночных отношений

В статье рассмотрены процессы, связанные с влиянием рыночных отношений на высшее образование. Показано, что в настоящее время приглашение выпускников вузов на работу, не обладающих максимальной квалификацией, но перспективных в научном плане, стало максимально экономически выгодно. Дано сравнение подходов к формированию педагогического корпуса в российских и зарубежных вузах.

Ключевые слова: высшее образование; качество подготовки студентов; обмен научными кадрами; рейтинг учебных заведений.

Образование как социальный институт никогда не являлось неизменным и всегда эволюционировало, изменяясь с теми социально-экономическими и социально-политическими процессами, которое претерпевало общество. При этом оно всегда было относительно инертно, и в случае значительных социальных перемен изменения в нем происходили несколько более медленно, чем в обществе в целом.

Хотя высшее образование и является наиболее мобильным сегментом образования в целом, но оно как в России, так и в других странах практически всегда запаздывало при выполнении социального заказа по подготовке специалистов в качественно новых областях [5: с. 509–560]. Аналогичную картину можно наблюдать и сегодня: в постсоветской России это выражается в многолетних и не всегда удачных реформах всего образовательного пространства, а в мире в целом — в переходе к Болонской системе, который практически завершен в развитых странах, но был встречен с достаточно большим сопротивлением в ряде таких государств с давно сложившимися образовательными традициями, как ФРГ, Франция, Италия и ряде других, включая нашу страну. И в том, и другом случае изменения были вызваны в первую очередь экономическими причинами. В России — крушением СССР и, как следствие этого, сокращением финансирования образования в целом, что наиболее губительно сказалась на затратных направлениях подготовки студентов вузов (медики, технологи, представители естественно-научных направлений). Применительно к другим странам следует говорить о влиянии на образование процесса глобализации, когда далеко не все государства оказались готовы к тому, что глобальные процессы в экономике не только сделают не нужными у них те или иные производства (как промышленные, так и сельскохозяйственные), но и ликвидируют потребность в соответствующих представителях тех или иных

различных профессий [1: с. 15–33], что предъявит совершенно новые требования к образовательным организациям [2, с. 58–60].

В условиях развития рыночных отношений современное образование как социальный институт претерпело и претерпевает значительные изменения. Помимо выполнения ряда социальных функций, присущих ему изначально, оно как никогда оказалось вовлеченным в сферу коммерции, а сам процесс получения студентами знаний был постулирован рядом государственных документов как представление образовательных услуг. В данном контексте обсуждаются не польза или вред этого явления, а то, насколько под действием экономических факторов образование меняется и куда эти изменения могут привести [4: с. 95–99].

Далее представляется логичным рассмотреть произошедшие изменения как «по горизонтали», так и «по вертикали», то есть по основным видам направлений подготовки: представители гуманитарных, естественно-научных, технических, экономических, сельскохозяйственных, медицинских и других областей знания (горизонталь) и различных уровней высшего образования: бакалавриат, магистратура, докторантура (в России — аспирантура). Кроме того, существует своеобразная «третья координата», связанная с подготовкой в высших учебных заведениях разных стран.

Если говорить о направлениях подготовки, связанных с гуманитарными областями, или областями, не требующими (как правило) значительных капитальных вложений (математика, теоретическая физика), то здесь имеются устоявшиеся традиции, которые не может значительно поколебать никакая система рейтингов. Естественно, что это связано и с философскими науками. Следует заметить, что все системы рейтингов, которые якобы выявляют лучших сто, двести или тысячу вузов, достаточно условны. Они составлены таким образом, чтобы те учебные заведения, которые являются наиболее известными в таких странах, как США и Великобритания, доминировали в данных списках. Ведь вряд ли можно поверить, что в ведущих университетах Германии, Франции или Швейцарии философию преподают хуже, чем в каком-нибудь из университетов США, который в собственно американских рейтингах находится в конце третьего десятка, но в мировых рейтингах уверенно входит во вторую сотню. При этом такой университет, как, например, Сорбонна, может просто выпадать из списка ста лучших университетов мира.

Ряд независимых исследований уверенно показывает, что имеются направления, такие как здравоохранение и медицина в Скандинавских странах и Финляндии, где соответствующие образовательные учреждения успешно лидируют по качеству подготовки специалистов и их дальнейшей успешности в профессиональной жизни. Что касается подготовки технических специалистов и профессиональных исследователей в области естественных наук, то Китай, Япония и ряд стран Юго-Восточной Азии в реальности вышли на лидирующие позиции, однако имеющиеся рейтинги отражают это далеко не всегда. Одновременно нельзя и соглашаться с мнениями, которые

достаточно часто высказывают наши ура-патриоты, что мы по-прежнему готовим самых лучших профессионалов в области высоких технологий и современных производств, которых потом просто переманивают на Запад. Дело не только в том, что хроническое недофинансирование нашего образования приводит к тому, что «утечка мозгов» (brain range), используемая Западом, действительно выкачивает интеллектуальный потенциал нашей страны. Есть и другие причины неэффективного или недостаточно эффективного использования этого потенциала в российской науке, технике и технологиях. (Надо, помимо прочего, помнить, что утечка мозгов существует с давних времен, и Россия тоже часто использовала это явление себе на пользу. Русские правители, начиная с Ивана III, постоянно старались обзавестись специалистами, которые могли наладить производство в соответствии с высокими технологиями того времени. Как известно, Аристотель Фьорованти не только построил Успенский собор в Кремле и стену Китай-города, но и наладил массовое производство пушек, которого до него в России просто не существовало.)

Особую опасность для России представляет сейчас стремление экономически передовых, а в ряде случаев и наиболее динамично развивающихся в технологическом плане стран не просто привлекать хороших специалистов, не тратя сил и средств на их подготовку. В последние два десятилетия процесс переманивания кадров значительно изменился, и эти изменения также связаны с экономическими реалиями. Оказалось, что гораздо эффективнее не приглашать известных ученых, а приобретать своеобразный «полуфабрикат», в качестве которого выступают выпускники магистратуры и даже бакалавриата лучших российских вузов естественно-научного и технического направления. Молодому бакалавру приглашающая сторона предлагает магистратура с последующей докторантурой, а магистру — докторантуру и стажировку в ведущих мировых фирмах по его профилю, а также другие заманчивые варианты, включающие весьма значительные стипендии и другие льготы. Кроме того, охота ведется и за победителями всемирных и всероссийских олимпиад по различным предметам, которых приглашают в бакалавриат зарубежных вузов. Оказалось, что такая работа обходится дешевле, чем вербовка крупных учёных, которые менее управляемы, да и срок их потенциальной творческой деятельности значительно ниже. Кроме того, научная работа молодыми исследователями ведется гораздо интенсивнее, а результаты целиком принадлежат принявшей их стороне. Есть еще одна особенность, на мой взгляд положительная, касающаяся построения научной карьеры. На Западе, особенно в США, только незначительная (порядка пяти-десяти процентов) часть профессорско-преподавательского состава любого университета является выпускниками именно этого университета. В своей научной карьере они проходят ряд перемещений, позволяющих им более критично оценивать достижения других научных школ и одновременно более активно включаться в научную кооперацию. У нас картина обратная. Как правило, во всех ведущих вузах половина и более его профессуры — бывшие выпускники этого учебного заведения [3: с. 88–94].

Результатом этого является картина, когда, например, выпускники-отличники магистратуры Казанского технологического института, или же Петербургского института точной механики и оптики, сумевшие опубликовать результаты своих исследований в высокорейтинговом журнале, предпочтут «нищей российской аспирантской стипендии» работу в творческом коллективе Калифорнийского технологического института с последующей докторантурой там. (Данный пример скомпонован из отдельных случаев отъезда наших выпускников из вузов Воронежа, Новосибирска и других научно значимых городов России за границу.)

Насколько сильно экономические факторы влияют на развитие образования, стоит отметить, говоря о ряде положительных сдвигов в современном российском высшем образовании. Развертывание новых программ в ряде наукоемких отраслей, включая оборонные, привело к тому, что многие студенты оказались вовлеченными в современные научные проекты и уже в процессе обучения смогли найти себе перспективные рабочие места в России, связанные с развитием современных высоких технологий. Это касается в первую очередь вузов ряда крупных производственных центров, таких как Тула, Екатеринбург, Иркутск, Омск, Самара и других.

В заключение хотелось бы сделать ряд выводов. Рассматривая и обсуждая социально-философские проблемы образования применительно к высшей школе, необходимо изначально расставить ряд приоритетов, без которых сам дискурс утратит смысл. Образование как социальный институт сформировалось весьма давно. Оно обладает характеристиками, которые в значительной степени отличают его от других подобных социальных объектов. Образование весьма чувствительно к социальному заказу. И именно в рамках выполнения социального заказа мы сталкиваемся с интереснейшим парадоксом, поскольку социальный заказ практически всегда торопит любую образовательную систему, а та, в свою очередь, «не спешит» преодолеть присущую ей инертность. Это происходит по двум причинам: неподготовленность преподавателей, а часто даже их отсутствие в качественно новых направлениях научных знаний, а также неготовность бюрократического аппарата к изменению существующих стандартов, что может выражаться в многочисленной бумажной работе без обновления сущности процесса (примером может служить чересчур медленное изменение программ и процесса преподавания в области инженерной графики при быстром росте компьютерных технологий).

Кроме того, в сфере высшего образования слабо внедряются последние достижения науки и техники даже по сравнению с начальным и средним профессиональным образованием. Основная причина этого состоит в том, что проблемы, связанные с развитием образования в его наиболее наукоемких и современных сегментах, решаемы лишь при условии достаточного финансирования. В ином случае никаких успехов принципиального характера достигнуто быть не может.

Литература

1. *Грунвальд Армин*. Техника и общество: западноевропейский опыт исследования последствий научно-технического развития: пер. с нем. М.: Логос, 2011. 160 с.
2. *Звонов В.С., Кисельников В.М.* Новая парадигма образования в цифровом обществе // «Информация – Коммуникация – Общество» (ИКО – 2016): труды XIII Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 21–22 января 2016 г.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2016. 411 с.
3. *Кугель С.А.* Четыре канала «утечки умов» из фундаментальной и прикладной науки в условиях реформируемой России // Международный ежегодник «Проблемы деятельности деятельности ученого и научных коллективов в России». Вып. XXX. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2014. 209 с.
4. *Луговой А.А., Луговая О.А.* Высшее образование в России в информационную эпоху // «Информация – Коммуникация – Общество» (ИКО – 2016): труды XIII Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 21–22 января 2016 г.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2016. 411 с.
5. *Мелик-Гайказан И.В.* Иллюзии сложного мира Hi-Tech. Инновационная сложность / отв. ред. Е.Н. Князева. СПб.: Алетейя, 2016. 608 с.

Literatura

1. *Grunval'd Armin*. Tehnika i obshhestvo: zapadnoevropejskij opy't issledovaniya posledstvij nauchno-texnicheskogo razvitiya: per. s nem. M.: Logos, 2011. 160 s.
2. *Zvonov V.S., Kisel'nikov V.M.* Novaya paradigma obrazovaniya v cifrovom obshhestve // «Informaciya – Kommunikaciya – Obshhestvo» (IKO – 2016): trudy' XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 21–22 yanvarya 2016 g.). SPb.: Izd-vo SPbGE'TU, 2016. 411 s.
3. *Kugel' S.A.* Chety're kanala «utechki umov» iz fundamental'noj i prikladnoj nauki v usloviyax reformiruemoj Rossii // Mezhdunarodny'j ezhegodnik «Problemy' deyatel'nosti deyatel'nosti uchyonogo i nauchny'x kollektivov v Rossii». Vy'p. XXX. SPb.: Izd-vo Politehnicheskogo universiteta, 2014. 209 s.
4. *Lugovoj A.A., Lugovaya O.A.* Vy'sshee obrazovanie v Rossii v informacionnuju e'poxu // «Informaciya – Kommunikaciya – Obshhestvo» (IKO – 2016): trudy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 21–22 yanvarya 2016 g.). SPb.: Izd-vo SPbGE'TU, 2016. 2016 g. 411 s.
5. *Melik-Gajkazan I.V.* Illyuzii slozhnogo mira Hi-Tech. Innovacionnaya slozhnost' / отв. red. E.N. Knyazeva. SPb.: Aleteja, 2016. 608 s.

N.M. Tverdynin

Higher School and the Problems of Market Relations

The article deals with the processes connected with the influence of market relations on higher education. It is shown that at present time the invitation of graduates of higher educational institutions to work, those that do not possess the maximum qualification, but promising in the scientific aspect, has become most economically profitable. Comparison of approaches to the formation of the teaching corps in Russian and foreign universities is given.

Keywords: higher education; the quality of students' training; exchange of scientific personnel; rating of educational institutions.

С.В. Чёрненькая

Российский университет в условиях глобализации и рынка

Сегодня осуществляется введение в университетскую систему образования критерия экономической целесообразности в ущерб решению своей главной задачи — подготовки специалиста с качественным университетским образованием.

Ключевые слова: модель классического университета; модель современного университета; академический менеджмент; образовательные бизнес-корпорации.

Изменения, происходящие в современном российском образовании, неразрывно связаны с изменениями в мировом образовательном пространстве в целом. На смену европейскому университету Нового времени, идеология которого была заложена представителями немецкой классической философии: И. Кантом, И. Фихте, Ф. Шлейермахером, В. Гумбольдтом, заявлена концепция «University of excellence» (университет превосходства, совершенства).

В модели Гумбольдта университет выступал центром воспроизводства национальной культуры, центром служения нации-государству. Университеты Нового времени создавались и всегда сознавали себя как центры национальной культуры, и потому, созданные и в Европе, и в США, и в России по единому гумбольдианскому лекалу, предполагали, включали в свою структуру культурное разнообразие. В условиях глобализации назначение и содержание образования не задаются границами национальных интересов. Однако образовательная система каждой страны — это отражение ее культурной, социальной и экономической жизни. Так что структура советской, а затем российской высшей школы изначально коренным образом отличалась от систем образования западных стран.

Национальные государства сегодня не являются основным местом воспроизводства капитала, и современный университет, помещенный в бизнес-контекст, превращается в своего рода транснациональную корпорацию. Для университета как бизнес-корпорации характерно, во-первых, широкое внедрение академического менеджмента, и как результат, доминирование фигуры академического менеджера над профессорско-преподавательским составом. Во-вторых, оценка деятельности преподавателя по критериям конкурентоспособности: привлечения грантов, индекса цитирования и т. д., и оценка деятельности вуза по способности находить негосударственные источники финансирования (различные фонды и др.). В целом осуществляется введение в университетскую систему образования критерия экономической

целесообразности. В истории европейского образования уже были попытки «утилизировать» знание, одна из которых связана с софистами, продававших философию как набор навыков, позволяющих сделать хорошую карьеру в качестве оратора или политика. Правда, такое понимание философии не было принято древнегреческим обществом, поскольку этос политика или оратора не исчерпывается прагматическим интересом. Современные вузы пытаются наращивать не свойственные им виды деятельности в ущерб решению своей главной задачи — подготовки специалиста с качественным университетским образованием, позволяющим в случае необходимости осуществить профессиональный маневр в своей будущей деятельности.

Как отмечает Е.В. Балацкий [1], перевод российских вузов в образовательные бизнес-корпорации происходит без мониторинга первых шагов реформы образования в России и своевременной их корректировки, без учета того факта, что реформы инициированы сверху, а профессорско-преподавательский состав российских вузов воспитан в идеологии кантовско-гумбольдтианской модели университета, утвердившейся в российской (царской) и советской системе образования. Университет в нашей стране утрачивает свою культуuroобразующую функцию, но образовательные реформы не направлены на изменение такого положения дел.

Многие принципы университетского образования, провозглашенные В. Гумбольдтом в середине XIX в., не утратили свою ценность сегодня: построение образования на основе фундаментальных наук, включение в процесс обучения исследовательской деятельности, преподавание как процесс воспроизведения и одновременно производства знания и др. В модели университета, задача которого — следование целям национального государства, философия была наукой, определявшей конфигурацию образовательного пространства. В современных социально-экономических условиях в образовании и науке становится определяющим критерий эффективности, экономической целесообразности, а существование философии как неутилитарного, избыточного по своей природе знания, равно как и других гуманитарных наук, в университете оказывается проблематичным. В целом в университете уменьшается доля философии и гуманитарных наук и увеличивается доля социальных наук, таких как социология, связи с общественностью, социальная психология и др.

Нельзя не согласиться с тем, что модель гумбольдтианского университета не во всем соответствует современной логике глобализации. Но в рамках предложенного для России участия в единых образовательных проектах (Болонский процесс и др.) есть достаточно возможностей для сохранения идентичности российского образования. А также для сохранения универсальных принципов (потому университет и именуется так) образования, традиций университетской школы: образование посредством науки (исследования), развитие критического мышления и т. д. Ситуация в современном российском образовании характеризуется тем, что есть воля Минобрнауки к реформам, которые должны привести отечественное образование в соответствие мировым

стандартам, есть критический анализ состояния российских вузов «изнутри», т. е. профессорско-преподавательским составом, деятельность которого непосредственно затрагивают проводимые реформы, нет «состыковки» между ними. Следует также подчеркнуть, что проблема несоответствия образования выпускников высшей школы требованиям современного рынка труда гораздо сложнее и, путем наращивания в деятельности высшей школы ее рыночной составляющей, вряд ли разрешима.

Литература

1. Балацкий Е.В. Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 124–149.

Literatura

1. Balaczkiy E.V. Upravlencheskie paradoksy' reform v universitetskom sektore // Zhurnal Novoj e'konomicheskoy associacii. 2015. № 2 (26). S. 124–149.

S.V. Chernenkaya

A Russian University in the Conditions of Globalization and the Market

Nowadays the introduction to the university system of education of the criterion of economic feasibility at the expense of solving its main task — the training of a specialist with a high-quality university education is carried out.

Keywords: model of a classical university; model of a modern university; academic management; educational business corporations.

Обсуждение выступлений участниками круглого стола

А.В. Жукоцкая: У меня вопрос к Н.М. Твердынину. Николай Михайлович, очевидно, что к образованию есть всегда и социальный, и государственный заказ, и также очевидно, что система образования — социальный институт, но всегда контролируемый государством. На ваш взгляд, современный университет в современных условиях (то есть в условиях вроде бы рынка) в России в первую очередь ориентирован на выполнение какого заказа?

Н.М. Твердынин: Социальный заказ в ряде случаев практически по большей части не совпадает с требованиями государства к образованию как социальному институту. Поэтому в настоящее время мы видим в России постепенное возвращение государством контролирующих позиций в образовательном пространстве, утраченных в перестроечное и постперестроечное время. Для высшей школы это выражается в закрытии ряда негосударственных вузов (часто действительно не отвечающих статусу высшего учебного заведения), уменьшении приема (с соответствующим финансированием) по отдельным направлениям и профилям обучения по другим. Мне представляется, что государство и дальше будет наращивать усилия по экономическому регулированию этих процессов. Аналогичную картину, причем в более «резких тонах» можно уже несколько лет наблюдать в Белоруссии.

В.М. Мелкумян: И все же представляется, что роль государства в регулировании образования еще недостаточна и, в частности, недостаточен контроль государства над частными вузами. Процесс отзыва лицензий у негосударственных вузов, о котором вы говорите, только начался, но эта «черная» дыра в российском образовании не ликвидирована и, по некоторым оценкам, будет существовать еще долго. Что же касается сокращения роли государства в финансировании высшего образования, то можно утверждать, что фактически мы перешли к платному образованию, так как значительная часть российских студентов уже учится за деньги, особенно на периферии. Но эффективности образования его платность не повысила.

А.В. Жукоцкая:

Что может университет и не может рынок?

В последние десятилетия всю систему отечественного образования старательно вписывают в контекст рыночной экономики. Я воспользуюсь лишь

терминами Ж. Лево¹, но логика рассуждения и выводы мои будут прямо противоположными. Итак...

Проблема первая — разные «логики»

Существует ли понятие «академическая рациональность» и как оно связано с понятием «экономическая рациональность»?

Лево полагает, что в «экономической рациональности» раскрывается логика получения максимально возможной прибыли для удовлетворения своих потребностей и реализации частных интересов. Это, безусловно, так. В «академической рациональности» речь может идти о логике эффективности получения, производства и распределения знаний. С моей точки зрения очевидно, что аксиологические составляющие и цели этих двух «рациональностей» разные. Например, профессорско-преподавательский состав университета, в отличие от работников бизнес-структур, вряд ли когда-либо цель своей профессиональной деятельности видели в личном обогащении, профессионально эти люди нацелены на производство и передачу знания. Поэтому принципы свободы и независимости в преподавании и исследовательской деятельности для преподавателей университета всегда приоритетнее, чем категории полезности и эффективности, которые навязываются правилами рынка. Поэтому, быть может, эти две «логики» при всех различиях имеют и некоторые шансы на сближение (как полагает Ж. Лево), но вряд ли они могут быть интегрированы в единый непротиворечивый университетский организм. Рыночная логика неогранична для университетской системы.

Проблема вторая — разные системы

Рынок, по мнению Ф. Хайека, производит в большом количестве нереальные, необоснованные обещания, которые раскалывают людей на враждебные группы.

1. Нормально функционирующий университет пытается соответствовать социальному и государственному заказу. Но в первую очередь он выполняет социальный заказ, реагируя на его изменения. Рынок никогда не работает «от заказа».

2. Современная демократия нуждается не только в армии, но и в интеллектуалах. Современный университет является гарантом устойчивости демократии и республики, воспроизводя научную, интеллектуальную, политическую элиту общества. В этом качестве он, конечно, является объектом государственной политики. Рынок не является «фабрикой элиты», а если это в полной мере объект государственной политики, то вряд ли это уже рынок.

3. Университет всегда ощущал себя ответственным за сохранение и «производство» культуры, что вообще не является предметом заботы рынка.

4. Университет как образовательное учреждение выполняет главную демократическую и социальную миссию — обеспечение в демократическом обществе всеобщего доступа к знаниям, уравнивание шансов на успех. Рыночная логика

¹ Лево Ж. Университет и рынок: сопоставимы ли академическая и рыночная рациональности? // Философские науки. 2008. № 11. С. 7–21.

затем в терминах «продуктивности» и «эффективности» оценит тех, кто будет иметь наибольшие шансы на социальную значимость, востребованность, признание и капитал.

5. Через университет в национальном государстве транслируются национальные и патриотические идеи, в университетах формируется национальная элита общества. Рынок вряд ли можно рассматривать как источник и реальный инструмент формирования патриотических чувств.

6. Университетское образование, с одной стороны, способствует формированию глубоких профессиональных специальных знаний и навыков, а с другой — способствует универсализации знаний, интегрированию их в современный контекст. Рынок — место применения компетенций, а не место «собрания» знаний в универсум.... И этот список можно продолжать далее.

Таким образом, на мой взгляд, есть ряд серьезных и принципиальных проблем, которые всегда будут стоять на пути интеграции системы образования в систему рынка.

В.М. Кондратьев: Хочу поддержать Александру Васильевну и сослаться на публикацию доктора экономических наук, профессора Е.В. Балацкого. Именно его статья «Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе» (2015 г.) стала предметом нашего обсуждения на «круглом столе». Я объясняю неудачу в развертывании реформ образования нелогическими действиями реформаторов отечественного образования, когда используемые для осуществления реформ средства не ведут к достижению цели. Более того, негативно влияют на образовательный процесс, на качество образования. Считаю главной целью высшего образования гармонизацию как внешнего, по отношению к студенту, мира (включая сюда и его экономическую востребованность в качестве профессионала), так и внутреннего мира студента, включающего в себя его ценностные ориентации, мировоззренческие поиски, творческие интересы.

В.М. Мелкумян: Проблему интеграции образования в систему рынка российские вузы решают уже 25 лет, как только правительство Гайдара начало переход к рынку. Но ее решения пока не видно. Представляется, что основой ее решения должна выступать разработка концепции развития высшего образования. Во-первых, необходимо определиться, как государство должно выделять бюджетные места вузам. Очевидно, что сейчас этот процесс с потребностями рынка в специалистах прямо не связан. Во-вторых, необходимо определиться с системой финансирования образования. За рубежом многие государственные вузы получают бюджетное финансирование, но обучение у них платное. Платность обучения во многих зарубежных странах превратилась в «ограничитель» числа желающих его получить, а дополнительные действия в этом отношении предпринимают сами вузы, ограничивая набор и привлекая наиболее подготовленных студентов.

В России эти механизмы не действуют. Вузы держатся как за платных, так и за бесплатных студентов. Исключением в этом отношении выступают немногие технические вузы, где уровень обучения соответствует или превосходит мировые

стандарты. Но в последние годы качество обучения и у них снижается. Одна из причин этого — введение платного обучения.

В России спрос на образование остается высоким, а ограничение числа студентов не действует. Самое парадоксальное в том, что во многих гуманитарных вузах студенты готовы учиться, четко не представляя себе будущей специальности и возможности устройства по ней в будущем на работу. За рубежом получение высшего образования давно превратилось в бизнес, который гарантирует получение во многих случаях по окончании высокой заработной платы. Очевидно, что государство должно как-то регулировать прием в вузы, особенно на бюджетные места, с тем чтобы в будущем устранить разрыв спроса и предложения на рынке многих специальностей высшего образования. Очевидно, что число вузов в России должно уменьшаться, а многие из тех вузов, которые процветали при социализме, должны объединяться. Но, как это следует из последних заявлений Минобрнауки, процесс объединения вузов пока приостановлен. Как тогда устранить существующий дисбаланс спроса и предложения по многим специальностям, остается непонятным. Видимо, эта ситуация в ближайшие годы в российском образовании не изменится.

Л.В. Королева: Виктор Меружанович, вмешательство рыночных отношений в систему российского образования порой приводит к тому, что обучающиеся на разных уровнях подготовки (бакалавры, магистры) требуют для изучения набор только тех предметов, которые непосредственно относятся к выбранной специальности. Дошло до того, что, например, экономисты просят преподавать лишь те курсы, которые помогут им в дальнейшем сделать успешный бизнес. К чему, на ваш взгляд, это может привести? И вообще — это положительная тенденция?

В.М. Мелкумян: При чем здесь рыночные отношения? Нежелание студентов изучать непрофильные дисциплины — это феномен еще советского образования. С этой проблемой я лично столкнулся, когда начал преподавать в то время, когда существовал СССР. Что же вы хотите, чтобы эта проблема исчезла сейчас! Отношение студентов к учебе у нас во многом не изменилось, и многие не понимают, что высшее образование предполагает изучение и непрофильных предметов. К положительной тенденции это, конечно, нельзя отнести. Но решение проблемы видится во введении для различных специальностей различных «наборов» непрофильных предметов и в разработке соответствующих программ, которые интересны студентам.

У меня, со своей стороны, вопрос к С.В. Чёрненькой: мне кажется, Светлана Васильевна, вы забыли один аспект работы университета по принципу бизнес-корпорации. Это набор преподавателей. На Западе все преподаватели проходят конкурс и могут спокойно перемещаться между вузами. В России же конкурсы формальные, а это приводит к тому, что многие кафедры не выполняют одной из своих главных задач — обеспечения вуза квалифицированными преподавателями.

С.В. Чёрненькая: Виктор Меружанович, поскольку наше образование все еще перекраивается по западному образцу, указанное вами требование, несомненно, будет учтено. В имеющихся сейчас проектах оно есть. Конкурс — необходимое, но еще недостаточное условие для обеспечения вуза квалифицированными преподавателями.

Л.В. Королева: Думается, что гуманитарные и социальные науки в России на сегодняшний день вновь оказались в проигрыше. Они вроде бы присутствуют в учебных планах, но количество часов для них отводится небольшое (та же социология). Часть дисциплин, например политология, вообще исключена из большинства специальностей даже гуманитарного направления. Практически везде по этим предметам отсутствуют экзамены, а зачеты стали формальностью. Возможно ли в сложившейся ситуации полноценное гуманитарное образование студентов, аспирантов и т. д.? И что делать в такой ситуации?

С.В. Чёрненькая: Лариса Владимировна, в сложившейся ситуации вряд ли возможно полноценное не только гуманитарное, но и техническое образование и т. д. Компетентностная модель, ставшая принудительно-обязательной в нашем образовании, в США, допустим, введена далеко не во всех вузах и ориентирована она в основном на людей, уже обладающих опытом практической работы, но не имеющих диплома об окончании вуза. Соответственно скорректирована образовательная программа: онлайн-курсы, значительный объем часов на самостоятельную работу, выполнение практических заданий, индивидуальный график работы и т. д. У нас компетенции формируются у вчерашних школьников. А преподавателям остается в рамках требований, предъявляемых к ним, лишь критический анализ сложившейся ситуации. Может быть, предъявить Минобрнауке социальный заказ «снизу» от академического сообщества?

В.М. Кондратьев: Можно скорректировать учебные программы изучения профессиональных и других гуманитарных дисциплин, исходя из понимания того, что исторический подход реализуется в профессиональных, социальных и в философских дисциплинах. С этой целью в ИГНиУ нами организуется межкафедральный методологический семинар. Успех в его работе будет зависеть от степени взаимопонимания преподавателей разных дисциплин. Хочется верить, что междисциплинарное взаимодействие окажется всем полезным, будет способствовать достижению гармонии во взаимодействии внутреннего и внешнего мира настоящих и будущих педагогов. Присоединяйтесь.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»,
2017, № 2 (22)**

Бессонов Борис Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: Philos-mgpu@mail.ru

Бирич Инна Алексеевна — доктор философских наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: ebirich@yandex.ru

Жукоцкая Александра Васильевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Иванеев Сергей Васильевич (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Конституционного и международного права Университета «СИНЕРГИЯ».

E-mail: sivaneev@mail.ru

Иванюшкин Александр Яковлевич — доктор философских наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Кондратьев Виктор Михайлович — кандидат философских наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: kondrut@mail.ru

Королева Лариса Владимировна — кандидат политических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: larvk@rambler.ru

Мелкумян Виктор Меружанович — кандидат экономических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Мирзоян Александр Витальевич — аспирант общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Моисеева Нелли Алексеевна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и истории Российского государственного аграрного заочного университета.

E-mail: moiseeva.nel@yandex.ru

Твердынин Николай Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: tvernick@mail.ru

Туйцын Юрий Владимирович — кандидат философских наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Чёрненькая Светлана Васильевна — кандидат философских наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Чесноков Григорий Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Шпилов Александр Григорьевич — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Российского государственного аграрного заочного университета.

E-mail: 1-2-34@rambler.ru

Шлемова Наталия Анатольевна — кандидат философских наук, доцент общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

E-mail: shlemovana@mail.ru

AUTHORS

of «MCU Vestnik». Series «Philosophical Sciences», 2017, № 2 (22)

Bessonov Boris Nikolaevich — doctor of Philosophy, professor, professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: Philos-mgpu@mail.ru

Birich Inna Alekseevna — doctor of Philosophy, professor, professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: ebirich@yandex.ru

Zhukotskaya Alexandra Vasilievna — doctor of Philosophy, professor, professor of the department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: azhuk1@mail.ru

Ivaneev Sergey Vasilievich (Moscow) — Ph.D. (Law), docent, docent of the department of Constitutional and International Law of the University «SYNERGY».

E-mail: sivaneev@mail.ru

Ivanyushkin Alexander Yakovlevich — doctor of Philosophy, professor, professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Kondratyev Viktor Mikhailovich — Ph.D. (Philosophy), docent, docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: kondrut@mail.ru

Koroleva Larisa Vladimirovna — Ph.D. (Politics), docent, docent of all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: larvk@rambler.ru

Melkumyan Viktor Meruzhanovich — Ph.D. (Economics), docent, docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Mirzoyan Alexander Vitalyevich — a postgraduate student of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Moiseeva Nelli Alekseevna — doctor of Philosophy, docent, head of the department of Philosophy and History of the Russian State Agrarian Correspondence University.

E-mail: moiseeva.nel@yandex.ru

Tverdynin Nikolay Mikhailovich — doctor of Philosophy, professor, professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: tvernick@mail.ru

Tuytsyn Yuri Vladimirovich — Ph.D. (Philosophy), docent, docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Chernenkaya Svetlana Vasilievna — Ph.D. (Philosophy), docent, docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Chesnokov Grigory Dmitrievich — doctor of Philosophy, professor, professor of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of the Institute of Humanitarian Sciences and Management of Moscow City University.

E-mail: DancheevaM@mgpu.ru

Shipilov Alexander Grigoryevich — Ph.D. (Agricultural Sciences), docent, docent of the department of Philosophy and History of the Russian State Agrarian Correspondence University.

E-mail: 1-2-34@rambler.ru

Shlemova Natalia Anatolyevna — Ph.D. (Philosophy), docent, docent of the all-university department of Philosophy and Social Sciences of Moscow City University.

E-mail: shlemovana@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по философским наукам.

Журнал адресован научно-педагогическим работникам, педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам — всем, кто интересуется вопросами философского осмысления истории человечества и цивилизации, современной жизни общества, сущности человека в свете его творческой деятельности, проблемами устойчивого развития мира в эпоху глобализации и экологического кризиса, участия человека в судьбе планеты.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи, слева, заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются: название статьи, автор, аннотация (Resume), ключевые слова (keywords) на английском языке.

7. Рукопись сдается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно узнать на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Философские науки» предлагаем обращаться к составителю — заместителю главного редактора *Бирич Инне Алексеевне*.

Телефон редакции: (499) 181-66-29.

E-mail: philos-mgpi@mail.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Философские науки»
2017, № 2 (22)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62498 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор философских наук, профессор *Б.Н. Бессонов*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

В.П. Бармин

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

А.В. Бармин, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 10.05.2017 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 7,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.